

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

11
ТОМ

2013

4
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:
Южный федеральный университет

Главный редактор **Мамедов О.Ю.**

Редакционная коллегия:

Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,
Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н., председатель, доктор экономических наук, профессор,
Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Белушов В.М., доктор экономических наук, профессор,
Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор,
Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,
Кетова Н.П., доктор экономических наук, профессор,
Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,
Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор,
Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор,
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,
Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,
Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор,
Туманян Ю.Р., доктор экономических наук, профессор,
Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор,
Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,
Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор,
Элман М.Дж., почётный профессор Амстердамского университета.

Ассистент редактора **Оганесян А.А.**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
тел.: (863) 2653-158, 2648-466
факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://sfedu.ru/evjur/>

TERRA ECONOMICUS

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Founder:
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Editor in Chief **Mamedov O.Yu.**

Editorial Board:
Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor,
Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor,
Volchik V.V. (Deputy Editor), Doctor of Economics, Professor,
Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor,
Ovchinnikov V.N., Doctor of Economics, Professor.

Editorial Staff:
Ovchinnikov V.N., Chairperson of Editorial Staff, Doctor of Economics, Professor,
Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor,
Arkhipov A.Yu., Doctor of Economics, Professor,
Belokrylova O.S., Doctor of Economics, Professor,
Belousov V.M., Doctor of Economics, Professor,
Borovskaya M.A., Doctor of Economics, Professor,
Chernyshov M.A., Doctor of Economics, Professor,
Ellman M.J., Emeritus Professor, Amsterdam University,
Germanova O.E., Doctor of Economics, Professor,
Ketova N.P., Doctor of Economics, Professor,
Khanin G.I., Doctor of Economics, Professor,
Kryukov S.V., Doctor of Economics, Professor,
Lukyantsev A.A., Doctor of Laws, Professor,
Makarenko V.P., Doctor of Politics, Professor,
Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor,
Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor,
Naimushin V.G., Doctor of Economics, Professor,
Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor,
Tsyganenko S.S., Doctor of Laws, Professor,
Tumanyan Yu.R., Doctor of Economics, Professor,
Volchik V.V., Doctor of Economics, Professor

Assistant editor **Oganesyan A.A.**, Candidate of Economics, Principal Researcher

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are
available at <http://sfedu.ru/evjur/>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board.
The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.
Post-graduates' articles to be published are free of charge.

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
**Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958**

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 2653-158, 2648-466
Fax: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rektorat@mis.rsu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: +7 (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://sfedu.ru/evjur/>

«СЛОВО РЕДАКТОРА»

- Мамедов О.** Европейский либерализм и российская экономика – драма безответной любви?.....6

«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

- Вольчик В.В., Кот В.В.** Институциональные изменения в периферийных регионах: роль гражданских институтов.....12
- Найденова Е.М.** Рузвельт, Кейнс и Великая депрессия.....36
- Журавская Т.Н.** Моральная экономика «хищников»: случай дальневосточных поселений.....44

«ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

- Эли Р.Т.** Конкуренция: ее природа, постоянство и благотворность.....54

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ»

- Барышников М.Н.** Оформление нобелевского концерна в России в начале XX века.....62

«ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ»

- Белокрылов К.А.** Перспективы социально-экономического развития Южно-Российских регионов в контексте стратегического выбора России.....74
- Грачёв Г.А.** Системология расселения и регионального устройства России.....81
- Шафиров Л.А.** Роль органов местного самоуправления в системе кредитования населения: координирование в интересах предпринимательского сообщества региона.....90

«ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ»

- Макаренко В.П.** Совпадение идей: от античных пиратов к научному сообществу (гипотеза М.К. Петрова на фоне историографии и науковедения).....102

«ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ»

- Нуреев Р.М.** Западный мир на пути к постиндустриальному обществу.....120

«КОНФЕРЕНЦИИ»

- Сорокожердьев В.В., Хашева З.М., Константиныди Х.А.** Измерения стратегии модернизации России.....143
- Заврумов З.О., Колядин А.П.** Языки, образование и культуру – на службу мира!.....147

«ОН ТАКОЙ ОДИН»

- Мэйстринг Дж.** «Institutional Ecacas».....150

EDITORIAL

- Mamedov O.Yu.** European liberalism and Russian economy –
drama of unrequited love?.....6

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

- Volchik V.V., Kot V.V.** Institutional change in the peripheral regions:
The role of the civil institutions.....12
- Naydenova E.M.** Roosevelt, Keynes, and Great Depression.....36
- Zhuravskaya T.N.** Moral economy of illegal miners: evidence
from Russian Far East.....44

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

- Ely R.T.** Competition: its nature, its permanency, and its beneficence.....54

ECONOMIC HISTORY

- Baryshnikov M.N.** Creation of Nobel concern in Russia
in the early twentieth century.....62

REGIONAL ECONOMY PROBLEMS

- Belokrylov K.A.** Prospects of socio-economic development
of the south regions of the Russian Federation in a context
of Russia's strategic choice.....74
- Grachev G.A.** Systemology of the settlement and
the regional structure of Russia.....81
- Shafirov L.A.** The role of local authorities in the lending
to individuals system: coordinating for the regional entrepreneurial
community benefits.....90

REVIVING THE WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCE

- Makarenko V.P.** Convergence of ideas: from the ancient pirates
to the scientific community (M.K. Petrov's hypothesis against
the background of historiography and science of science).....102

THE OPEN AUDIENCE

- Nureev R.M.** Western world on the way toward postindustrial society.....120

CONFERENCES

- Sorokozherdev V.V., Hasheva S.M., Constantinidi Kh.A.** Russia's
modernization strategy measurement.....143
- Zavrumov Z.O., Kolyadin A.P.** Language, education and culture –
for the peace!.....147

HE IS THE ONE

- Meinstring J.** «Institutional Ecacas».....150

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА – ДРАМА БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ?

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Европейский либерализм – предок всех более поздних либерализмов – встретил в России столь жёсткое неприятие, что может создаться впечатление, будто он и есть главный враг современного российского общества. Более того, усиливающееся, порой на грани истерики, обличение явных и мнимых пороков либерализма приобретает такой накал, что впору воскликнуть – «Ганнибал у ворот!»¹

Между тем этот расчетливый и потому нарочитый ажиотаж не имеет оснований. Почему?

Ключевые слова: либерализм; экономический анализ; политика; идеология; экономическая история.

EUROPEAN LIBERALISM AND RUSSIAN ECONOMY – DRAMA OF UNREQUITED LOVE?

O.Yu. MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Honoured worker of science of the Russian Federation,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

European liberalism – the ancestor of all subsequent liberal ideas – has faced hard resistance in Russia; as a result, the impression that liberalism is the main enemy of modern Russian society may appear. Moreover, revelation of explicit and imaginary defects of liberalism going with high-intensity emotions – at times on the verge of hysteria – seems to be so acute that one might exclaim: «Hannibal at the gates!»

Meanwhile, there are no reasons for such an intentional and, therefore, deliberate excitement. Why?

Keywords: liberalism; economic analysis; policy; ideology; economic history.

JEL classification: A11, A13, B41, N00.

¹ См., напр.: (Исайчиков, 2010; Янов, 2005). М. Шевченко, один из идеологов российского воинствующего антилиберализма, заявил: «Наш идеал – это человек, ушедший в пещеры от социума и в пещерах борющийся со злом, с дьяволом, с демонами» (Эхо Москвы, 2013); и то – зачем пещерному человеку либерализм? Может, и в самом деле откликнуться на этот призыв и вернуться в пещеры, чем жить в либеральном социуме, особенно если либерал-демократизм будет реализован в исполнении нашей одноименной политической партии?

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Научная социология установила объективность трехуровневого строения общества: «экономика – политика – идеология». Соответственно, различают экономический, политический и идеологический либерализм.

Идеологический либерализм не имеет никаких шансов на успех в обществе, в котором высокие нравственные устои трактуются чуть ли не природным свойством населения, а неискоренимое уважение к традициям обеспечивает естественную тягу к консерватизму большинства участников локального исторического процесса.

Столь же призрачными являются шансы у политического либерализма – многовековая незыблемость института сильной власти свидетельствует о прочности архаичной социальной архитектуры.

Но совсем иной становится картина, когда речь заходит о либерализме экономическом, – вот где таится подлинная и, пожалуй, неустрашимая опасность для системы победившего консерватизма: экономика – это не идеология, в которой одному трактату можно противопоставить другой, это не политика, в которой один политический пиар может быть побежден другим политическим пиаром. Экономика – это единственная сфера общественной бытия, в которой экономические формы сражаются «по гамбургскому счету» и в которой побеждает не более убедительный политик или более красноречивый идеолог, а более убедительная действительность, имя которой – *эффективность*².

И то общество, которое на протяжении длительного исторического времени демонстрирует устойчивое превосходство в производительности и организации общественного труда, в механизме решения социальных проблем и в качестве повседневной жизни, вот то общество неизбежно и окажется победителем в конкуренции со всеми иными, менее эффективными способами коллективной жизнедеятельности³. И если либерализм в экономике детерминирует названные превосходства, то – как бы он ни был повержен в сфере политики и идеологии, – все это окажется временной победой, ибо за ним – то, о чем мечтают народы во все времена⁴.

Остается одно – убедиться, что превосходство в производительности и организации общественного труда, в механизме решения социальных проблем и в качестве повседневной жизни обеспечивает именно экономический либерализм.

ЧЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО?

Поспешное, позорное бегство российского обществознания от научной методологии социального познания, представленной марксизмом, помимо всего прочего свидетельствовало и о поверхностном уровне прикосновения к этой методологии обществоведами, которые вследствие именно этой поверхностности стали мнить себя обществоведами. Это заблуждение дорого обошлось, – но не им, сразу записавшимся в неофиты эмпирического позитивизма (экономикса), а нашему обществу (как бы сегодняшняя битва консерваторов с либерализмом не обошлась бы в еще большую историческую цену).

Впрочем, никакого реального значения победа в политической или идеологической сферах антилибералов над либералами не имеет, ведь это – победа одних слов над другими словами. Научный же социальный анализ всегда опирается на другую материю – на выявление и изучение *объективных тенденций развития общественного производства*. Только такие тенденции, а не политико-идеологические заклинания, составляют содержание экономической истории, увлекая за собой и политику, и идеологию.

В современной ситуации забвения элементарных основ социальной науки нелишне напомнить: **экономическое развитие – это естественноисторический процесс, природа которого по объективности не уступает физическим или химическим процессам**. Отрицание этого фундаментального положения равносильно отрицанию самой социальной науки. К сожалению, не все

² Специальные исследования показывают, что большинство населения (62%) в государствах-членах ЕС остаются лояльными к основополагающим ценностям либерализма (при этом «за» либерализм в экономике высказались 84% опрошенных во Франции, по 78% – в Германии и Испании, 66% в Англии), – см.: (Glover, 2011).

³ Конечно, в Истории всякое бывало, – хорошо, что афиняне взяли вверх над персидским царем Ксерксом; а если бы победил Ксеркс? Тогда в мире до сих пор торжествовала бы азиатская деспотия, и было бы не только не до либерализма, но даже консерватизм казался бы ультралиберализмом! Впрочем, это бы ничего не изменило: неграмотный может убить грамотного, но от этого сам он грамотным не станет.

⁴ См.: (Мизес, 2007. С. 344; Хайек, 2004).

из отечественных обществоведов (особенно те, кто не имеют даже элементарной экономической подготовки) это понимают; они наивно (или – злонамеренно?) внушают неэкономистам, что социальные законы располагаются по государственным (еще хуже – этническим) границам. И невдомек ученым коммерческого призыва, что это все равно как если бы физики делили атомы на «французские», «китайские» и «бразильские».

И поздно (иногда даже – слишком поздно) приходит понимание, что экономический анализ не сводится к эконометрическому, что **экономика – это не производство, не технология, а историческая, запрограммированная императивами предшествующего и данного уровня развития производства (технологии массовых производственных процессов) форма его организации**.

Таким образом, сфера идеологии и политики – это всегда вторичная, производная от экономики арена борьбы отражений, представлений об объективном мире, тогда как экономика – это и есть объективная социальная реальность.

ЧТО ТАКОЕ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ»?

История европейского либерализма насчитывает не менее пяти столетий, ведя родословную от Эпохи Возрождения. За это время он совершил сложную эволюцию, многократно отвергался и вновь признавался⁵, превратился в сложную идеологическую систему, имеющую множество направлений и оттенков. И, тем не менее, главное оставалось неизменным: **суть экономического либерализма – в требовании предоставления большей степени свободы экономическим агентам за счет уменьшения масштаба вмешательства государства в сферу частной жизни общества**⁶.

Кто разделяет это требование как основной императив социального прогресса – тот и есть либерал. Тот, кто имеет иное представление о механизме социальной динамики, – антилиберал. Вот и все незамысловатое размежевание в отечественной, да и зарубежной, общественной жизни и мысли.

С позиций экономического либерализма сущность формационного движения общества заключается в объективной необходимости предоставления максимально возможной – для данной исторической ступени развития экономики – степени свободы хозяйствующим агентам (на базе углубления системы общественного разделения труда посредством двух вечных форм ее реализации – специализации и кооперации труда и производства). Как только достигнута предельная для данного уровня развития производительных сил степень экономической свободы хозяйствующих агентов (главный источник роста эффективности производства), как только исчерпан исторический «лимит экономической свободы», – начинается стагнация экономики, перерастающая в последующий производственный кризис.

Переход к новой производственной технологии разрешает это противоречие и открывает движение к новым формам и степени экономической свободы участников общественного производства. Такой подход позволяет осознать, что на каждом витке экономической истории конкуренция между национальными системами производства состоит в постоянном отыскании и построении ими социально-эффективного механизма предоставления максимальной степени свободы хозяйствующим субъектам. И побеждает та национальная экономика, которая достигает этого не уверениями или лозунгами, а – в реальности. Впрочем, относительная самостоятельность политико-идеологической надстройки позволяет противодействовать этой объективной экономической за-

⁵ См.: (Kurlander, 2009). Автор исследует деятельность либеральных демократов в Германии в период с 1933 года по конец нацистского режима. Он указывает на то, что хотя принято считать, что либералы покинули родину при первых же признаках перехода власти к нацистам, в действительности же большинство из них остались. Некоторые даже процветали при Гитлере как в личном плане, так и профессиональном. В книге рассматриваются мотивы, надежды и страхи либеральных демократов-немцев, которые лучше всего иллюстрируются на примере среднего класса Веймарской республики, и выясняется, почему либералы так мало сопротивлялись и так много восприняли от Третьего рейха; немецкий либерализм был не только противником, но и жертвой национал-социализма. Курландер полагает, что в некоторых отношениях либерализм был идеологическим и социологическим предшественником нацизма, и приходит к выводу о том, что исследование либерализма может иметь решающее значение для понимания генезиса авторитарных режимов во всем мире (автор полагает, что длительное нежелание веймарских демократов выступить против нацистского режима демонстрирует, как легко, пусть и постепенно, либеральная демократия может поддаться фашизму).

⁶ Термин «либерализм» используется в современном английском языке в двух различных и даже противоречивых отношениях. Первоначально (в конце XVIII – начале XIX веков) он обозначал идеи «буржуазии» (бизнес-класса) в пользу различных свобод (торговли, занятости, религии, выражения мнений) в отличие от «консерватизма», охраняющего исторические привилегии. Сегодня в Европе либерализм означает сведение к минимуму государственного участия и регулирования в экономической сфере» (MacLean).

кономерности, предавать анафеме экономический либерализм, обрекая тем самым страну на неизбежную экономическую катастрофу в глобальной конкуренции национальных экономик.

История развития человечества – длительное и мучительное превращение толпы безликих несвободных производителей в созвездие свободных и потому эффективных индивидуальных создателей. А материальная основа этого – перманентная либерализация системы экономической организации национального производства. И уж тем более такой либерализации требует возникающая сегодня «экономика знания», которую невозможно создать административно погоняемыми «винтиками».

В свое время История поставила жестокий, но неопровержимый эксперимент – разделение экономики одного народа на «капиталистическую» и «социалистическую» модели – Федеративная Республика Германии и Германская Демократическая Республика, Северный и Южный Вьетнам, Северная и Южная Корея. И везде экономическое превосходство достигалось той системой, которая у нас именуется «либеральной». Понимание этого объясняет стремление стран бывшего «социалистического лагеря» войти в состав Европейского союза (даже Сербии, которая, казалось бы, после воздушных бомбардировок должна была отвернуться от него, не говоря уже об Украине, которая с колебаниями, но также выбирает путь к европейскому либерализму⁷).

ВЫВОДЫ

1. Объективные экономические тенденции – непобедимы. Они не поддаются словам или закликаньям, они равнодушны к новым и старым теориям, у них своя логика – движение к новым высотам эффективности, а в этом и состоит экономическое содержание социального прогресса. Поскольку экономический либерализм и обеспечивает такую эффективность, то он все равно, рано или поздно, преобразует экономическую организацию отечественного производства.

2. Российская экономика всегда существовала как многоукладная система. Поэтому экономический либерализм, имеющий сегодня своей материальной основой новейшие технологии производства, пока представлен в российской экономике в той мере, в какой в ней развит новейший технологический уклад, то есть – в ограниченном масштабе. Именно это «очаг» («рассадник»?) либерализма и должен был расшириться в результате ускоренной модернизации российской экономики. И либерализм (не стоит обольщаться его противникам) никуда и никогда не исчезнет, пока не будет решена та проблема и не взяты те высоты, которые возможно решить и достичь только с его помощью.

3. Будущее, действительно, за «экономикой знания». А такая экономика требует новой ступени либерализации⁸. Технология «компьютерного производства» революционизирует организацию всех сфер общества, включая сферу высшего образования. Либеральная революция последней будет состоять в преодолении искусственной, несвойственной этой сфере гигантомании, равно как и разрушительной для академических свобод «вертикализации» внутривузовского устройства.

Унизительная многовековая модель «догоняющего развития» – так выглядит сегодня расплата нашей страны за многовековое идеологическое насилие над экономикой. И пора бы уже понять: экономика, тем более рыночная, – изначально возникала как пространство свободы, как система либерализма, как сфера гражданского общества и частного права. В историческом плане сегодняшняя «победа» над экономическим либерализмом завтра неизбежно обернется стратегическим поражением. Этого допустить нельзя.

Экономические тенденции нельзя «придумать» или «внедрить», потому что экономическое развитие носит исторически обусловленный, преемственный характер, вырастая из данного конкретного уровня технологии производства.

⁷ «Экономический либерализм является величайшим экономическим направлением теории и практики в течение последних трех столетий, базируясь в основном на либерализации экономики. В до- и межвоенный периоды XX века классический либерализм перерос в «экономический неолиберализм». Принципиальное отличие между ними касается роли правительственного планирования экономической деятельности. Неолиберализм принимает вмешательство правительства ... Четыре основных принципа, на которых основана либеральная экономическая теория: экономика регулируется законами и целями, экономика основана на частной собственности, экономика предоставляет свободу действий, совершенная и свободная конкуренция – неотъемлемый атрибут либерального рынка» (*WhatIsLiberalism.com*).

⁸ Безжалостна экономическая динамика – мы еще не взяли начальный рубеж экономического либерализма, а информационно-коммуникационные технологии уже требуют от нас перехода к гораздо более высокой ступени либеральной организации производства.

Экономические тенденции не нуждаются ни в трактователях, ни в защитниках, – если это экономические, то есть *объективные*, тенденции, то они все равно будут реализованы, поскольку выражают общеэкономические законы общественного развития.

Выбор либерализма или его отрицание – это не вопрос идеологии или политики, это – императив экономики, а экономика, как известно из истории, не склонна к сантиментам: один раз сказала обществу – не послушали, второй раз сказала – не послушали, а третьего раза может и не случиться.

И не дело институтам власти определять, какая идеология нужна экономике, – **экономика находится вне идеологии и руководствуется имманентной логикой собственного развития.** И уж не нам ли, построившим в прошлом веке самую идеократическую экономику в мире, не знать пагубность такого «строительства»?

Благодаря экономистам-классикам известно: об эпохе нельзя судить по тому, что о ней пишут политики и говорят идеологи. Суть эпохи выражают только реализуемые ею экономические тенденции. Это и позволяет утверждать, что для отечественной экономики современного периода – это переход от консерватизма к либерализму, путь, который проделали многие страны и который проделывают те, кто этого еще не успел сделать (в силу разных исторических девиаций).

Экономика «разговаривает» с обществом особым языком: если ее слышат, понимают и помогают реализовать актуальные экономические тенденции, то она откликается ростом эффективности производства и благосостояния нации; если же препятствуют, то она протестует экономическими кризисами и стагнацией.

Хотя движение к либерализму и является для российской экономики своего рода «вневременным» средством прорыва к социально-экономической эффективности, сегодня для этого – особенно удачный момент, поскольку в настоящее время происходит крайне редко наблюдаемый в экономической истории переход от одного способа производства («индустриального») – к более эффективному («постиндустриальному»). Уникальность подобных переходных эпох состоит в том, что на этот переходный период все страны, независимо от уровня их развития в рамках прежнего способа производства, как бы выравниваются в стартовой позиции по отношению к освоению технологии нового способа производства, – не случайно возведением постиндустриальной «экономики знания» сегодня заняты практически все страны мира. И по отношению к этой возводимой экономике – все новички. Но для реализации производительного потенциала экономики знания необходимы не только новая технология, но и *иная* экономическая организация производства. И какая страна это сделает раньше других, та и победит в глобальной конкуренции национальных экономик.

Но что же скрывается за определением «иная»? – Новый уровень либерализации деятельности первичных экономических субъектов!

И если бы нам удалось реально пойти по пути такой либерализации, соединив ее с «компьютерной технологией», мы бы имели шанс прорваться в группу мировых лидеров.

«Безответная любовь» европейского либерализма к российской экономике станет «ответной» только тогда, когда в материальных основах отечественного производства станут преобладать современные технологии и современный менеджмент. Когда же?

В 1836 году появились вдохновенные строки, озарившие жизнь всех последующих поколений россиян, – «И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал, Что в мой жестокой век восславил я Свободу И милость к падшим призывал...» Удивительно, но из названных чувств только «Свобода» начертана с большой буквы⁹, – Гений!

ЛИТЕРАТУРА

Исайчиков В.Ф. (2010). Бесчеловечность либерализма // Библиотека «Третий Фронт». Блоги Владимира Пронина, 28 июня. Доступно на: http://3front-books.blogspot.ru/2010/06/blog-post_28.html.

Мизес Л. (2007). Либерализм. Челябинск: Социум.

Хайек Ф.А. (2004). Судьбы Либерализма. Глава четырнадцать. Бруно Леони (1913–1967) и Леонард Рид (1898–1983) // *Цифровая библиотека Украины*. Доступно на: http://www.elib.org.ua/economics/ua_show_archives.php?subaction=showfull&id=1103475977&archive=1130012900&start_from=&ucat=14&.

⁹ Хотя черновой вариант этой строфы выглядел иначе («И долго буду тем любезен я народу, Что звуки новые для песен я обрел, Что вслед Радищеву [автору оды «Вольность» - О.М.] восславил я Свободу И милосердие воспел»), но и тогда уже «Свобода» была написана с заглавной буквы! Вот уж эти неисправимые либералы ...

Эхо Москвы (2013). «Особое мнение». Шевченко М. // *Радиостанция «Эхо Москвы»*. Доступно на: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1225489-echo/#element-text>.

Янов А. (2005). Идейная война: эпигоны, либералы, Россия и Европа (либерализм в истории России и о принадлежности России к европейской цивилизации) // *Свободная мысль – XXI*, № 3, С. 40–58.

Glover J. (2011). Most Europeans see themselves as liberal, Guardian poll shows // *The Guardian*, 13 March. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2011/mar/13/european-union-immigration-survey>.

Kurlander E. (2009). *Living with Hitler: Liberal Democrats in the Third Reich*. Yale University Press, 288 p.

MacLean J. The Two Meanings of «Liberalism» // *UCS.ca*. Available at: <http://www.ucs.mun.ca/~jmaclean/es.liberal.html>.

What is Liberalism.com. Economic Liberalism // *What is Liberalism.com*. Available at: <http://www.whatisliberalism.com/?pageId=79119>.

REFERENCES

Isaichikov V.F. (2010). Inhumanity of Liberalism. Library «The Third Front». Blogs by Vladimir Pronin, June 28. Available at: http://3front-books.blogspot.ru/2010/06/blog-post_28.html. (In Russian.)

Mises L. von (2007). *Liberalism*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russian.)

Hayek F.A. (2004). Fortunes of Liberalism. Ch. XIV. Bruno Leoni (1913–1967) and Leonard Reed (1898–1983). *Digital Library of Ukraine*. Available at: http://www.elib.org.ua/economics/ua_show_archives.php?subaction=showfull&id=1103475977&archive=1130012900&start_from=&ucat=14&. (In Russian.)

Echo Moskvу (2013). «Special Opinion». Shevchenko M. *Radio Station «Echo Moskvу»*. Available at: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1225489-echo/#element-text>. (In Russian.)

Yanov A. (2005). Ideological War: Epigones, Liberals, Russia and Europe (liberalism in the history of Russia and on Russia's membership of the European civilization). *Svobodnaya mysl– XXI*, no. 3, pp. 40–58. (In Russian.)

Glover J. (2011). Most Europeans see themselves as liberal, Guardian poll shows. *The Guardian*, 13 March. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2011/mar/13/european-union-immigration-survey>.

Kurlander E. (2009). *Living with Hitler: Liberal Democrats in the Third Reich*. Yale University Press, 288 p.

MacLean J. The Two Meanings of «Liberalism». *UCS.ca*. Available at: <http://www.ucs.mun.ca/~jmaclean/es.liberal.html>.

What is Liberalism.com. Economic Liberalism. *What is Liberalism.com*. Available at: <http://www.whatisliberalism.com/?pageId=79119>.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНАХ: РОЛЬ ГРАЖДАНСКИХ ИНСТИТУТОВ¹

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

В.В. КОТ,

кандидат экономических наук, старший преподаватель,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: vkot@sfedu.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2013 Том 11 № 4

Радикальные социально-экономические реформы в постсоветской России дают богатый фактический материал для исследований институциональных изменений. Российский хозяйственный порядок характеризуется неоднородностью экономического и институционального развития регионов, особенно в координатах центр–периферия. При исследовании институциональных изменений может использоваться синтез подходов новой (в нортонской традиции) и оригинальной (старой) институциональной экономической теории. Переход от естественного государства к порядку открытого доступа во многом зависит от действий групп специальных интересов и качества социального капитала. В периферийных регионах Северного Кавказа качество социального капитала и институциональной системы во многом определяется доминированием церемониальных ценностей. Роль государства в современных хозяйственных порядках изменяется как в качественном, так и в количественном отношении, что придает особую важность политике, направленной на накопление человеческого капитала, формирование неперсонифицированных социальных сетей, постиндустриальной формы солидарности и развитие инструментальных ценностей. Такая политика, реализуемая на федеральном и региональном уровнях, позволит задать вектор изменений, направленных на модернизацию гражданских институтов в периферийных регионах.

Ключевые слова: институциональная экономика; институциональные изменения; периферийные регионы; социальный капитал; социальные ценности; группы интересов.

INSTITUTIONAL CHANGE IN THE PERIPHERAL REGIONS: THE ROLE OF THE CIVIL INSTITUTIONS

V.V. VOLCHIK,

Doctor of economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

V.V. KOT,

Candidate of economics (PhD), Senior Lecturer,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: vkot@sfedu.ru

¹ Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213-01-24/2013-173 от 30.04.2013, тема «Периферийные регионы с многоукладной экономикой в сетях глобализации в условиях асимметричных практик рыночного регулирования: стратегии и риски модернизации».

Radical socio-economic reforms in post-Soviet Russia provided rich factual material for the studies of institutional change. Russian economic order is characterized by heterogeneity of economic and institutional development of the regions, especially concerning the difference between the central regions and the peripheral ones. The study of institutional change can rely on synthesis of new institutional economic theory (namely, Douglas North's approach) and original (old) one. Transition from a natural state to an open access order depends in many respects both on the actions of special interest groups and on the quality of a social capital. In peripheral regions of the North-Caucasian Federal District, the quality of a social capital and an institutional system is largely determined by the dominance of ceremonial values. In modern economic orders, the role of the state changes in quantitative as well as in qualitative aspects. This, in turn, emphasizes policy aimed at accumulation of human capital, creation of impersonal social networks, postindustrial form of solidarity and expansion of instrumental values. If implemented at the federal and regional levels, such a policy set the vector of change for civil institutions modernization in the peripheral regions.

Keywords: institutional economics; institutional change; peripheral regions; social capital; social values; interest groups.

JEL classification: B52, A13, Z13, R23, R58.

1. Постановка проблемы

Развитие периферийных регионов в Российской Федерации является важнейшей проблемой, поскольку экономическая и институциональная неоднородность порождает конфликты, препятствует модернизации и приводит к дестабилизации во всех сферах общенациональной социальной системы. Исторические траектории развития имперской России и Советского Союза не могут не оказывать своего влияния на развитие социального порядка современной Российской Федерации. Противоречия в развитии между центром и периферией – один из важнейших аспектов такой исторической зависимости в социально-экономическом развитии.

Эволюция неэффективных институтов, в первую очередь, связана с изменением в поведении основных акторов, а поведение зависит от доминирующих ценностей и социальных связей, а также показателей накопленного человеческого капитала. В настоящей работе анализируются факторы, лежащие в основе институциональной неоднородности центра и периферийных регионов Юга России. Выбор действенных мер социально-экономической политики во многом зависит от понимания фундаментальных причин институциональных изменений.

Преодоление разрывов в развитии между центром и периферией невозможно на фундаменте традиционных, преимущественно церемониальных ценностей. Культура и традиционные ценности имеют большое значение для самоидентификации акторов, но они не должны намеренно консервироваться вопреки современным тенденциям развития социальных порядков. Модернизация необходима периферийным регионам, прежде всего, для преодоления институциональной некомплементарности (Вольчик, Бережной, 2009) с центром, причем институты здесь должны рассматриваться преимущественно неформальные, включенные в исторические и культурные контексты.

Формирование гражданских институтов в периферийных регионах – процесс долгий, тем более что в целом в российском социальном порядке они также только начинают формироваться. Тем не менее, если мы не можем создать гражданские институты сегодня, то можно попытаться проводить политику по воспитанию нового поколения в духе инструментальных ценностей, для того чтобы оно смогло понять необходимость их создания в будущем.

Важность исследования гражданских (политических, социальных) институтов для экономистов, особенно институциональных, не подлежит сомнению. В институциональной системе хозяйственного порядка невозможно четко отделить влияние на хозяйствующие субъекты чисто экономических и гражданских институтов. Концепция социального капитала является тем мостом между «экономическим» и «социальным», который помогает достичь понимания роли и функций институтов в меняющихся хозяйственных порядках. В настоящей работе мы акцентируем внимание на исследовании социального капитала как базисного элемента, формирующего гражданские институты и институциональную систему периферийных регионов.

Институциональные изменения, прежде всего, затрагивают вопросы эволюции государства и его функций. Важнейшей проблемой при анализе институционализации государства является

проблема коллективных действий. Преодоление ограничений, коренящихся в традиционной хозяйственной культуре периферийных регионов, позволит расширить масштабы социальных сетей и деперсонифицированного доверия, составляющие базис и определяющие качество социального капитала.

Применение в исследовании институциональных изменений концептов коллективных действий, социальных ценностей, групп интересов, социального капитала и зависимости от предшествующей траектории развития основывается на синтезе методологий новой и оригинальной (старой) институциональной экономики, а также экономической социологии. Данный подход применяется в контексте делиберативного дискурса (Вольчик, 2013) в экономической и шире – социальных науках – и позволяет продвинуться в направлении более комплексного понимания сложного и неоднозначного феномена институциональных изменений.

2. Группы специальных интересов, социальный капитал и институциональные изменения

В экономической теории долгое время проблема институциональных изменений находилась вне предметной области или, в крайнем случае, на периферии исследований. Процессы в мировой экономике в 80–90 гг. XX в. заставили задуматься о важности институтов для экономического развития, особенно в странах, где начался переход от плановой к рыночной экономике.

В работах Д. Норта были заданы концептуальные рамки анализа институциональных изменений в границах новой институциональной экономической теории. Однако, институциональные изменения являются важной проблемой и в старом, или традиционном (old or original) институционализме. Особенности научной коммуникации в экономической теории привели к тому, что теоретические конструкции старого институционализма были вытеснены неoinституциональной теорией. Несмотря на это, в рамках старой институциональной школы существуют релевантные теории, которые с успехом можно применить в исследованиях институциональной динамики.

Анализ институциональных изменений предполагает, что история имеет значение. Новая экономическая история (клиометрика) стала важной составляющей неoinституционализма, а работы таких ученых как Д. Норт (*North, 1981*), Р. Фогель (*Fogel, 1989*), Дж. Мокир (*Mokyr, 1990*), А. Грейф (*Greif, 2006*), Дж. Най (*Nye, 2007*) сформировали мощную исследовательскую программу. Хотя нужно отметить, что, например, у Д. Норта мы можем наблюдать значительную эволюцию его идей в сторону междисциплинарного синтеза, что в некоторых аспектах сближает поздние работы с концепциями традиционного институционализма (Норт, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011).

Важным моментом в анализе институциональных изменений является тот факт, что рыночная метафора² не всегда бывает применима к анализу изменений и отбора институтов (Maucourant, 2012). В нортской традиции анализа институциональных изменений эволюция хозяйственных порядков может рассматриваться как переход от естественного государства (порядка ограниченного доступа) к порядку открытого доступа, соответствующему развитым демократическим странам с рыночной экономикой.

Согласно Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту: «Естественное государство снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Логика естественного государства вытекает из того, как оно решает проблему насилия. Элиты – члены господствующей коалиции – соглашаются уважать привилегии друг друга, включая права собственности и доступ к определенным видам деятельности. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011). Естественное государство в рамках данной исследовательской традиции может быть трех типов: хрупкое, базисное и зрелое. Национальное государство в таком контексте рассматривается как относящееся к одному из типов естественного государства или, напротив, к порядку открытого доступа.

В отличие от естественного государства, «порядок открытого доступа существует только в том случае, если большое число индивидов имеют право формировать организации, которые могут участвовать в самых разнообразных видах экономической, политической и общественной деятельности. Более того, право на формирование организаций должно быть определено безлично. Безличность означает одинаковое отношение ко всем. Равенство невозможно без безличности» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011). Норт, Уоллис и Вайнгаст отмечают ключевую характеристику порядка открытого доступа: «способность формировать организации по желанию, без одобрения со сторо-

² Например, широко распространены в неoinституциональном анализе такие метафоры: «рынок институтов», «политические рынки» и т. д.

ны государства, обеспечивает ненасильственную конкуренцию в политике, экономике и в любой другой области общества с открытым доступом» (*Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011*).

Формальные и неформальные институты изменяются с разной скоростью, что составляет фундаментальную проблему при исследовании институциональных изменений. Если мы говорим об институциональной системе (организации, структуре) хозяйственного порядка, то неизбежно сталкиваемся с дихотомией формальных и неформальных институтов, ее составляющих.

Кроме того, при осуществлении долгосрочных институциональных реформ необходимо учитывать асинхронность в динамике механизмов регулирования (и технологий), с одной стороны, и институтов с другой. Таким образом, противоречие между спонтанными эволюционными процессами и сознательным изменением институтов в ходе экономических реформ можно рассмотреть в контексте взаимодействия институтов и механизмов регулирования. Под институтами мы понимаем совокупность правил, основанных на доминирующих ценностях, механизмов, обеспечивающих их выполнение, формирующих у акторов устойчивые поведенческие паттерны, определяемые коллективным действием, структурирующие повторяющиеся взаимодействия в социальных порядках. Механизмы регулирования представляют собой систему властных связей и отношений, возникающих в результате упорядочения хозяйственных процессов в рамках существующих организаций (государства, корпораций и т. д.).

Данная проблематика может быть соотнесена с известной дихотомией Веблена–Эйрса (*Вольчик, 2008*). Инерционные институты связаны с укоренившимися ценностями и социальным капиталом. Их изменение, как и накопление, связано с процессами социализации, образования и применяемых в производстве технологий. В то же время, механизмы регулирования могут довольно радикально изменяться в ходе проводимых реформ. Для гармоничной эволюции социального порядка он должен содержать необходимые процедуры, которые преобразуют механизмы регулирования, например, в процессе правоприменения в универсальные правила, на которых основываются институты порядка открытого доступа. Коммонс показал, как в правовой системе формируются институциональные основания капитализма в обществе, где доминирует общее право (*common law*) (*Коммонс, 2011*).

Значительную роль в неонституциональном варианте теории институциональных изменений играет анализ действия групп специальных интересов. Институты в этом контексте исследуются в связи с проблемами сотрудничества и оппортунистического поведения в малых и больших группах, например, при анализе эффекта безбилетника, а также при анализе действия групп специальных интересов как институциональных инноваторов (*Olson, 1995*).

Согласно известному исследователю коллективных действий и групп интересов М. Олсону: «Узкие особые интересы всегда представляют собой ничтожные меньшинства ... проблема заключается в том, что меньшинства настолько незначительные, что могут игнорировать ущерб, приносимый ими обществу, тем не менее (отчасти благодаря рациональному незнанию масс граждан) способны влиять на политику в пользу своей отрасли или профессии, либо могут совместными усилиями добиться повышения цен или заработной платы на своих рынках. Но производители, связанные с этим конкретным рынком, представляют настолько ничтожное меньшинство избирателей, что никак не могут рассчитывать на успех, особенно если интеллектуальная элита понимает, что происходит» (*Олсон, 2012*).

Действия узких групп специальных интересов приводят к перераспределению доходов и, в конечном итоге, замедляют экономическое развитие. Однако отрицательный эффект от существования узких групп специальных интересов не ограничивается влиянием на экономические показатели развития. Группы специальных интересов ограничивают доступ к созданию организаций, а также формируют институциональную структуру, препятствующую деятельности уже существующих.

Однако группы интересов можно рассматривать с позиций теории социального капитала. Действительно, концепции социального капитала акцентируют внимание на двух ключевых моментах: доверии и формировании социальных связей посредством создания добровольных ассоциаций. Группы интересов (как формальные, так и неформальные) могут существовать в форме добровольных ассоциаций, которые наряду с показателями доверия определяют качество социального капитала в том или ином хозяйственном порядке.

В научной литературе социальный капитал связывают с тремя важнейшими компонентами: доверием, нормами поведения, способствующими сотрудничеству, и социальными сетями (*Полищук, Меняшев, 2011*). Социальные сети, которые формируются в обществе, могут приводить к значительной возрастающей отдаче норм, определяющих качество социального капитала. И если нормы,

которые стали причиной формирования социальных сетей, были неэффективными или субоптимальными для экономического развития, то они могут закрепиться на значительное время вследствие эффекта блокировки (lock in) и зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence) (Arthur, 1989).

Выражая позицию социологов Л. Гудков отмечает, что в самом понятии «социальный капитал», введенном экономистами, нет ничего нового по сравнению с обычными понятиями культуры и ее институционализации, но оно позволяет оперировать с доверием по аналогии с другими видами капитала. Социальный капитал (=межличностное доверие) в социально-экономических работах представляет собой новейший функциональный инвариант понятия «культура» или «цивилизация», суженного настолько, что оно становится доступным для операционализации и измерения (Гудков, 2012).

В рыночной экономике, соответствующей порядку открытого доступа, именно качество социального капитала создает базу для формирования и функционирования институтов, обеспечивающих обезличенный генерализованный обмен. А. Селигмен отмечает важность анализа социального капитала в связи с генерализованным доверием внутри групп: «Именно наличие такого доверия превращает объединение социальных акторов в моральное сообщество, ибо доверие есть такая разновидность социального капитала, которая обретается и используется только группой в целом, что создает возможность существования в среде ее членов генерализованного доверия (в отличие от индивидуального капитала, который обретается индивидами и используется ими для достижения частных целей, таких как образование, практическая подготовка и т. п.)» (Селигмен, 2002).

Еще одной качественной определяющей социальный капитал характеристикой может служить солидарность, как способ кооперации и генерации доверия. В научной литературе солидарность не всегда ассоциируется с капиталистическим или рыночным хозяйственным порядком. Например, как отмечает А.В. Бузгалин: «солидарность оказывается реально действующим, эффективным и практически используемым в экономике способом кооперации индивидов в процессе осуществления совместной деятельности» (Бузгалин, 2011. С. 158–159). Согласно данному подходу, солидарность, являясь некапиталистической формой сотрудничества, исторически может проявляться в двух формах. Первая форма характеризует «докапиталистические отношения сотрудничества, основанные на доиндустриальном типе технологий, ручном репродуктивном труде, подчинении человека традиции и другим формам личной зависимости (наиболее типичный пример – община)» (Бузгалин, 2011. С. 161). Вторая посткапиталистическая или постиндустриальная форма включает «принципиально иные отношения, предполагающие преимущественно творческое содержание деятельности и добровольное свободное ассоциирование участников этого процесса ... они базируются на творческом, постиндустриальном по своему содержанию труде» (Бузгалин, 2011. С. 161).

Нам представляется, что постиндустриальная форма солидарности является важным признаком формирования социального капитала, основанного на инструментальных ценностях. Социальные сети, основанные на солидарности второго типа, способствуют развитию креативных качеств человека, что очень важно для модернизации не только экономики, но и всего социального порядка.

Группы интересов имеют стимулы закреплять в создаваемых общественных институтах и статусах существующий социальный капитал. Например, такие институты как касты, сословия, номенклатура, местничество являются проявлением институционализации социального капитала (доверия, ассоциаций) определенной группы. Такие группы заинтересованы, чтобы существующие социальные связи воспроизводились в кругу избранных по какому-либо признаку: родственному, национальному, религиозному и т. д.

В обществах открытого доступа в результате культурной эволюции и функционирования правовой системы сформировались институты, которые не позволяют (препятствуют) социальному капиталу институционализироваться в форме жестких иерархических социальных структур. Напротив, в порядках ограниченного доступа доминирующие группы интересов всячески заинтересованы в воспроизводстве ограничений, основанных на статусах, социальных ролях или, например, на принадлежности к элите.

«Элитарные организации ограничивают возможность создания конкурирующих с ними структур – политических партий и корпораций в современном контексте. Они могут установить такие ограничения в писаных законах, например, введя однопартийную систему или государственную собственность на все крупные экономические предприятия. Однако зачастую эти ограничения менее формальны – это регулятивные препятствия для входа на рынок или расширения новых компаний, аресты и физическое давление на сопротивляющихся индивидов и организации или

лишение последних доступа к медийным и финансовым ресурсам» (*Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012. С. 9*).

Формирование устойчивых групп интересов связано со стабильностью как в политическом, так и экономическом смыслах. Фактор стабильности может оказывать двойное влияние на экономическое развитие. С одной стороны, стабильность позволяет основным экономическим акторам осуществлять больше долгосрочных инвестиций. С другой, стабильность связана с доминированием групп специальных интересов, ориентированных на извлечение ренты от перераспределения ресурсов в свою пользу, что было охарактеризовано М. Олсоном как социальный склероз (*Олсон, 1995*).

Влияние групп специальных интересов может оказывать на экономическое развитие как положительное, так и негативное влияние (*Ноенack, 1989*). Положительное влияние прежде всего может быть связано с солидарными действиями предпринимателей в направлении снижения административных барьеров и улучшения деловой инфраструктуры. Положительное влияние групп интересов также может быть связано с деятельностью по внедрению технологических инноваций, например, путем привлечения в регион крупных корпораций, деятельность которых связана с наукоемким производством со значительной возрастающей отдачей. Однако формирование групп интересов, оказывающих положительное влияние на развитие, диктуется и преобладающими на той или иной территории социальными ценностями. В случае российских периферийных регионов Юга России эволюционное формирование таких групп и качества социального капитала представляется проблематичным. И здесь необходимо сделать акцент на экономической политике, проводимой федеральным центром, которая должна создавать условия для модернизации архаичных институтов и экономических механизмов.

Группы интересов, которые доминируют в периферийных регионах, являются по своей сути результатом эволюции советской номенклатуры. Закрытость и ограничение доступа в такие группы является важным условием стабильности (*Acemoglu, Robinson, 2006. Pp. 325–330*). Таким образом, получение ренты напрямую зависит от возможности воспроизводства групп специальных интересов в рамках современной бюрократической структуры власти. Для того чтобы элиты из распределительных коалиций эволюционировали в направлении формирования групп со всеохватывающими интересами (*Olson, 1995. Pp. 22–27*), необходимы стимулы.

3. Институциональные изменения и социальные ценности

Ключевое значение институтов в обществе с позиций традиционного институционализма заключается в том, что они определяют поведенческие паттерны. Широко распространена классификация поведения, состоящая из трех элементов: церемониальное поведение, инструментарное поведение и смешанное поведение (*Bush, 1987; Elsner, 2012*). Поведенческие паттерны тесно связаны с системой социальных ценностей, среди которых ключевое значение имеют церемониальные и инструментарные ценности.

Церемониальные ценности заключаются в предпочтении обладания властью и высоким социальным статусом, тогда как противоположные им инструментарные ценности заключаются в предпочтении экономической и технической эффективности. Церемониальные ценности являются основой для различных привилегий, определения статуса в обществе, отношений власти в контексте социальных классов и страт, отношений между начальниками и подчиненными, опираются на традиции и мифы, укоренившиеся в обществе (*Bush, 1987. P. 1079*).

С другой стороны, инструментарные ценности – фундаментальная причина модернизации и развития институциональной системы. Они служат для решения текущих проблем общества, тесно связаны с инстинктом мастерства, создаются и прививаются населению через продуманную социальную политику, через расширение запаса знаний и образование.

Традиционные (эволюционно сложившиеся комбинации инструментарных и церемониальных ценностей) ценности связаны с качеством социальных связей и, следовательно, социального капитала. В обществе, где не развито образование, будут доминировать церемониальные ценности. Уровень образования находится в обратной зависимости от архаичных ценностей, социального капитала и институтов. Теоретически, институциональные изменения в структуре ценностей отражаются в институциональном контексте церемониального доминирования, которое утверждает большее распространение церемониальных ценностей по сравнению с инструментарными. На практике это означает, что доминирование и навязывание традиционных (церемониальных) ценностей препятствует эффективным институциональным изменениям. П. Буш отмечает, что часто

существующая в обществе институциональная структура не способна поддерживать жизненные процессы общества и обеспечивать инструментально обусловленное знание, поэтому проводимая социально-экономическая политика не должна способствовать насаждению мифов и церемониальных ценностей (*Bush, 1987. P. 1091*).

В рамках традиционного институционализма подчеркивается важность рассмотрения институциональных изменений через призму их дискреционного характера, однако, это не означает, что все изменения носят сознательный и намеренный характер. Большое значение при исследовании институциональных изменений должно уделяться демографической политике, развитию демократических институтов, саморегулированию, доверию, свободе слова, самовыражению, ассоциациям.

Социальный капитал не только определяет возможность и продуктивность социальных и экономических взаимодействий, он также является одним из важнейших факторов, знаменующих инновационный характер деятельности хозяйственных организаций, причем главными компонентами социального капитала здесь выступают доверие и внутриорганизационные нормы (рутины) (*Zheng, 2010*).

Анализ социального капитала предполагает несколько иной уровень анализа по сравнению с исследованиями пары индивид – институты. Исследования социального капитала предполагают фокусировку на сетях, состоящих из индивидуальных отношений и взаимодействий, где особое значение имеют доверие и эмоционально окрашенные поведенческие паттерны индивидов. Определенные формы социального капитала, к примеру, долгосрочные социальные взаимодействия, основанные на доверии и, например, религиозных нормах, могут регулировать создание и распределение общественных благ в локальных сообществах (*Fafchamps, 2006*).

4. Государство, коллективные действия и гражданские институты

Основные гражданские институты (политические, социальные, культурные), которые чаще ассоциируются с «гражданским обществом», характеризуются дихотомией по отношению к институту государства. С одной стороны, современное развитое государство, основанное на порядке открытого доступа, уже имеет развитые гражданские институты. С другой, при переходе от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа большую роль играет именно государственная политика, благодаря которой в обществе формируется базис, основанный, например, на накоплении человеческого и развитии социального капиталов. Ключом к пониманию роли государства в формировании гражданских институтов является всесторонний анализ природы коллективных действий, которые создают условия для расширения социальных взаимодействий.

При разработке мер политики, направленных на изменение институтов, важно учитывать, что существует два подхода к пониманию природы институтов: «Некоторые ученые представляют институты эндогенными и включающими в себя убеждения (касающиеся поведения других), которые включены в индивидуальные ментальные модели. Это видение резко контрастирует с другим семейством научных работ, в которых институты представляют собой экзогенные и связывающие правила, которые ограничивают индивидуальные действия. Согласно последнему подходу, создание правил – чисто стратегический процесс, а внимание уделяется тактикам, которые используют различные агенты или коалиции, чтобы манипулировать или, по крайней мере, влиять на «правила игры»» (*Brousseau, Garrousteb, Raynaudc, 2011. P. 4*).

Эндогенный характер институциональных изменений предполагает использование более протяженного временного интервала для планирования и разработки конкретных мер экономической и социальной политики. Изменения в соотношении доминирующих социальных ценностей связаны объективно с длительными процессами в обществе, например, постройка завода или здания университета может занять гораздо меньше времени, чем подготовка квалифицированных кадров на той или иной территории, а главное – значительного времени потребует понимание в обществе важности ценностей и формирования привычки к усилиям, ведущим к развитию инстинкта мастерства и инструментальных ценностей.

В реальности трудно разделить эндогенные и экзогенные институциональные изменения. Мы можем говорить о преимущественно эндогенных или экзогенных изменениях. Эндогенные институциональные изменения связаны не только с эволюцией поведенческих паттернов и системы ценностей. Эндогенные изменения также связаны с развитием организаций или в широком смысле групп интересов. Свободные ассоциации, или объединения индивидов, как проявление существующего качества социального капитала, формируют правила или привычные для их участников модели поведения, которые являются основой для формирования институтов.

Предпринимательские организации (фирмы) в своей деятельности также оказывают влияние на формирование институциональной среды, как эндогенный фактор. И здесь очень важно, какие возникают стимулы у предпринимателей и какие интересы они определяют как базовые: «Интересы формируются благодаря комбинации факторов: возможностям, относительным ценам, предпочтениям и убеждениям. Тогда, когда расширяются возможности, ренты от особых (специфичных) отношений и организаций снижаются, поскольку растет их ценность в рамках альтернативных отношений и организаций» (Wallis, 2011. P. 60).

Экзогенные институциональные изменения, особенно связанные с импортом институтов, могут изменить сложившуюся структуру стимулов, что, разрушив привычные социальные связи, может привести к нестабильности. В стране, где регионы отличаются не только по экономическому развитию, но, что очень важно, по институциональной системе, внедрение институциональных инноваций связано с существенным риском дисфункций институтов некомплементарным существующим социальным ценностям на той или иной территории.

Возникновение организаций с открытым доступом является важным условием экономического развития, оно должно охватывать все социальные сферы: «Открытый доступ в организации всех типов: политические, экономические, муниципальные, религиозные и образовательные есть признак современного развитого общества» (Wallis, 2011. P. 63).

Основное назначение институтов в социальном порядке – структурировать повторяющиеся взаимодействия между людьми (Дементьев, 2013). В экономике эффективные институты снижают транзакционные издержки, делая транзакции более частыми и регулярными. Чем большее количество акторов включено в действие того или иного института, тем сложнее его изменить вследствие возрастающей отдачи и эффекта блокировки. Относительно формирования доверия и социальных сетей в рамках того или иного сообщества необходимо учитывать, что «отсутствие социального капитала угроза оппортунистического поведения делает невозможным достижение договоренностей по Коузу, и проблема коллективных действий без участия государства оказывается неразрешимой» (Wallis, 2011. P. 63).

Коллективные действия в рамках коммонсовской традиции в институциональной экономике напрямую связаны с институтами и государством, которое обеспечивает легитимное пространство для действий акторов. Институт, согласно Коммонсу, это «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» (Коммонс, 2012. С. 69). Следовательно, именно благодаря государству, системе права и правоприменению коллективное действие способствует освобождению и расширению индивидуальных действий.

Коллективные действия в различных хозяйственных порядках имеют различную природу, основанную на качестве социального капитала. Схематично эти два качества можно отразить в двух формулах (метафорах): «коллективизм несвободных людей» и «солидарность свободных людей» (Вольчик, 2009). Именно второе качество социального капитала, связанное с солидарностью, позволяет воспользоваться возможностями рыночного хозяйственного порядка. Солидарность в рыночной экономике не противоречит принципу конкуренции. Конкуренция как процесс координации хозяйственной деятельности может поддерживаться (или защищаться от монополии) только солидарными коллективными действиями, являющимися источником современных институтов в развитых экономиках.

Формирование развитых гражданских институтов нельзя исследовать без детального анализа государственной социальной и экономической политики. Меры государственной политики разрабатываются и реализуются как на федеральном, так и на региональном уровне. В Российской Федерации традиционно наблюдается серьезный крен в сторону централизации, вследствие чего на региональном уровне недостаточно не только экономических и финансовых ресурсов, но и политической воли, и полномочий.

Российский социальный порядок с высокой долей условности можно отнести к зрелому естественному государству, в котором только эволюционно формируются институты и механизмы, обеспечивающие функционирование порядка открытого доступа. Однако в периферийных регионах процессы формирования «прединститутов» порядка открытого доступа не могут протекать (начаться), так как еще идут процессы формирования зрелого порядка закрытого доступа (естественного государства).

Порядок открытого доступа отличается от закрытого (естественного государства) ролью, объемом и качеством государства в экономике и обществе. В странах, где сформировался порядок открытого доступа, роль и объем присутствия государства значительно превышают показатели менее

развитых «естественных государств»: ««Большое правительство» при порядке открытого доступа – это не отклонение, а неотъемлемая черта этого типа обществ... государственные расходы (всех уровней) в богатых странах с доходом на душу населения свыше 20 000 долларов составляют в среднем 53% валового внутреннего продукта (ВВП). Напротив, в странах с доходом на душу населения от 2000 до 5000 долларов государственные расходы составляют в среднем 27% ВВП, а в странах с доходом от 5000 до 10 000 долларов – в среднем 33 % ВВП» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 222).

В развитых обществах государство обеспечивает достаточный «запас» человеческого капитала, необходимый для поддержания и развития в обществе инструментальных ценностей. Развитие социального капитала является важным следствием такой политики и одновременно условием формирования и функционирования современных гражданских институтов.

Страны, переходящие от плановой экономики к рыночной, попали в «институциональную ловушку» дерегулирования. К сожалению, уход государства и создание рынков без соответствующих институтов и механизмов регулирования приводят лишь к монополизации, падению производства, расслоению общества и бедности.

Хорошим примером, характеризующим качество государства, может служить институт власти-собственности (Бережной, Вольчик, 2008). В естественном государстве любое регулирование снижает эффективность вследствие того, что собственность, связанную с капитальными благами, можно эффективно использовать только при условии аффилированности с властью. Власть в таких условиях вынуждена ограничивать доступ к экономической и политической деятельности, что увеличивает роль групп специальных интересов в перераспределении доходов. В обществе (социальном порядке), где господствует институт власти-собственности, государства много в экономической сфере (где оно участвует в перераспределении доходов в пользу аффилированных структур), но недостаточно в тех сферах, которые создают базис для развития человеческого и социального капиталов, необходимых для эволюции гражданских институтов.

Согласно нашей концепции, становление гражданских институтов в периферийных регионах, в первую очередь зависит от доминирующих социальных ценностей, которые определяют поведенческие паттерны и являются основой формирования социальных связей (капитала). Социальные ценности очень важная проблема в исследованиях эволюции общества, которая рассматривается преимущественно в рамках старой (оригинальной) институциональной экономики (Bush, 2012). Периферийные регионы Северного Кавказа традиционно являются многонациональными с богатой историей и чаще всего со слабо развитой экономикой и гражданскими институтами (в западном понимании). И хотя за десятилетия советской власти многие традиционные присущие этому региону культурные и религиозные институты были разрушены, церемониальные ценности по-прежнему доминируют. Более того, узкие группы специальных интересов под флагом возрождения традиционной культуры народов Северного Кавказа способствуют возрождению именно церемониальных ценностей.

Модернизация гражданских институтов в периферийных регионах связана с эволюционными процессами по развитию определенного варианта «цивилизационного» развития. В контексте современного понимания модернизации экономистами такое развитие предполагает развитие ценностей порядка открытого доступа.

Российский хозяйственный порядок в целом не соответствует критериям порядка открытого доступа. Однако в российских регионах состояния локальной институциональной среды могут сильно различаться в зависимости от доминирующих ценностей, убеждений и социального капитала. Д. Норт отмечает: «...убеждения, которых придерживаются люди, определяет те выборы, которые они делают, что, в свою очередь, структурирует изменения в социальном ландшафте» (Норт, 2010. С. 42). Причем не обязательно более эффективные институты и поведенческие паттерны будут вытеснять менее эффективные. Причинами экспансии сравнительно неэффективных институтов и технологий могут быть зависимость от предшествующей траектории развития (Нуреев, Латов, 2005. С. 3; Вольчик, 2003; David, 1985; Arthur, 1994; Cowan, 1990. Pp. 541–567), экзактация (Вольчик, Бережной, 2012. С. 165–187), институциональная инерция (Вольчик, Скорев, 2003. С. 55–63), отсутствие должной государственной политики, направленной на развитие в обществе инструментальных ценностей. Как уже отмечалось, церемониальные ценности являются доминантными по отношению к инструментальным и, в отсутствие политики, первые будут преобладать.

5. Социальный капитал в периферийных регионах

Качество социального капитала в координатах центр–периферия характеризуется неоднородностью. Такая неоднородность является существенным препятствием для формирования эффективной общенациональной институциональной системы, способствующей снижению транзакционных издержек и расширяющей диапазон коллективных действий и повторяющихся социальных взаимодействий.

В России, как федеративном государстве, сильны тенденции формирования в периферийных (особенно национальных) республиках форм социального капитала, основанных на доминировании и воспроизводстве национальных элит как узких групп специальных интересов. Такие тенденции развиваются в русле эволюции порядка ограниченного доступа. Примером институциональной формы поддержания порядка ограниченного доступа, характерной для российского социального порядка (*Пайнс, 2004. С. 128–135*), является институт «местничества». Региональные элиты в периферийных территориях заинтересованы в создании и поддержании ограниченного доступа и иерархии, которые являются современным вариантом института «местничества». Устойчивость института местничества может еще подкрепляться в национальных республиках доминированием в рамках данных территорий определенных национальных групп, или иных традиционных социальных сетей, основанных на родственных связях.

Действия групп специальных интересов могут приводить к институциональным инновациям, которые некомплементарны (*Вольчик, Бережной, 2009*) институциональной структуре (системе) «центральных» регионов. В модели центр–периферия мы сталкиваемся с определенной дихотомией между единой институциональной организацией национального хозяйственного порядка и специфическими локальными институциональными системами периферийных регионов. Для проведения действенной политики по сглаживанию разрывов в экономическом и социальном развитии периферии и центра важно четко понимать природу неэффективных институтов, а также, в каких культурных контекстах наблюдаются их дисфункции.

Формирование региональных элит связано с особенной региональной (национальной) самоидентификацией, которая, в свою очередь, может оказывать значительное влияние на стабильность и закрытость элит в периферийных регионах. Более того, «идентичность является важным элементом существующих убеждений» (*Wallis, 2011. P. 57*) (верований, beliefs), что необходимо учитывать при анализе действия норм, правил или институтов в специфических условиях той или иной территории. Некомплементарность убеждений элит региональных с убеждениями элит, представляющих центральную власть, может быть отражением некомплементарности неформальных институтов.

Периферийные регионы Юга России и Северного Кавказа являются дотационными. Получение дотаций из федерального центра, выполнение государственных программ развития связаны с дальнейшим распределением средств, где региональные элиты играют значительную роль. Формирование групп специальных интересов внутри региональных элит, таким образом, имеет устойчивый экономический базис, связанный с перераспределением финансовых потоков посредством аффилированных с политическими элитами бизнес-структур. В таких условиях элиты имеют мощные стимулы ограничивать доступ к свободному созданию новых групп интересов, ассоциаций и политических организаций со всеохватывающими интересами. Изменение структуры стимулов, которые являются причиной относительной экономической отсталости периферийных регионов, должно быть предметом исследований при разработке долгосрочных институциональных реформ федеральной властью.

В периферийных регионах Юга России качество социального капитала характеризуется значительным влиянием доминирующих этнических и религиозных групп на той или иной локальной территории. Данная проблема может рассматриваться в контексте соотношения уровней институционального и межличностного доверия как характеристик социального капитала: «соотношение уровней институционального и (меж)личностного доверия является своеобразным «термометром» здоровья общества» (*Сасаки, Давыденко, Латов, Ромашкин, Латова, 2009. С. 24*).

При этом следует различать типы институционального доверия: уровень доверия «восточного» (верноподданнического) типа и уровень доверия «западного» (гражданского) типа характеризуют разные общественные процессы (*Сасаки, Давыденко, Латов, Ромашкин, Латова, 2009*).

Высокий уровень доверия в рамках локального сообщества еще не означает, что качество социального капитала будет способствовать экономическому и социальному развитию. В рамках национальных и родовых связей может наблюдаться высокий уровень доверия. Но это доверие реализуется по принципу свой–чужой, т. е. не является обезличенным. Например, если индивид не будет являться членом рода, религиозной группы или иного локального сообщества, то он уже, как правило, не может рассчитывать на доверие со стороны доминирующего большинства. Социальный капитал и характеризующее его доверие только тогда создают предпосылки для расширения социальных и экономических обменов, когда носят преимущественно обезличенный характер, что соответствует пониманию порядка открытого доступа (*Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011*). Ниже приведены показатели доверия к институтам власти в России почти с пятнадцатилетним интервалом (табл. 1).

Таблица 1

Доверие к институтам власти в России, 1994–2013 гг. (в %)
(*Рукавишников, Халман, Эстер, 1998. С. 137; Доверие к институтам власти, 2013*)

Наименование института	1994 год	1997 год	2001 год	2004 год	2007 год	2009 год	2013 год
Президент России	19,7	12,5	52	62	64	63	55
Церковь, религиозные организации	51,5	37,6	41	41	42	48	48
Областные (краевые, республиканские) органы власти	13,1	19,5	21	19	18	21	32
Правительство России	11,2	9,7	21	12	19	34	30
Местные (городские, районные) органы власти	14,3	22,5	20	18	16	19	27
Печать, радио, телевидение	27,4	25,8	28	26	27	28	24
Полиция (милиция), суд	17,2	13,1	12	11	12	17	18
Профсоюзы	9,7	11,4	14	10	9	16	18
Политические партии			7	5	7	7	12

Уровень доверия на Северном Кавказе можно проиллюстрировать на примере одной из северокавказских республик, самой стабильной, – Северной Осетии. В исследовании по оценке эффективности органов власти Северной Осетии – Алании (*Дзуцев, 2010*), на вопрос: «Как вы относитесь к деятельности главы исполнительной власти РСО – Алания?» ответы из числа опрошенных распределились следующим образом. Положительно относятся – 21,9%, с настороженностью – 14,8%, отрицательно – 22,3%. Ничего не знают о его деятельности и затруднились ответить – 26,2%. Таким образом, анализируя ответы респондентов и экспертов, можно сказать, что власть является неотъемлемой частью практически всех общественных отношений и всегда сопровождается идеологиями, которые используются для оправдания действий групп специальных интересов. Неотъемлемым элементом борьбы за власть в северокавказских республиках являются силовые криминогенные структуры. По мнению респондентов, уровень влияния криминальных структур – 7,1% (26,8% голосов отдано главе Республики). 37,0 % респондентов затруднились определить, кто же реально имеет власть в Республике. В свою очередь, о низком уровне доверия свидетельствуют отсутствие социальных проектов, рост числа чиновников и снижение занятости.

По мнению респондентов, проводимая на Северном Кавказе федеральным центром политика, в результате которой в мегаполисах по сравнению с периферией уровень жизни существенно ниже, кавказским обществом воспринимается негативно. Это провоцирует миграцию молодежи в центральные регионы России и за рубеж.

Уровень доверия в локальном сообществе, а также доверия со стороны внешних акторов – институциональных инвесторов отражается в отношении (восприятии) акторов к инвестиционным рискам. Таким образом, уровень доверия можно косвенно отразить через анализ рисков и потенциала данного региона (табл. 2).

Таблица 2

Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2011–2012 гг. (ЮФО и СКФО) (Инвестиционный рейтинг регионов, 2013)

Место региона в рейтинге	Регион
Максимальный потенциал — минимальный риск (1А)	
32	Краснодарский край
Средний потенциал — умеренный риск (2В)	
35	Ростовская область
Пониженный потенциал — умеренный риск (3В1)	
33	Астраханская область
34	Волгоградская область
42	Ставропольский край
Незначительный потенциал — умеренный риск (3В2)	
30	Республика Адыгея
38	Кабардино-Балкарская Республика
Пониженный потенциал — высокий риск (3С1)	
36	Республика Дагестан
Незначительный потенциал — высокий риск (3С2)	
31	Республика Калмыкия
39	Карачаево-Черкесская Республика
40	Республика Северная Осетия - Алания
Низкий потенциал — экстремальный риск (3D)	
37	Республика Ингушетия
41	Чеченская Республика

В периферийных регионах Северного Кавказа наблюдается миграция населения в другие российские федеральные округа (рис. 1; 2). Существенная миграция населения с Северного Кавказа имеет много причин: высокая безработица, терроризм, межэтнические конфликты и т. д. Но в данной работе мы хотим акцентировать внимание на том факте, что плохие институты, качество социального капитала являются во многих случаях фундаментальной причиной социально-экономических процессов, создающих стимулы для миграции в другие регионы России.

Миграция из периферийных регионов Северного Кавказа в центральные может с некоторой долей условности рассматриваться как аналог миграции из Российской Федерации в развитые страны Запада. Причины такой миграции не ограничиваются чисто экономическими факторами.

К иным причинам можно отнести нестабильность, терроризм, ксенофобию по отношению к «некоренным народам», что во многом определяется неразвитостью гражданских институтов и качеством социального капитала в периферийных регионах:

Рис. 1. Распределение числа мигрантов по основным потокам передвижения в 2011 г. в СКФО (Росстат, 2012. С. 284).

Рис. 2. Интенсивность общей миграции населения Российской Федерации по федеральным округам (1 полугодие 2013 г., на 1000 человек населения) (Росстат, 2013).

Институциональная система периферийных регионов должна быть трансформирована для осуществления целей модернизации. При этом необходимо учитывать, что институциональные реформы – это сложный процесс выращивания, импорта, а также трансформации уже существующих институтов. Изменения институтов, таким образом, связаны как с эндогенными, так и экзогенными факторами для существующего хозяйственного порядка.

В современной экономической науке считается, что институты, обеспечивающие открытый и обезличенный доступ к созданию организаций и выходу на экономические и политические рынки, способствуют росту благосостояния общества. Однако нет единой точки зрения, как «запустить» механизмы «порядка открытого доступа» в «естественном государстве».

В периферийных регионах важным аспектом при анализе существующих институтов и соответствующих поведенческих паттернов является проблема идентичности акторов. Как отмечают Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон: «Выгода в полезности идентичности может представлять собой удовольствие, получаемое людьми, когда они выполняют некое действие, которое помогает им вписаться в группу. Такое действие может быть выгодным благодаря дифференциации одной группы от другой. Полезность при этом является результатом групповых процессов» (Акерлоф, Крэнтон, 2011. С. 32). В национальных периферийных регионах региональная идентичность может существенно влиять на формы социальных связей и, следовательно, качество социального капитала. Необходимо учитывать, что «люди ведут себя по-разному, когда им напоминают, пускай едва уловимо, об их расовых, этнических и половых идентичностях» (Акерлоф, Крэнтон, 2011. С. 37).

В полиэтничных регионах Северного Кавказа проблема институтов, определяющих экономическое поведение в контексте идентичности, может рассматриваться в связи с влиянием этнической идентичности на экономическую активность. В рамках современной экономической антропологии проблема этнической идентичности рассматривается в связи со специфическими институтами, культурой, социальными сетями (Eriksen, 2005. Pp. 353–369; Sanders, 2002. Pp. 327–357). Этническое предпринимательство, которое является проявлением групповой солидарности на базе этнической идентичности, «экспортируется» из периферийных регионов в другие, что в отдельных случаях может приводить к конфликтам как в культурном, так и хозяйственном планах.

Периферийные регионы Северного Кавказа отличаются от большинства других российских регионов структурой городского и сельского населения (табл. 3), а также значительной долей молодежи.

Таблица 3

**Численность и удельный вес сельского населения РФ и субъектов СКФО, тыс. чел.
(Мусаева, Шамилев, Шамилев, 2012)**

Субъект СКФО	Численность сельского населения, тыс. чел.					Удельный вес сельского населения, %			
	1959	1995	2010	2011	2012	1959	1990	2001	2012
РФ	55923	40138	38209	37444	37314	47.6	26.4	26.8	26.1
РД	748	1255	1578	1597	1608	70.4	56.5	57.6	54.9
РИ	...	185	294	256	262	...	75.1	57.4	60.8
КБР	254	336	393	392	393	60.5	39.1	43.4	45.7
КЧР	219	230	242	270	270	76.8	51.1	56.2	56.9
РСОА	213	205	250	258	256	47.2	30.8	33.8	36.1
ЧР	416	752	806	830	848	58.6	56.1	66.5	65.1
СК	1083	1238	1166	1192	1187	67.5	46	44.1	42.6
СКФО	2933	4201	4729	4795	4823	64.7	49.1	50.9	50.8

Примечание: Цветом в таблице 1 выделены ячейки с максимальными значениями.

Дальнейшее развитие периферийных регионов в рамках российского социального порядка, согласно современным тенденциям, неизбежно будет связано с ускорением урбанизации. Поэтому уже сейчас необходимо начать развитие широкой сети учреждений профессионального образования. Необходимо помнить, что особенно в условиях Северного Кавказа профессиональное образование выполняет не только функцию непосредственного накопления человеческого капитала для потребностей рынка труда, но и осуществляет социализацию молодежи. И здесь очень важно учитывать идеологические и религиозные факторы, которые могут иметь значительное влияние в инерционном формировании тенденции воспроизводства церемониальных ценностей.

Постсоветское развитие российского социального порядка характеризуется, в частности, возрождением традиционных ценностей, которые вытеснялись идеологией социалистического государства. Тяжесть переходных процессов в российской экономике повлияла на восприятие населением либеральных рыночных ценностей и институтов.

Нельзя однозначно определить, какую роль, негативную или позитивную, играет современное государство в формировании социального капитала (*Herreros, 2004*). И хотя нет единой точки зрения, положительно или отрицательно влияют действия государства на формирования социального капитала и гражданских институтов, в современном мире, мы не можем абстрагироваться от значительной государственной экспансии во все сферы общественной жизни. Не объем государства в экономике имеет значение (а этот объем неуклонно растет), а качество институтов, определяющих правила и ограничения для такого вмешательства. В контексте эволюции современного рыночного хозяйственного порядка даже правильней говорить не о вмешательстве государства в рыночные механизмы, а о его креативной роли в формировании условий для экономических взаимодействий в условиях нарастающей сложности и неопределенности.

Решение задачи преодоления относительной экономической отсталости периферийных регионов лежит не только в плоскости увеличения инвестиций, создания рынков и повышения показателей ВРП. Комплексный взгляд на проблемы экономической отсталости должен включать проблемы культурных и цивилизационных конфликтов, а также разработку долгосрочной политики, направленной на их разрешение путем трансформации качества человеческого и социального капиталов. Причем многие затраты, направленные на преодоление социальной отсталости периферийных регионов, не могут быть однозначно оценены в критериях эффективности/неэффективности. Например, значительное число вузов Северного Кавказа демонстрируют признаки неэффективности согласно мониторингу Минобрнауки (*Информационно-аналитические материалы*). Также, согласно рейтингу «Эксперт РА» из всех вузов Юга и Северного Кавказа в рейтинг вузов России вошли лишь 7 учреждений высшего образования, при этом из СКФО только один (табл. 4). Однако это не означает, что необходимо закрывать или проводить реорганизацию путем сокращения предложения услуг высшего образования на Северном Кавказе. Высшее профессиональное образование в этих периферийных регионах не может оцениваться только с точки зрения академических или экономических показателей, так как его значение определяется, прежде всего, цивилизаторской и социальной функциями.

Таблица 4

Рейтинг вузов России, 2013 (Регионы ЮФО и СКФО) (Рейтинг вузов России, 2013)

Место 2013	Место 2012	ВУЗ	Рейтинговый функционал	Условия для получения качественного образования, ранг	Уровень востребованности выпускников работодателями, ранг	Уровень научно-исследовательской активности, ранг
24	21	Южный федеральный университет	2,8013	35	43	6
64	68	Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова	1,7435	64	50	89
75	-	Волгоградский государственный медицинский университет Минздравсоцразвития РФ	1,6554	59	81	103
85	-	Волгоградский государственный университет	1,5701	72	82	84
93	79	Астраханский государственный технический университет	1,504	86	59	95
94	99	Кубанский государственный технологический университет	1,4971	109	48	87
95	86	Кубанский государственный университет	1,4763	90	109	40

Общества с неразвитыми гражданскими институтами характеризуются низким качеством социального капитала. Задача по созданию гражданских институтов как проблема перехода от естественного государства к порядку открытого доступа не имеет пока удовлетворительного решения (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011). Главной проблемой является то, как может возникнуть государство, способствующее росту социального капитала и гражданских институтов в естественном государстве, где значительное большинство населения не доверяет этому государству. Здесь может быть полезна гипотеза Л. Полищука и Р. Меняшева об «автономности» социального капитала: «можно говорить об односторонней взаимозаменяемости социального капитала и государства: изобилие социального капитала позволяет обойтись «меньшим государством», а восполнение нехватки социального капитала государственным контролем и формальными институтами может оказаться неэффективным, и в этой ситуации взаимная дополняемость преобладает над взаимозаменяемостью. Причина такой асимметрии заключается в том, что социальный капитал «автономен» от государства в значительно большей степени, чем государство от социального капитала» (Полищук, Меняшев, 2011. С. 51).

Как уже отмечалось, социальный капитал «вырастает» из социальных сетей, свободных ассоциаций, существование которых демонстрирует в обществе сравнительную эффективность поведенческих паттернов, основанных на доверии. В условиях естественного государства экономическая и социальная политика, направленная на создание институтов и механизмов открытого доступа, сталкивается с серьезными ограничениями со стороны доминирующих групп специальных интересов. Но в рамках даже естественного государства возможна реализация политики, направленной на поддержку инструментальных ценностей, – развитие образования, науки и стимулирование инноваций. Эффективные институты возникают и функционируют только тогда, когда у индивидов в обществе существует ясное понимание их функций по структурированию повторяющихся взаимодействий. Это согласуется с позицией Р. Коуза, который отмечал, что индивиды нуждаются в институтах, которые они способны понять, с которыми у них есть опыт работы (Интервью с Коузом, 1999. С.21). В контексте проблемы понимания населением реформ и институтов ключевую роль играет образование вообще и преподавание общественных (социальных) наук, в частности. Российскому населению вследствие предпосылок исторического развития не хватает эволюционно сложившихся неформальных институтов,

отвечающих за демократическую и рыночную социализацию граждан. Качественное, основанное на передовом и прогрессивном теоретическом багаже образование в области социальных наук, создает, прежде всего, у молодого поколения, базис для формирования понимания существующих сложных социальных процессов, а также поведенческие паттерны, необходимые для эволюции зрелого естественного государства в порядок открытого доступа.

В табл. 5 приведены показатели уровня образования населения по различным регионам СКФО и остальным федеральным округам. Из приведенных данных видно, что уровень образования в СКФО ниже, чем в среднем по России. Учитывая тот факт, что в большинстве субъектов СКФО наблюдается значительный рост доли молодежи, проблема с получением образования и повышением доли населения, охваченного высшим и средним профессиональным образованием, в ближайшей перспективе не потеряет своей актуальности. Безусловно, очень важным является вопрос качества профессионального и общего образования, которое дают учебные заведения периферийных регионов СКФО. Однако в данном случае необходимо учитывать тот факт, что повышение качества образования в сложившихся социально-экономических условиях нельзя увязывать с сокращением предложения образовательных услуг. Повышение качества образования в периферийных территориях – это задача длительной временной перспективы, и ее решение зависит от множества факторов, важнейшими из которых являются политическая и экономическая стабильность и отсутствие межнациональных конфликтов. Долгосрочное развитие экономики периферийных регионов невозможно без наличия квалифицированной рабочей силы. Поэтому важно, чтобы местная молодежь, получив профессиональное образование, могла найти достойное применение знаниям и навыкам в своем регионе.

Таблица 5

Уровень образования населения по федеральным округам (Росстат, 2012. С. 234–235)

Федеральный округ	На 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше, указавших уровень образования								
	имеют образование								не имеют начального общего образования
	профессиональное					общее			
	послевузовское	высшее	неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
Российская Федерация	6	228	46	312	56	182	110	54	6
Центральный федеральный округ	7	282	52	312	46	162	89	46	4
Северо-Западный федеральный округ	5	254	49	341	56	154	95	42	4
Южный федеральный округ	6	208	41	306	54	201	119	59	6
Северо-Кавказский федеральный округ:	7	193	52	233	42	265	133	61	14
Республика Дагестан	6	181	57	184	29	319	146	65	13
Республика Ингушетия	16	164	74	167	82	263	135	64	35
Кабардино-Балкарская Республика	8	206	52	300	48	228	103	45	10
Карачаево-Черкесская Республика	8	241	57	260	39	230	94	59	12
Республика Северная Осетия - Алания	9	264	61	288	43	181	98	48	8
Чеченская Республика	3	115	45	149	46	358	189	69	26
Ставропольский край	6	206	45	280	45	219	125	64	10
Приволжский федеральный округ	5	199	41	315	68	188	116	62	6
Уральский федеральный округ	5	204	42	331	63	182	114	54	5
Сибирский федеральный округ	6	197	42	314	57	185	129	62	8
Дальневосточный федеральный округ	6	215	44	327	55	185	121	42	5

Социальный капитал отличается от человеческого капитала, но зависит от его накопления. При прочих равных условиях накопление человеческого капитала способствует расширению социальных связей и образованию новых социальных сетей, в которые включается индивид, увеличивающий свой человеческий капитал, например, в процессе обучения в университете. Влияние на социальный капитал через человеческий можно также проследить, если принять гипотезу Дж. Ходжсона о преобразующей нисходящей причинной связи (*Hodgson, 2003; Ходжсон, 2003*). Таким образом, для жителей регионов Северного Кавказа получение современного светского (высшего) образования является не только развитием и накоплением человеческого капитала, но и создает базу для формирования социальных сетей, выходящих за территориальные и национальные рамки.

Количественные измерения социального капитала и его влияние на экономическое развитие в основном концентрируются на соотношении показателей доверия и включенности в формальные³ и неформальные ассоциации с традиционными экономическими показателями (ВРП на душу населения, неравенство распределения дохода и т. д.) (*Нуреев, 2008; Радаев, 2003; Дискин, 1997; Дискин, 2003; Beugelsdijk, 2005; Torsvik, 2000; Woolcock, 1998*). Однако для понимания качества социального капитала и его влияния на формирование институциональной системы важным элементом может служить идентификация правил, рутин, привычек, которые используются в тех или иных локальных сообществах. Подобные исследования могут проводиться в традиции конструктивистской (интерпретативной) институциональной экономической теории (*Ефимов, 2011а; 2011б*) и требуют значительных полевых исследований и анализа большого массива этнографического материала. Такие исследования прежде всего должны быть направлены на выявление (идентификацию) релевантных правил в контексте культурной и социально-экономической эволюции локальных хозяйственных порядков.

Таблица 6

Экономические и социальные показатели в СКФО⁴

Экономические риски	Значение	Социальный потенциал	Значение
Объем инвестиций в округ	2,1% (от РФ)	Коэффициент естественного прироста населения	8% (-0,8% РФ)
Инвестиции в основной капитал	99,5 млрд руб. (93,5% к уровню прошлого года)	Экономически активное население (4,6 млн чел.)	48%
ВРП на душу населения	112491,6 руб. (316626, 6 руб. в РФ)	Население в трудоспособном возрасте	60,7% (16,5% РФ)
Индекс производства сельхозпродукции	106% (96,2% РФ)	Неформальная занятость (44,1%)	1,75 млн чел. (14,1 млн чел РФ)
Денежные доходы населения (на душу в месяц)	15718,8 руб. (23076,2 руб. в РФ)	Миграция	104% (109% РФ)
Номинально начисленная среднемесячная заработная плата	18447 руб.	Число зарегистрированных преступлений (на 1000 населения)	406 (779 в РФ)
Уровень безработицы	13,1% (5,4 РФ)	Инфекционные заболевания	0,09% (0,9% в РФ)

Экономические и социальные показатели развития СКФО дают неоднозначную картину (табл. 6). Если экономические показатели, в целом ниже общероссийских, например, денежные доходы на душу населения составляют только 68%, что характеризует экономическую отсталость периферийных регионов, то некоторые социальные показатели, такие как инфекционные заболевания, число зарегистрированных преступлений во многом отражают специфику социального капитала.

³ Например, Ассоциация «Северный Кавказ» особое внимание уделяет укреплению культурных связей, межнациональных и межконфессиональных отношений в республиках, краях и областях Северного Кавказа, организует и проводит межрегиональные фестивали мастеров искусств «Мир Кавказу», съезды ученых-кавказоведов, научно-практические конференции, выставки достижений субъектов Юга России за рубежом. Членами Ассоциации являются все 7 республик СКФО, а также Астраханская область, Южная Осетия и Абхазия. В качестве корпоративных членов выступают Ассоциация «Высокие технологии» и Северо-Кавказская железная дорога.

⁴ Рассчитано авторами на основе материалов: (Федеральная служба государственной статистики).

Для долгосрочных целей экономического развития важно, чтобы периферийные регионы не превращались в анклав, закрытые от диффузии институтов, способствующих накоплению современного человеческого капитала, формированию устойчивых форм обезличенных социальных связей. И здесь решающее значение принадлежит социальной, экономической и культурной политике, проводимой федеральным центром. Такая политика должна опираться на явно сформулированные цели и ценности, которые, с большой долей условности, можно отнести к особой форме новой консолидирующей народы России идеологии.

В периферийных регионах мы можем наблюдать не только диффузию и импорт институтов, но конфликт различных цивилизационных ценностей. На формирование системы социальных ценностей значительное влияние оказывает доминирующая в обществе идеология. Разрушение Советского Союза сопровождалось крахом коммунистической идеологии. На смену последней должна была прийти консолидирующая национальная (общероссийская) идеология. Такая идеология должна была сформировать (ментальные, духовные) основы, сплачивающие многоэтничный (многонациональный) народ Российской Федерации.

«Идеологический вакуум», образовавшийся после крушения коммунистической идеологии, постепенно заполняется доктринами, основанными на традиционных церемониальных ценностях. Доминантный характер церемониальных ценностей ведет к тому, что в отсутствие последовательной государственной политики, направленной на модернизацию периферийных регионов, такие ценности будут неизбежно вытеснять инструментальные, что в эволюционной перспективе приведет не к развитию, а к деградации гражданских институтов, ухудшению качества социального капитала и, в конечном итоге, к формированию устойчивой (вследствие эффекта блокировки (lock in)) неэффективной институциональной организации социального порядка.

Идеология, направленная на модернизацию общества, не должна строиться по принципу государственных идеологий в тоталитарных или авторитарных государствах. Например, одним из элементов такой идеологии может быть культ образования как важнейшей ценности, не только позволяющий достигать экономических целей на рынке труда, но способный расширить, и персонализировать повторяющиеся социальные взаимодействия и социальные сети.

Модернизация институциональной системы российского социального порядка, с одной стороны, зависит от создания и эволюционного формирования необходимых гражданских институтов (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005), а с другой, возможна только при определенном уровне экономического развития, обеспечивающем достаточное накопление человеческого капитала (Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, 2004). Хорошие институты зависят от проводимой государственной политики, но эффективные институты не могут существовать в обществе, в котором большинство населения не понимает их функции и ценности для развития. Роль социального капитала в процессе модернизации заключается, прежде всего, в формировании широких обезличенных сетей для повторяющихся социальных, в частности, экономических взаимодействий. Детальные и последовательные исследования институциональных изменений, основанные на концепциях эволюции качества социального капитала и доминирующих социальных ценностей, позволят сформировать, а затем и сделать более распространенным релевантное понимание сложных динамических и адаптивных процессов в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж., Крэнтон Р. (2011). Экономика идентичности. М.: Карьера Пресс, 224 с.
- Бережной И.В., Вольчик В.В. (2008). Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Бузгалин А.В. (2011). Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? // *Общественные науки и современность*, № 3.
- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 1, № 3, С. 36–42.
- Вольчик В.В. (2008). Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 6, № 2.
- Вольчик В.В. (2009). Эволюция российского института власти-собственности // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, № 1.
- Вольчик В.В. (2013). Принципы deliberативной демократии для решения проблем в экономической теории // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 5, № 2.

Вольчик В.В., Бережной И.В. (2009). Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // *TERRA ECONOMICUS*, т. 7, № 2, С. 65–73.

Вольчик В.В., Бережной И.В. (2012). Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов (глава 8) / В кн. *Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М.* (ред.) *Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения*. СПб.: Алетейя.

Вольчик В.В., Скорев М.М. (2003). Институциональная инерция и развитие российской системы образования // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 1, № 4, С. 55–63.

Гудков Л. (2012). «Доверие» в России: смысл, функции, структура. Мониторинг перемен: основные тенденции // *Вестник общественного мнения*, № 2 (112).

Дементьев В.В. (2013). О некоторых особенностях предмета институциональной теории // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 5, № 2, С. 5–13.

Дзуцев Х.В. (2010). Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа. М.

Дискин И.Е. (1997). Экономическая трансформация и социальный капитал // *Проблемы прогнозирования*, № 1, С. 10–21.

Дискин И.Е. (2003). Модернизация российского общества и социальный капитал // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 5/6, С. 14–20.

Доверие институтам власти. Опрос 20–24 сентября 2013 года, репрезентативная всероссийская выборка городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны // *Левада-центр*. Доступно на: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>.

Ефимов В.М. (2011а). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки (часть 2) // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 2, № 3.

Ефимов В.М. (2011б). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки (часть 1) // *Экономическая социология*, т. 12, № 3.

Инвестиционный рейтинг регионов. Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2011–2012 гг. // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Доступно на: www.raexpert.ru.

Интервью с Р. Коузом (1999) // *Квартальный бюллетень Клуба экономистов*, вып. 1, № 4.

Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования. Доступно на: <http://miccedu.ru/monitoring/>.

Коммонс Дж. (2011). Правовые основания капитализма. М.: Изд-во Высшей школы экономики.

Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 3.

Мокир Дж. (2012). Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М.: Изд. Института Гайдара.

Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. (2012). Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // *Современные проблемы науки и образования*, № 5. Доступно на: <http://www.science-education.ru/105-6914>. Дата обращения: 08.10.2013.

Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*, т. 1, вып. 2.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд-во ГУ – ВШЭ.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // *Вопросы экономики*, № 3.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2005). Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // *Историко-экономические исследования*, т. 6, № 1–2.

Нуреев Р.М. (2008). Экономика развития: Модели становления рыночной экономики. М.

Олсон М. (1995). Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // *Экономика и математические методы*, т. 31, вып. 4.

Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.

- Пайнс Р. (2004). Россия при старом режиме. М.: Захаров.
- Полищук Л., Меняшев Р. (2011). Экономическое значение социального капитала // *Вопросы экономики*, № 12.
- Радаев В.В. (2003). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*, № 2, С. 5–16.
- Росстат (2012). Регионы России. М.
- Росстат (2013). Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. СКФО. Оперативная информация, первое полугодие 2013 года. Доступно на: www.gks.ru.
- Рейтинг вузов России (2013). Доступно на: http://www.raexpert.ru/rankingtable/?table_folder=/university/2013/main.
- Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. (1998). Политические культуры и социальные изменения. М.: Совпадение.
- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. (2009). Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 1, № 1.
- Селигмен А. (2002). Проблема доверия. М.: Идея-Пресс.
- Федеральная служба государственной статистики РФ. Доступно на: www.gks.ru.
- Ходжсон Дж. (2003). Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 1, № 4.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth / In Aghion P., Durlauf S.N. (eds.) *Handbook of Economic Growth*, vol. 1A, New York, Elsevier.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2006). De facto political power and institutional persistence // *American Economic Review*, 96, pp. 325–330.
- Arthur W.B. (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *The Economic Journal*, vol. 99, № 394.
- Beugelsdijk S., van Schaik T. (2005). Social capital and growth in European regions: an empirical test // *European Journal of Political Economy*, pp. 301–324.
- Brousseau E., Garrouste P., Raynaud E. (2011). Institutional changes: Alternative theories and consequences for institutional design // *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 79, issue 1–2, pp. 3–19.
- Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, № 3, pp. 1075–1116.
- Cowan R. (1990). Nuclear Power Reactors: A Study in Technological Lock-in // *Journal of Economic History*, vol. 50, № 3, pp. 541–567.
- David P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, vol. 75, № 2.
- Elsner W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis // *Journal of Economic Issues*, vol. XLVI, № 1.
- Eriksen T.H. (2005). Economies of ethnicity / In Carrier J.G. (ed.) *Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar, pp. 353–369.
- Fafchamps M. (2006). Development and Social Capital // *Journal of Development Studies*, vol. 42, № 7, pp. 1180–1198.
- Fogel R. (1989). Without Consent or Contract. New York: Norton.
- Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2004). Do Institutions Cause Growth? NBER Working Paper, 10568, June.
- Greif A. (2006). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge.
- Herreros F. (2004) The Problem of Forming Social Capital: Why Trust? N.Y.: Palgrave Macmillan, pp. 72–99.
- Hodgson G.M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 27.
- Hoenack St.A. (1989). Group Behavior and Economic Growth // *Social Science Quarterly*, vol. 70, no. 3, pp. 744–758.

- Maucourant J. (2012). New Institutional Economics and History // *Journal of Economic Issues*, vol. XLVI, no. 1.
- Mokyr J. (1990). The lever of riches: Technological creativity and economic progress. Oxford: Oxford University Press.
- Mokyr J. (2002). The gifts of Athena: The historical origins of the knowledge economy. Princeton: Princeton University Press.
- North D.C. (1981). Structure and change in economic history. New York: W.W. Norton.
- Nye J. (2007). War, Wine, and Taxes: The Political Economy of Anglo-French Trade, 1689–1900. Princeton, NJ.
- Olson M.Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *American Economic Review*, vol. 85, № 2, pp. 22–27.
- Sanders J.M. (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies // *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 327–357.
- Torsvik G. (2000). Social capital and economic development // *Rationality & Society*, pp. 451–476.
- Wallis J.J. (2011). Institutions, organizations, impersonality, and interests: The dynamics of institutions // *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 79, issue 1–2, pp. 48–64.
- Woolcock M. (1998). Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // *Theory & Society*, vol. 27, issue 2, pp. 151–208.
- Zheng W. (2010). A Social Capital Perspective of Innovation from Individuals to Nations: Where is Empirical Literature Directing Us? // *International Journal of Management Reviews*, vol. 12, № 2, pp. 151–183.

REFERENCES

- Acemoglu D., Johnson S. and Robinson J. (2005). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth / In Aghion P. and Durlauf S.N. (eds.) *Handbook of Economic Growth*, vol. 1A, New York, Elsevier.
- Acemoglu D. and Robinson J.A. (2006). De facto political power and institutional persistence. *American Economic Review*, 96, pp. 325–330.
- Akerlof G.A. and Kranton R.E. (2011). Identity Economics. Moscow: Career Press, 224 p. (In Russian.)
- Arthur W.B. (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. *The Economic Journal*, vol. 99, no. 394.
- Berezhnoy I.V. and Volchik V.V. (2008). Research of the economic evolution of the power-property institute. Moscow: UNITY-DANA Publ. (In Russian.)
- Beugelsdijk S. and van Schaik T. (2005). Social capital and growth in European regions: an empirical test. *European Journal of Political Economy*, pp. 301–324.
- Brousseau E., Garrouste P. and Raynaud E. (2011). Institutional changes: Alternative theories and consequences for institutional design. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 79, issue 1–2, pp. 3–19.
- Bush P.D. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.
- Buzgalin A.V. (2011). The social capital: a glue which provides stability of the late capitalism or a cyclonite in its basis? *Obschestvennye nauki i sovremennost (Social Sciences and Modernity)*, no. 3. (In Russian.)
- Commons J.R. (2011). Legal foundations of capitalism. Moscow: State University Higher School of Economics Publishing. (In Russian.)
- Commons J.R. (2012). Institutional economics. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3. (In Russian.)
- Confidence in Authority Institutions. Poll, September 20–24 2013. Representative national sample of urban and rural population of 1601 people aged 18 years and older in 130 settlements in 45 regions of the country. *Levada-Center*. Available at: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>. (In Russian.)
- Cowan R. (1990). Nuclear Power Reactors: A Study in Technological Lock-in. *Journal of Economic History*, vol. 50, no. 3, pp. 541–567.
- David P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, vol. 75, no. 2.
- Dementyev V. (2013). On some peculiarities of the subject of institutional theory. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 5–13. (In Russian.)

- Diskin I.E. (1997). Economic transformation and social capital. *Studies on Russian Economic Development*, no. 1, pp. 10–21. (In Russian.)
- Diskin I.E. (2003). Modernization of the Russian society and the social capital. *Public opinion monitoring: economic and social changes*, no. 5/6, pp. 14–20. (In Russian.)
- Dzutsev Kh.V. (2010). Public assessment of the effectiveness of executive authorities of the republic of North Ossetia-Alania of the North-Caucasian Federal District. Moscow. (In Russian.)
- Elsner W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis. *Journal of Economic Issues*, vol. XLVI, no. 1.
- Eriksen T.H. (2005). Economies of ethnicity / In Carrier J.G. (ed.) *Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar, pp. 353–369.
- Fafchamps M. (2006). Development and Social Capital. *Journal of Development Studies*, vol. 42, no. 7, pp. 1180–1198.
- Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Available at: www.gks.ru. (In Russian.)
- Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) (2012). *Regions of Russia*. Moscow. (In Russian.)
- Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) (2013). *Regions of Russia. The main characteristics of regions of the Russian Federation. North-Caucasian Federal District. Operational information for the first half of 2013*. Available at: www.gks.ru. (In Russian.)
- Fogel R. (1989). *Without Consent or Contract*. New York: Norton.
- Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. (2004). Do Institutions Cause Growth? NBER Working Paper, 10568, June.
- Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge.
- Gudkov L. (2012). «Trust» in Russia: Meaning, Functions, Structure. Monitoring of Changes: Principal Trends in Russian Society Today. *The Russian Public Opinion Herald*, no. 2 (112). (In Russian.)
- Herreros F. (2004) The Problem of Forming Social Capital: Why Trust? N.Y.: Palgrave Macmillan, pp. 72–99.
- Hodgson G.M. (2003). The Hidden Persuaders: Institutions and Individuals in Economic Theory. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 4. (In Russian.)
- Hodgson G.M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 27.
- Hoerack St.A. (1989). Group Behavior and Economic Growth. *Social Science Quarterly*, vol. 70, no. 3, pp. 744–758.
- Information and analytical materials on the analysis of performance of educational of higher education institutions efficiency. Available at: <http://miccedu.ru/monitoring/> (In Russian.)
- Interview with R. Coase (1999). *Kvartalniy bulletin kluba ekonomistov*, issue 1, no. 4. (In Russian.)
- Investment rating of regions in the Russian Federation. Classification of the regions according to the rating of investment climate in 2011–2012. Ranking Agency «Expert RA». Available at: www.raexpert.ru. (In Russian.)
- Maucourant J. (2012). New Institutional Economics and History. *Journal of Economic Issues*, vol. XLVI, no. 1.
- Mokyr J. (2002). *The gifts of Athena: The historical origins of the knowledge economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Mokyr J. (1990). *The lever of riches: Technological creativity and economic progress*. Oxford: Oxford University Press.
- Mokyr J. (2012). *The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian.)
- Musaeva L.Z., Shamilev S.R. and Shamilev R.V. (2012). Features of the settlement of the rural population of the subjects of the North-Caucasian Federal District. *Digital scientific journal «Modern problems of science and education»*, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/105-6914>. Accessed on: 08.10.2013. (In Russian.)
- North D. (1993). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *THESIS*, vol. 1, issue 2. (In Russian.)
- North D.C. (1981). *Structure and change in economic history*. New York: W.W. Norton.
- North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. Moscow: State University Higher School of Economics Publishing. (In Russian.)

- North D., Wallis J. and Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian.)
- North D., Wallis J., Webb S. and Weingast B. (2012). In the Shadow of Violence: Lessons for Limited Access Societies. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3. (In Russian.)
- Nureev R.M. and Latov Yu.V. (2005). Path dependence theory in context of the institutional economic history. *History and Economic Studies (Istoriko-Ekonomicheskiye Issledovaniya)*, vol. 6, no. 1–2. (In Russian.)
- Nureev R.M. (2008). *Development Economics: Models of market economy formation*. Moscow. (In Russian.)
- Nye J. (2007). *War, Wine, and Taxes: The Political Economy of Anglo-French Trade, 1689–1900*. Princeton, NJ.
- Olson M. (1995). Devolution of power and society in a transitional period. Remedies to corruption, economic decline and deceleration of economic growth. *Economics and Mathematical Methods (Ekonomika i matematicheskie metody)*, vol. 31, issue. 4. (In Russian.)
- Olson M. (2012). *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Olson M.Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies. *American Economic Review*, v. 85, no. 2, pp. 22–27.
- Pipes R. (2004). *Russia under the old regime*. Moscow: Zakharov Publ. (In Russian.)
- Polischuk L. and Menyashev R. (2011). Economic value of social capital. *Voprosy Ekonomiki*, no. 12. (In Russian.)
- Radaev V.V. (2003). Concept of the capital, forms of capitals and their converting. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost (Social Sciences and Modernity)*, no. 2, pp. 5–16. (In Russian.)
- Rating of the Russian higher education institutions (2013). Available at: http://www.raexpert.ru/rankingtable/?table_folder=/university/2013/main. (In Russian.)
- Rukavishnikov V., Hulman L. and Esther P. (1998). *Political culture and Social Change*. Moscow: Sovpadeniye Publ. (In Russian.)
- Sanders J.M. (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 327–357.
- Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu.V., Romashkin G.S. and Latova N.V. (2009). The Problems and Paradoxes of the Institutional Trust Analysis as an Element of Social Capital in Modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, vol. 1, no. 1. (In Russian.)
- Seligman A. (2002). The Problem of Trust. Moscow: Idea-Press. (In Russian.)
- Torsvik G. (2000). Social capital and economic development. *Rationality & Society*, pp. 451–476.
- Volchik V.V. (2003). Economics failure and path dependence. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 3, pp. 36–42. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2008). Postindustrial economy institutions evolution in context of Veblen's dichotomy. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 6, no. 2. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2009). The evolution of the Russian power-property institution. *Political Conceptology*, no. 1, pp. 164–165. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2013). The principles of deliberative democracy to solve problems in economic theory. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2. (In Russian.)
- Volchik V.V. and Berezhnoy I.V. (2009). Hierarchy and complementarity of institutions within the economic order. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 7, no. 2, pp. 65–73. (In Russian.)
- Volchik V.V. and Berezhnoy I.V. (2012). Selection and exaptation of institutions: the role of special interest groups (chapter 8) / In Arkhipov A.Yu., Kirdina S.G. and Martishin E.M. (eds.) *Evolutionary and institutional economic theory: discussions, methods and implications*. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russian.)
- Volchik V.V. and Skorev M.M. (2003). Institutional inertia and development of Russian education system. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 4, pp. 55–63. (In Russian.)
- Wallis J.J. (2011). Institutions, organizations, impersonality, and interests: The dynamics of institutions. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 79, issue 1–2, pp. 48–64.
- Woolcock M. (1998). Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory & Society*, vol. 27, issue 2, pp. 151–208.
- Yefimov V.M. (2011a). Discursive Analysis in Economics: Revision of the Methodology and History of Economics (part 2). *Journal of Economic Regulation*, vol. 2, no. 3. (In Russian.)

Yefimov V.M. (2011b). Discursive Analysis in Economics: Revision of the Methodology and History of Economics (part 1). *Economic Sociology*, vol. 12, no. 3. (In Russian.)

Zheng W. (2010). A Social Capital Perspective of Innovation from Individuals to Nations: Where is Empirical Literature Directing Us? *International Journal of Management Reviews*, vol. 12, no. 2, pp. 151–183.

РУЗВЕЛЬТ, КЕЙНС И ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

Е.М. НАЙДЕНОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: emn2011@yandex.ru

Статья представляет собой попытку анализа взаимосвязи между реформами «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта и взглядами Дж.М. Кейнса. Эта взаимосвязь, конечно, имела место, несмотря на значительные противоречия, которые существовали между Кейнсом и Рузвельтом по поводу средств и методов достижения восстановления экономики и осуществления реформ. Особое внимание уделено анализу советов и рекомендаций по поводу выведения экономики США из депрессии, которые Кейнс давал в письмах Рузвельту. Эти письма можно трактовать как программу практического применения теоретических положений «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса.

Ключевые слова: Ф.Д. Рузвельт; Дж.М. Кейнс; «Новый курс»; Великая депрессия; кейнсианская революция; «Общая теория занятости, процента и денег»; неопределенность; стабилизационная политика.

ROOSEVELT, KEYNES, AND GREAT DEPRESSION

E.M. NAYDENOVA,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor,
Financial University under The Government of The Russian Federation
e-mail: emn2011@yandex.ru

The article is a try to analyze if there were any interconnection between the "New Deal" reforms and Keynes' views. This interconnection was indeed, besides some essential contradictions between Keynes' and Roosevelt's interpretation of technics to implement reforms and methods of recovery. Special attention is paid to analysis of advice and recommendations regarding USA overcoming the depression, which Keynes provided in his letters to Roosevelt. These letters can be treated as guidelines to implement theoretical issues Keynes' "The General Theory of Employment, Interest and Money". And in spite of the fact that it has passed eighty years since Open letter from J.M. Keynes to Roosevelt and more than seventy years since his second (private) letter, problems analyzed in these letters and, what is really important, suggestions to solve for them are still up-to-date.

Keywords: F.D. Roosevelt; J.M. Keynes; «New Deal»; Great Depression; Keynesian revolution; «The General Theory of Employment, Interest and Money»; uncertainty; stabilization policy.

JEL classification: B22, E12.

Два имени и одно событие, вынесенные в заголовок, неразрывно связаны между собой для всех, кто интересуется новейшей историей вообще и историей экономической науки в частности. Если мы думаем о «Новом курсе» Ф.Д. Рузвельта, то сразу вспоминаем о Великой депрессии. Вспоминая

Великую депрессию, мы мысленно обращаемся к «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса. Рузвельт и Кейнс, по мнению многих, – два гения Великой депрессии. Первый осуществлял революционные реформы, спасшие капитализм от неминуемой гибели. Второй разработал революционную экономическую теорию, обосновавшую возможность спасения капитализма как экономической системы. Есть, однако, и противоположное мнение, согласно которому Рузвельт и Кейнс – это два исторических «злодея». Первый чуть не уничтожил практически систему свободного предпринимательства. Второй создал теорию, доказывающую неизбежность гибели этой системы, если не вмешается государство. Поэтому и Рузвельта, и Кейнса обвиняли в приверженности к идеям социализма.

Как бы ни различались эти точки зрения, и та и другая не ставят под сомнение то, что две исторические фигуры неразрывно связаны между собой.

По этому поводу возникает несколько вопросов.

Вопрос первый. Поскольку Дж.М. Кейнс начал работу над своей великой книгой в 1931 г., а Рузвельт начал осуществлять реформы «Нового курса» два года спустя, не действовал ли Рузвельт по подсказке Кейнса?

Вопрос второй. Поскольку реформы «Нового курса» начали осуществляться в 1933 г., а «Общая теория занятости, процента и денег» вышла в свет тремя годами позже, не является ли эта книга лишь теоретическим обобщением практики «Нового курса»?

Вопрос третий. Была ли вообще связь между идеями «Нового курса» Рузвельта и теорией Кейнса, или каждый из них творил самостоятельно: первый – историю США (и всего человечества), второй – новую экономическую теорию (макрэкономике)?

Чтобы ответить на эти общие, а также многие вытекающие из них частные, вопросы, придется обратиться к истории.

Более 80 лет назад в марте 1933 г. в Белом доме появился новый хозяин – 32-й президент США Франклин Делано Рузвельт. С первых же дней он стал проводить в жизнь реформы, обещанные американскому народу во время предвыборной кампании, которые вошли в историю как «Новый курс».

Перед Рузвельтом стояли сложные задачи, требовавшие немедленных действий: экономика достигла дна кризиса, многомиллионные массы безработных, рухнувшее наполовину промышленное производство, умирающее сельское хозяйство, задышавшаяся банковская система.

И с первых дней новая администрация – команда единомышленников нового президента – взялась за работу, которая привела к успеху. Были созданы государственные агентства и управления, занимавшиеся организацией общественных работ, возрождением промышленности, сельского хозяйства, а также науки и культуры. Уже к 1934 г. страна начала постепенно выходить из кризиса.

Весь мир пристально наблюдал за деятельностью американской администрации, но с особым вниманием следил за ситуацией в США английский экономист Дж.М. Кейнс, 130 лет со дня рождения которого исполнилось в июне 2013 г.

Дело в том, что среди наиболее острых проблем, стоявших не только перед американской экономикой, но и экономикой всех развитых стран, которые были охвачены Великой депрессией, стояли проблемы, требовавшие не только практического решения, но и теоретического осмысления. Прежде всего – проблема занятости (безработицы).

Для Кейнса безработица была привычной, наболевшей проблемой. В отличие от экономики США, для которой 20-е гг. были периодом «процветания» («prosperity»), английская экономика в 20-е гг. характеризовалась экономической стагнацией и высоким уровнем безработицы, достигнувшем в 1925 г. 10% (Кейнс, 2007. С. 753).

Разразившаяся Великая депрессия (в Англии позже, чем в США, – в 1930 г.) лишь ускорила необходимость ее теоретического осмысления, а также поисков путей ее преодоления.

Еще в 1925 г. в статье «Экономические последствия валютной политики мистера Черчилля» Кейнс высказал мысль о том, что политика дорогих денег способствует росту безработицы. Соответственно, политика дешевых денег способствует росту занятости. Акцент, сделанный Кейнсом на значение нормы процента для динамики уровня безработицы, отличал его отношение к денежно-кредитной политике от ортодоксального подхода, основанного на количественной теории денег (Кейнс, 2007. С. 764).

Видимо поэтому некоторые исследователи считают, что «фундаментальной причиной безработицы» Кейнс считал высокую норму процента. Именно эту точку зрения высказывает Я.С. Ядгаров, ссылаясь на мнение М. Блауга (Ядгаров, 2013).

Однако уже к 1933 г. взгляды Кейнса на средства преодоления безработицы сильно изменились.

В знаменитом «Открытом письме президенту Рузвельту», опубликованном в «Нью-Йорк Таймс» 31 декабря 1933 г., Кейнс отводит политике дешевых денег лишь второе место в политике преодоления спада и увеличения занятости, хотя и придает «громадное значение» (Keynes, 1933. Р. 6) снижению долгосрочных процентных ставок. На первое же место он выдвигает необходимость широкомасштабных государственных расходов за счет дефицитного финансирования. Причем он подчеркивает необходимость увеличения *капитальных расходов*, например, на реконструкцию железных дорог, полагая, что в данный момент они важнее пособий по безработице: «Вы, наконец, убедитесь, что страна быстрее разбогатеет благодаря таким проектам, чем благодаря вынужденному безделью миллионов» (Keynes, 1933. Р. 5).

Это письмо Кейнса примечательно во многих отношениях, и на него часто ссылаются, в частности авторы, которые возводят водораздел между взглядами Кейнса и взглядами Рузвельта. При этом довлеет исходная предпосылка, о том, что анализ Кейнса – это краткосрочный анализ, а Рузвельт осуществлял долгосрочную программу реформирования социально-экономической системы США. Постоянно приводится цитата из «Трактата о денежной реформе», опубликованного еще в 1923 г. («в долгосрочном периоде мы все покойники»). Да еще с легкой руки Дж. Хикса многие трактуют теорию Дж.М. Кейнса как частный случай классической теории, пригодную для анализа только депрессивной экономики (Кейнс, 2007. С. 355). Но если это так, то почему появление книги Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» назвали «кейнсианской революцией»? А он действительно совершил научный переворот, создав свой собственный, отличный от классиков, метод и, следовательно, собственную научную школу. (Й. Шумпетер считал, что в экономической теории существуют всего три научные школы в полном смысле этого слова: физиократия, марксизм и кейнсианство (Шумпетер, 2011. С. 393)).

Не вдаваясь в подробности, хочется отметить, почему, на наш взгляд, Кейнс так заинтересовался «Новым курсом». Ведь кризис начался в 1929 г., но Кейнс не писал писем 31-му президенту Г.К. Гуверу, хотя он мог бы ему посоветовать проводить более мягкую денежно-кредитную политику, что тогда соответствовало его взглядам на способы преодоления безработицы. А тут не прошло и десяти месяцев с начала реформ «Нового курса», а Кейнс спешит поделиться своими мыслями и предложениями. К этому времени он уже активно работал над созданием своего главного труда и пришел к выводу о приоритетной роли эффективного спроса¹ в определении уровня дохода и занятости (безработицы). К слову сказать, Кейнс в этом письме не употребляет термин «эффективный спрос», а говорит о покупательной способности (purchasing power). Однако из содержания письма следует, что он имеет в виду именно категорию эффективного спроса (Keynes, 1933. Р. 2–3). Видимо Кейнс полагал, что термин «покупательная способность» более понятен человеку, не являющемуся профессиональным экономистом.

Факт обращения Кейнса к Рузвельту может объясняться только тем, что Кейнс почувствовал в 32-м президенте единомышленника, родственную душу.

Кейнс, как и Рузвельт, был гуманистом до мозга костей. Только гуманизм Кейнса опирался на прочный философский фундамент. Не случайно Р. Скидельски считает его больше философом-моралистом, чем экономистом (Скидельски, 2011. С. 18, 166–190). Приступив к своему главному труду, Кейнс прежде всего отказывается от исходной классической гипотезы – гипотезы *экономического человека*, который всегда действует рационально, руководствуясь мотивом личной выгоды. Это проявляется не только в том, что Кейнс обращается к конкретным примерам. К этому прибегали многие классики, и даже чаще, чем Кейнс. Он вводит в категориальный аппарат экономической науки *психологические законы и категории*: основной психологический закон, предельную склонность к потреблению, предельную эффективность капитала, предпочтение ликвидности. В советской литературе такой метод был назван субъективно-психологическим, закрывающим путь к истинно научному анализу. А на самом деле это был научный прорыв. Пройдет совсем немного времени, и станет ясно, что все самые яркие открытия делаются на стыке наук. Кроме того, упрек в субъективизме не очень состоятелен, так как Кейнс анализировал объективные факторы, влияющие на психологические категории. Да и анализировал он психологические категории, лежащие в основе развития экономики *в целом*, то есть рассматривал скорее социальную психологию.

Именно такой подход позволил Кейнсу обратить внимание на структуру распределения дохода в обществе: при изменении этой структуры изменяется предельная склонность к потреблению,

¹ Значение совокупного спроса по доходу в точке равновесия (Кейнс, 2007. С. 60)

от которой, при прочих равных условиях, зависит значение функции потребления. Эта функция лежит в основе кейнсианской функции совокупного спроса по доходу (планируемых совокупных расходов), поведение которой, при прочих равных условиях, определяет уровень дохода и уровень занятости (соответственно, безработицы) в национальной экономике. Изменение же структуры распределения дохода зависит от изменения социальной структуры общества, а это отнюдь не краткосрочная проблема. Кстати, построение функции совокупного спроса от дохода – одна из фундаментальнейших особенностей методологии Кейнса, обусловленная агрегатным подходом к анализу экономики. В отличие от классиков (неоклассиков), сводивших механизм достижения общего (макроэкономического) равновесия к колебаниям цен *при заданном уровне реального дохода*, Кейнс видел свою цель в том, чтобы найти и проанализировать факторы, *определяющие «главным образом» сам этот уровень дохода* (Кейнс, 2007. С. 234-235). Поэтому у первых (и всех их последователей) доход – экзогенная переменная, заданная на уровне дохода полной занятости. У Кейнса же доход – эндогенная переменная, зависящая в первую очередь от трех независимых переменных, в качестве которых выступают: «предельная склонность к потреблению, график предельной эффективности капитала и норма процента» (Кейнс, 2007. С. 233). Подчеркнем, что норма процента стоит на последнем месте. Точнее, важнейшее значение в деле определения дохода и занятости Кейнс придает *разности между предельной эффективностью капитала и нормой (ставкой) процента*. Именно от этой разности зависит уровень инвестиционного спроса – важнейшего компонента эффективного спроса (Кейнс, 2007. С. 149, 156).

Таким образом, Кейнс не рассматривал норму процента как таковую в качестве фундаментальной причины безработицы. Для него «норма процента на деньги играет особую роль в установлении границы уровня занятости, поскольку она устанавливает стандартную величину, которой должна достигать предельная эффективность капитальных активов, если такие активы будут производиться заново» (Кейнс, 2007. С. 215). (Кстати, категория «предельная эффективность капитала» очень редко употребляется в современной макроэкономической теории и часто подменяется категорией «норма прибыли», что совсем не одно и то же.) Если говорить о «самой» фундаментальной причине безработицы (и не только), то, по Кейнсу, это неопределенность наших представлений о будущем. Именно из этой категории он выводит особую роль государства как макроэкономического субъекта (Кейнс, 2007. С. 170).

Что касается предельной склонности к потреблению, то ее изменение, как уже упоминалось выше, Кейнс связывал с изменением структуры распределения дохода.

Мысли о необходимости подобных изменений встречаются во многих его работах еще до появления «Общей теории». Например, в статье «Экономические возможности наших внуков», последний вариант которой (1930 г.) был опубликован в нашей стране (Кейнс, 2009. С. 60–67) с очень интересной статьей-послесловием Д. Шестакова (Шестаков, 2009. С. 68–69). Правда, тогда Кейнс возлагал надежды на изменения, которые произойдут в психологии общества под влиянием развития научно-технического прогресса. Как бы то ни было, мысль о том, что каждый человек заслуживает материального благополучия, была ему близка.

Именно с этой мыслью начал свои реформы Ф.Д. Рузвельт. Его гуманистические убеждения сформировались еще в ранней юности под влиянием дяди, ставшего его кумиром, Т. Рузвельта – 26-го президента США. Именно в годы его президентства (1901 – 1909) были предприняты попытки создать хоть какие-то основы социальной защиты тех, кого Франклин Делано назовет впоследствии «забытыми американцами». И свою политику он не случайно назвал «Новым курсом»: политика дяди Теодора называлась «честным курсом».

Хотя Ф.Д. Рузвельт окончил Гарвардский университет, учился он неважно. Особенно он не жаловал экономику и философию. Зато стал редактором студенческого журнала. По окончании университета стал готовить себя к политической деятельности (по примеру дяди). Природная застенчивость и отсутствие ораторских навыков поначалу приводили его в отчаяние. Но отличительной чертой будущего президента было упорство в достижении поставленной цели. Оно и привело его, спустя много лет, в Белый дом.

Вернемся к открытому письму Кейнса. Кейнс обращался к Рузвельту как человеку последовательно демократических убеждений, выразив уверенность, что от политики Рузвельта зависят судьбы демократии во всем мире. Он справедливо указывал, что перед президентом стоит двойная задача: обеспечить восстановление экономики после кризиса и осуществить назревшие социально-экономические реформы (Кейнс, 1933. Р. 2). Возникает вопрос: зачем он это писал? Ведь наверное Рузвельт, который в инаугурационной речи обозначил эти проблемы, знал это и без него. Представляется, что причина в следующем.

Рузвельт, судя по всему, видел только единство этих бесспорно схожих задач. Но вот чего он не видел, так того, что это единство противоречивое. Конечно, решение одной приводит к решению другой, но с какой нужно начать, чтобы эффективно решить обе?

Этому, как нам представляется, и посвящено письмо Кейнса. Он отнюдь не противопоставлял долгосрочные реформы и краткосрочное восстановление экономики и ставил вопрос не о приоритете целей, а о последовательности средств их достижения (*Keynes, 1933. P. 2*). Средства-то были во многом схожими, но были и различия, на которые он указывал (*Keynes, 1933. P. 2–3*). Просто Кейнс как ученый понимал проблемы глубже Рузвельта. Известно, что первые сто дней президентства Рузвельта ознаменовались принятием огромного количества законов. Некоторые из них, в частности, закон о возрождении национальной промышленности (NIRA), Кейнс считал сырыми, принятыми в спешке, а главное, не только не связанными с решением задачи восстановления, но и тормозившими решение этой задачи. И Кейнс справедливо указывал, что законы, преследующие долгосрочные цели реформирования, должны быть хорошо продуманы и приниматься на основе накопленного опыта. И главное, не задерживать восстановление. И не потому, как считает В.Г. Наймушин, что для Кейнса было приоритетом дефицитное финансирование расходов государственного бюджета как таковое, к которому он якобы упорно склонял Рузвельта. И не потому, что он (якобы в отличие от Рузвельта) защищал интересы бизнес-сообщества (*Наймушин, 2009. С. 46–48*). То, что Рузвельт не поддавался требованиям применить силу против многотысячных демонстраций и забастовок рабочих, еще не делает его выразителем их интересов. И Кейнса и Рузвельта объединяло то, что они выражали интересы правящего класса, но только оба они видели проблемы, которых не видели или не хотели видеть многие представители этого класса. И тот, и другой имели общую цель: спасение капитализма, хотя и того и другого обвиняли в симпатиях к социализму.

Кейнс был уверен, что задержка восстановления экономики, обязательно отрицательным образом скажется и на осуществлении реформ. Он призывал Рузвельта «свободно использовать в интересах мира и процветания те средства, которым до настоящего времени разрешалось служить целям войны и разрушения». Речь шла о дефицитном финансировании государственных расходов, потому что в условиях кризиса, когда частный бизнес не осуществлял инвестиций, не было другого средства увеличить совокупный спрос и обеспечить восстановление экономики, а без этого невозможен был успех реформ (*Keynes, 1933. P. 3*).

Большое внимание Кейнс уделил политике роста цен, проводившейся тогда в США. Кейнс подверг ее критике, высказав предположение, что эта политика основывалась на неправильном понимании взаимосвязи между восстановлением экономики и ростом цен: «Рост цен нужно приветствовать, так как это является симптомом увеличения производства и занятости». И далее: «Стимулирование производства с помощью увеличения совокупной покупательной способности – это верный путь обеспечить рост цен, а не наоборот» (*Keynes, 1933. P. 3*). Эти мысли нашли отражение и в «Общей теории» (*Кейнс, 2007. Гл. XXI*). Потому несправедливыми являются утверждения, представляющие Кейнса сторонником роста цен как способа стимулирования производства (*Ядгаров, 2013*).

(Кстати, в том же письме Кейнс высказал свое критическое мнение относительно явления, которое мы теперь называем инфляцией издержек (*Keynes, 1933. P. 3*), хотя в полной мере она проявила себя значительно позднее. По мнению многих экономистов, именно неспособность справиться с инфляцией издержек в начале 70-х гг. XX в. и положила начало закату популярности кейнсианской теории, господствовавшей в развитых странах и прежде всего в США в течение более чем тридцати послевоенных лет.)

Личная встреча великого политика и великого ученого состоялась через два месяца в Белом доме, куда Кейнс приехал по приглашению Рузвельта. Беседа разочаровала обоих. Кейнс был удивлен тем, что Рузвельт, на его взгляд, слабо разбирался в экономике. В свою очередь у Рузвельта сложилось впечатление, что он говорил не с экономистом, а с математиком.

Следующее (частное) письмо Рузвельту Кейнс написал 1 февраля 1938 г., после того как в 1937 г. в США произошла следующая рецессия. Это послание Кейнса было вызвано его искренней заинтересованностью в успехе как реформ «Нового курса» в целом, так и конкретных действий, направленных на борьбу с кризисом и безработицей. Кейнс подробно проанализировал ошибки и даже «провалы» («failure») политики администрации Рузвельта в предыдущий период. По его мнению, именно они привели к новому спаду, который был вполне предсказуем. Он также предложил конкретные шаги для исправления сделанных ошибок и дальнейшего продвижения реформ (*Keynes, 1938. P. 1–8*). Интересна оценка Кейнсом политики дешевых денег того периода. Он назвал ее пред-

варительным условием восстановления («recovery»), «так как бесполезно создавать спрос на кредиты, если отсутствует предложение», но отметил, что «рост предложения сам по себе не вызовет соответствующего спроса» (Keynes, 1938. Р. 2). Это письмо свидетельствует о нарастании у Кейнса скептических настроений относительно возможностей денежно-кредитной политики, что можно обнаружить и в «Общей теории» (Кейнс, 2007. С. 170). Так что, если в чем и проявилось влияние практики «Нового курса» на теорию Кейнса, так это в том, что он разочаровался в стабилизационных способностях монетарной политики. Возможно, именно это привело Кейнса к идее «ловушки ликвидности». Подтверждением правоты оценок Кейнса служит современная экономическая ситуация: несмотря на проводимую США в течение нескольких последних лет политику количественного смягчения (QE), следствием которой является снижение процентных ставок до исторического минимума, полностью решить проблему безработицы так и не удается.

Больше в своем письме Кейнс не возвращался к денежно-кредитной политике, сосредоточившись на предложениях увеличить государственные расходы в реальный сектор, прежде всего в жилищное строительство, предприятия коммунального хозяйства и реконструкцию железных дорог, подчеркнув их значение как источников «потенциального спроса» (Keynes, 1938. Р. 4–6). Кстати, он предлагал отдать их под общественный контроль и даже национализировать. Это уж точно не краткосрочные цели!

Содержание письма 1938 г. доказывает, что Рузвельт и его команда не прислушались к советам, которые Кейнс высказал в письме 1933 г.

Трудно сказать, оказали ли советы и рекомендации Кейнса, изложенные в письме 1938 г., влияние на политику Рузвельта.

В одном из интервью в 2000 г. Дж.К. Гэлбрейт утверждал, что влияние идей Кейнса на «Новый курс» равнялось нулю, хотя и признавал, что в команде Рузвельта были люди, читавшие книгу Кейнса и даже симпатизировавшие его теории (Galbraith, 2000). Что касается программы выхода из рецессии, изложенной Кейнсом в письме 1938 г., достоверно лишь известно, что США вышли из рецессии только с началом Второй мировой войны. В чем не смог убедить Рузвельта Кейнс (дефицитное финансирование государственных расходов), в том убедила война, хотя отказ от стремления к сбалансированному бюджету любой ценой произошел ранее, но не под влиянием Кейнса, а под давлением обстоятельств.

Из писем Кейнса следует, что он пристально наблюдал и серьезно анализировал все происходящее в экономике США. Но эти же письма свидетельствуют о том, что его главные идеи, как в области теории, так и в области государственной стабилизационной политики не явились результатом обобщения опыта «Нового курса».

Каждый из этих двух выдающихся людей шел своим путем.

Рузвельт как политик-практик и даже прагматик двигался к своим целям методом «проб и ошибок».

Кейнс создавал новую теорию, которая, как он сам писал, предназначалась прежде всего коллегам-ученым, а уже потом широкой публике, включая политиков (Кейнс, 2007. С. 39). Его «Общая теория» совершила революционный переворот не только в теории кризисов и безработицы, но в экономической теории в целом, и по существу положила начало формированию новой науки – макроэкономики.

Таким образом, на два первых вопроса, заявленных в начале статьи, приходится дать отрицательный ответ. Ответ на третий вопрос не так однозначен.

Анализ писем приводит к выводу, что Дж.М. Кейнс видел связь между идеями «Нового курса» и своей теорией, в чем и пытался убедить Рузвельта, который был озабочен совсем другим – практическим осуществлением программы «Нового курса», не задумываясь (по объективным и субъективным причинам) о ее теоретическом обосновании. Зато эту связь уловили молодые сторонники «Нового курса», ставшие приверженцами теории Кейнса.

Кейнс сделался невероятно популярен в США, особенно среди студентов Гарвардского университета – кузницы политических кадров страны. Как вспоминает Й. Шумпетер, когда в США вышла «Общая теория» Дж.М. Кейнса, «гарвардские студенты были не в силах ждать, пока она поступит в магазины: они скинулись и организовали прямую поставку первых экземпляров книги прямо в университет» (Шумпетер, 2011. С. 383).

Впоследствии некоторые из них приезжали в Белый дом пропагандировать идеи Кейнса, позднее многие пришли туда работать, воплощая идеи в жизнь по мере сил и способностей, они внося свою лепту в создание «государства всеобщего благосостояния», основы которого были заложены «Новым курсом». Продолжая осуществление замыслов Рузвельта, они уже вполне сознательно ис-

пользовали идеи Кейнса. И этот синтез давал впечатляющие результаты в течение более чем тридцати лет (Скидельски, 2011. С. 151–158).

Позднее, в 70-е гг. XX в., начало меняться отношение и к «Новому курсу», и к учению Дж.М. Кейнса. Резкая критика в отношении политики Рузвельта и теории Кейнса характерна для работ Айн Рэнд, американского либертарианского философа русского происхождения, которая еще в 1965 г. обвиняла их уже не столько в симпатиях к социализму, сколько в фашизме (Рэнд, 2011. С. 266–267).

Кейнсианство практически вытесняется из мейнстрима экономической теории, его все активнее заполняют неоклассические концепции. Начало процессу вытеснения положил монетаризм во главе с его основоположником М. Фридманом. Параллельно происходили изменения в отношении к реформам «Нового курса». Из спасителя нации Рузвельта превращают чуть ли не в ее губителя (Best, 1990; Folsom, 2008; Powell, 2003). 125-летие со дня его рождения (2007 г.) в США прошло почти незаметно (Конференция, 2007).

Однако уроки глобального финансового и экономического кризиса 2008–2010 гг. дают надежду на то, что еще не поставлена точка в оценке как уроков «Нового курса», так и теории Дж.М. Кейнса. Время покажет, каково их истинное место в истории. Ясно одно, для тех, кому близки идеалы гуманизма и демократии и кто не потерял веру «в мудрость и мощь государства» (Keynes, 1933. P. 5), эти два имени, Ф.Д. Рузвельт и Дж.М. Кейнс, связаны неразрывно.

ЛИТЕРАТУРА

- Кейнс Дж.М. (2007). Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо
- Кейнс Дж.М. (2009). Экономические возможности наших внуков // *Вопросы экономики*, № 6. С. 60–67.
- Конференция (2007). «Уроки “Нового курса” для современной России и всего мира». К 125-летию со дня рождения 32-го президента США Франклина Рузвельта. М.: Институт общественного проектирования.
- Наймушин В.Г. (2009). Уроки Великой депрессии для современной России // *TERRA ECONOMICUS*, т. 7. № 2, С. 42–49.
- Рэнд А. (2011). Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина Паблишерз.
- Скидельски Р. (2011). Кейнс. Возвращение мастера. М.: ООО «Юнайтед Пресс».
- Шестаков Д. (2009) Возможности, которые мы упустили // *Вопросы экономики*, № 6, С. 68–69.
- Шумпетер Й. (2011). Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Изд. Института Гайдара.
- Ядгаров Я.С. (2013). «Кейнсианская революция» в зеркале «нового курса» Ф.Д. Рузвельта.
- Best G.D. (1991). *Pride, Prejudice, and Politics: Roosevelt Versus Recovery, 1933–1938*. New York: Praeger Publishers.
- Folsom B. (2008) *New Deal or Raw Deal? : How FDR's Economic Legacy has Damaged America*. New York: Threshold Publishers.
- Galbraith J.K. (2000). Was FDR influenced by Keynes? Доступно на: http://www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/pdf/int_johnkennetgalbraith.pdf.
- Keynes J.M. (1933). An Open Letter to President Roosevelt. Доступно на: <http://newdeal.feri.org/misc/keynes2.htm>.
- Keynes J.M. (1938). A private letter to President Roosevelt. Доступно на: http://www.fdrlibrary.marist.edu/aboutfdr/pdfs/smFDR-Keynes_1938.pdf.
- Powell J. (2003) *FDR's Folly: How Roosevelt and His New Deal Prolonged the Great Depression*. New York: Three Rivers Press.

REFERENCES

- Best G.D. (1990). *Pride, Prejudice, and Politics: Roosevelt Versus Recovery, 1933–1938*. New York: Praeger Publishers.
- Conference (2007) ««New Deal» lessons for the contemporary Russia and the entire World». On 125-th birthday of 32-nd President of the USA Franklin D. Roosevelt. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya.
- Folsom B. (2008). *New Deal or Raw Deal? : How FDR's Economic Legacy has Damaged America*. New York: Threshold Publishers.

- Galbraith J.K.* (2000) Was FDR influenced by Keynes? Available at: http://www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/pdf/int_johnkennetgalbraith.pdf.
- Yadgarov J.S.* (2013). "Keynesian Revolution" in the Mirror of F. D. Roosevelt's "New Deal".
- Keynes J. M.* (1933). An Open Letter to President Roosevelt. Available at: <http://newdeal.feri.org/misc/keynes2.htm>.
- Keynes J.M.* (1938). A private letter to President Roosevelt. Available at: http://www.fdrlibrary.marist.edu/aboutfdr/pdfs/smFDR-Keynes_1938.pdf.
- Keynes J.M.* (2007). The General Theory of Employment, Interest and Money. The Selected Works. Moscow: Eksmo.
- Keynes J.M.* (2009). Economic Possibilities for our Grandchildren. NP "Voprosy Ekonomiki", no. 6, pp. 60–67.
- Naymushin V.G.* (2009). The Lessons of Great Depression for Contemporary Russia. TERRA ECONOMICUS, vol. 7, no. 2, pp. 42–49.
- Powell J.* (2003) FDR's Folly: How Roosevelt and His New Deal Prolonged the Great Depression. New York: Three Rivers Press.
- Rand A.* (2011). The Unknown Ideal. Moscow: Alpina Publishers.
- Schumpeter J.* (2011). Ten Great Economists From Marks to Keynes. Moscow: Izd. Instituta Gaydara.
- Shestakov D.* (2009). The Possibilities We Have Lost. NP "Voprosy Ekonomiki", no. 6, pp. 68–69.
- Skidelsky R.* (2011). Keynes. The Return of the Master. Moscow: OOO "United Press".

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА «ХИЩНИКОВ»: СЛУЧАЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ¹

Т.Н. ЖУРАВСКАЯ,

младший научный сотрудник,
Амурская лаборатория экономики и социологии Института экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
старший преподаватель кафедры коммерции и товароведения,
Амурский государственный университет, г. Благовещенск,
e-mail: wellshy@mail.ru

В статье описаны практики незаконной добычи и продажи золота в двух дальневосточных поселениях (село и город районного значения) в регионах, занимающих лидирующие позиции по добыче золота в России. Исследование показало, что в подобные практики вовлечена значительная часть населения, что противоречит устоявшемуся мнению о том, что незаконной добычей занимаются лишь криминальные группировки. Рассмотрена история запрета на частную добычу золота и основные нормы, регулирующие ее в настоящее время. Выявлены условия распространенности таких практик – территориальная отдаленность и труднодоступность, малая пригодность земель для сельского хозяйства, упадок производственной и социальной сферы. Описаны моральные принципы незаконной добычи, которыми руководствуются «хищники», а также логика включения в указанные практики.

Ключевые слова: неформальные правила; моральная экономика; «хищники»; Дальний Восток.

MORAL ECONOMY OF ILLEGAL MINERS: EVIDENCE FROM RUSSIAN FAR EAST

T.N. ZHURAVSKAYA,

Junior Researcher,
Amur Laboratory For Economics and Social Studies, Economic Research Institute, Far Eastern
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Lecturer,
Amur State University, Department of Commerce and Commodity,
Amur Region, Blagoveshchensk,
e-mail: wellshy@mail.ru

The article describes the practices of illegal mining and sale of gold in two Far Eastern settlements of the Russian Federation (the village and the district-level town) located in the regions that take leading positions in gold mining in Russia. The author has found during the study that much of the population is involved in such practices, despite the popular belief that only criminal gangs are engaged in illegal mining. The history of the ban that had been imposed on private gold mining along with the current main regulations of private gold mining are examined. The conditions under which such practices become predominant are revealed; these include: remoteness and inaccessibility of the

¹ Исследование выполнено в рамках проектов «Вне закона: повседневные практики природопользования на Дальнем Востоке» (РГНФ № 12-32-01065/12) и «Неформальные практики добычи природных ресурсов в приграничных регионах Дальнего Востока» (ДВО РАН №12-III-A-10-003).

territories, low suitability of the land for the agriculture, decline of the industrial and social spheres. The moral principles of illegal mining, which the «predators» are guided by, along with the logic of inclusion in these practices are described.

Keywords: *informal rules; moral economy; illegal miners; the Far East.*

JEL classification: *O17, D19, L61.*

Начиная изучение практик природопользования в регионах Дальнего Востока, мы столкнулись с дилеммой: по сообщениям контролирующих органов, периодически происходит задержание так называемых «черных копателей» или «хищников», незаконно добывающих золото и/или пытающихся сбыть его на черном рынке (см.: (Рыжова, 2011. С. 313–314)). Однако наши информанты продолжали повторять: в России нет незаконной добычи, это нам не свойственно, незаконной добычей занимаются лишь криминальные группировки. Характерно, например, высказывание:

«Со времен Сталина все хорошо усвоили, что золото можно добывать только легально, по лицензии. И любое хранение золота незаконно и даже за 1 г можно сесть и надолго. Поэтому желающих нелегально добывать золото нет, ну или совсем мало» (*Собственник предприятия по добыче золота, 2010*).

С другой стороны, некоторые информанты высказывались о том, что вольноприносительство необходимо легализовать, поскольку это будет защищать интересы «простых людей». В дальнейшем мы стали получать свидетельства о том, что незаконная добыча золота ведется в северных и малодоступных районах изучаемых регионов. А вскоре нам удалось встереться с местными жителями некоторых дальневосточных сел, в которых в незаконную добычу золота вовлечена значительная часть населения. Это противоречило тому, что мы слышали ранее, поскольку это означало бы, что местное население является маргинальными «криминальными элементами», нарушающими законодательство ради собственного благосостояния.

Цель данной статьи – описать сложившиеся практики незаконной добычи и продажи золота в двух дальневосточных поселениях, расположенных в Магаданской и Амурской областях, и попытаться объяснить причины их распространенности и логику включенных акторов.

Методы исследования

Исследование проведено по методологии кейс-стади, т. е. изучение случаев двух дальневосточных поселений в регионах, занимающих лидирующие позиции по добыче золота в России. Основным источником информации являются интервью с местными жителями, чиновниками надзорных служб, представителями предприятий, а также студентов-практикантов, обучающихся на геологических специальностях. В общей сложности было собрано более 20 интервью, однако не все из них напрямую касались незаконной добычи и продажи золота (эта тема обсуждалась в контексте более широкого круга проблем и не всегда была раскрыта информантами). В качестве источников информации также были использованы материалы в СМИ и Интернет, фотоматериалы. Данные были подвергнуты качественному анализу: систематизации, категоризации и интерпретации полученных текстов. Тексты интервью были обработаны в программе QDAminer, где практики незаконной добычи и продажи золота были закодированы кодом «informal practices» (как и, например, браконьерство) тремя кодировщиками. Это позволило провести более детальный и более независимый анализ текстов, увидеть более широкий контекст высказываний.

Теоретическая рамка

Согласно основному положению институциональной теории, поведение индивидов регулируется институтами или совокупностью формальных и неформальных правил. По определению Д. Норта, «институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» (Норт, 1997. С. 17). Формальные правила закреплены законом или контрактами, их поддержку чаще всего обеспечивает государство. В свою очередь, неформальные правила представляют собой традиционные нормы, соблюдение которых контролируется сообществом. Динамика формальных и неформальных правил может быть разной: формальная норма может поддерживать или запре-

щать неформальное правило, неформальная норма может делать формальное правило неактивным, может происходить деформализация (Аузан, 2011. С. 27–28).

В свою очередь, формальные и неформальные нормы могут дополнять друг друга, не совпадать или конкурировать между собой. Наиболее эффективно формальные правила работают, когда они поддерживаются неформальными нормами. Это так называемые «встроенные институты» по определению О. Уильямсона (Williamson, 2000. Pp. 596–597). Они «вводятся и создаются неформальными правилами, обычаями, нормами и традициями, культурными и религиозными предпочтениями» (Володин, 2008. С. 131) и медленнее остальных поддаются изменениям.

Неформальные правила дают ключ к понятию неформальной экономики, однако устоявшегося определения в настоящее время не существует. По мнению Т. Шанина, множественность определений неслучайна, связана с тем, что речь идет о «частично пересекающихся характеристиках, причем не только экономических» (Шанин, 1999. С. 13–14). Однако существующие подходы к определению неформальной экономики могут быть объединены общим представлением об ее особом положении по отношению к официальной и учтенной экономике (по отношению к закону и государству). В целом, под «неформальной экономикой» чаще всего понимают совокупность видов хозяйственной деятельности, осуществляемую вне рамок формального регулирования и официального наблюдения. При этом механизмы такой деятельности рассматриваются как пересечение формальных правил и неформальных практик (См., например: (Де Сото, 1995; Олейник, 2002; Эверс, 2001; Радаев, 1999; Латов, Ковалев, 2006; Глинкина, 2001; Барсукова, 2000 и др.)).

Многие авторы уделяют внимание причинам и последствиям развития неформального сектора. Наиболее известна точка зрения Э. де Сото о том, что внезаконная экономика есть реакция на излишнее регулирование (Де Сото, 1995). Согласно концепции «грабщей руки» Т. Фрая и А. Шлейфера причиной развития теневой экономики также являются высокие издержки соблюдения законов. Но здесь первопричиной является не сам «плохой закон» или отсутствие «хорошего», а практика применения законов, т.е. коррупция (Frye, Shieifer, 1997). А. Портес считает, что чем больше разрабатывается и вводится новых правил, регулирующих неформальный сектор, тем больше создается благоприятных условий для возникновения неформальных видов деятельности («парадокс государственного контроля»). То же касается и системы контроля: чем более надежен аппарат контроля за соблюдением правил, тем более «велика вероятность, что этот аппарат не сможет зафиксировать истинные масштабы» неформальной экономики, и, соответственно, тем более неадекватной в отношении нее будет государственная политика (Портес, 2003. С. 43–47). Наиболее подробный анализ и эмпирическая проверка различных версий существования неформальной экономики приведена С.Ю. Барсуковой. Она убедительно доказывает, что ни одна из распространенных версий существования неформальной экономики как в развивающихся, так и в развитых странах не может претендовать на универсальное объяснение: причины развития неформальной экономики всегда специфичны, сильно зависимы от контекста и «предыстории» (Барсукова, 2000).

Особое место занимает концепция «моральной экономики», подразумевающая под неформальной экономикой определенную логику действий агентов, включенных в хозяйственную деятельность. Согласно этой концепции, экономическое поведение структурируется и регулируется системой ценностей и норм, которые, как правило, не имеют формального закрепления. С другой стороны, экономические институты также влияют на интересы, приоритеты, нравственные нормы и поведение индивидов. Любое экономическое действие в этом смысле должно быть морально оправдано, т.е. не вступать в противоречие с существующими нормами этики и морали, а потому не всегда кажется рациональным (см., например: (Anderson, 1993. Preface; Booth, 1994)). Действительно, можно ли считать рациональным действия тех, кто занимает «криминальную» нишу, «черные» рынки (соотносят ли такие экономические агенты риски и получаемые выгоды)? Или можно ли объяснить только стремлением к рациональности рождение и воспитание детей и «вложения» в помощь стареющим родителям?

Дж. Скотт «моральной экономикой» называет этику выживания, «укорененную в экономических практиках и социальных обменах крестьянского общества». Моральный принцип такой экономики – право на выживание, нарушая которое, помещик не может предъявить претензии на прибавочный продукт в полном объеме, утрачивает дальнейшее «почтительное отношение к себе» со стороны своих крестьян. Идея справедливости (и законности требований и обязательств), таким образом, обеспечивается нормой взаимности. «Центральная характеристика реакции крестьянина на нарушение его прав носит моральный характер», поскольку в случае нарушения права на выживание под угрозой будет находиться не один индивид, а вся семья (Скотт, 1999. С. 541–544).

Чаще всего, концепт моральной экономики используют при объяснении каких-то неформальных и полуправовых практик, например, экономике домохозяйств, крестьянских общин или коррупции. В.Г. Виноградский считает семейную экономику центральной в неформальной. Он указывает на особую социальную укорененность неформальной экономики, на то, что здесь часто не работают законы рынка, принципы рациональности и эквивалентности, ее особенности тесно связаны с конкретным социально-пространственным контекстом (Виноградский, 1999а, С. 173–175). «Контур производства» неформальной крестьянской экономики совпадает с особенностями среды, а сама она состоит из системы усилий, направленных на поддержание микросообщества (Виноградский, 1999b, С. 47–48). Г.А. Родионова указывает на мотивы хозяйственной деятельности современных сельскохозяйственных предприятий в России, которые не ограничиваются стремлением максимизировать прибыль. Такие предприятия часто ориентированы на поддержку социальной инфраструктуры села, что сопряжено с немалыми расходами, даже убытками. Сформировалась некая жизненная стратегия сельской семьи – «сохрани себя сам». В результате таких процессов часть доходов сельскохозяйственных предприятий не отражается в отчетности, а распределяется в личные подсобные хозяйства (Родионова, 1999, С. 219–226). В.В. Вагин считает, что включение человека в неформальную экономику не всегда происходит потому, что он сознательно к этому стремится. Это часто происходит «в силу жизненных обстоятельств, цивилизационных особенностей, «места проживания». Неформальные практики возникают по нескольким причинам: невозможности регулирования каких-то отношений, отсутствия государственного вмешательства, чрезмерного регулирования, «ошибочного» регулирования (с точки зрения сообщества) (Вагин, 1999, С. 156–172).

Однако изучение «маргинальных экономик» не является единственным фокусом подобных исследований. Объектами исследований становятся не только семьи и домохозяйства или отдельные фирмы, но и рынки, целые государства, международные бизнесы. С другой стороны, развивается и другой подход – исследование и объяснение каких-то конкретных практик (например, работа на дому, страхование и прочее) (см. например: (Zelizer, 1983). Общим является то, что данный подход акцентирует внимание на изучении логики и механизмов неформальной экономики (того, что остается за пределами формальных правил), ее моральных принципах и оправданиях. Именно поэтому нам он кажется наиболее продуктивным для объяснения незаконных практик, т. е. тех, которые прямо противоречат закону. Кроме того, такой подход позволяет определить и «моральные оправдания» включенных в практики акторов, другими словами, найти моральное оправдание нарушению закона (формального правила).

Незаконная добыча золота: неформальность формальных правил

Непромышленная добыча золота была запрещена в 1954 году (Рыжова, 2011, С. 316). Кроме вольного приноса Уголовным кодексом РФ запрещены также хранение, перевозка и пересылка драгметаллов (УК РФ. Ред. от 07.12.2011. Ст. 191, 192). Вся деятельность по добыче золота жестко регламентирована и жестко контролируется со стороны различных структур, а добыча золота возможно только при наличии лицензии, которую нужно приобретать на аукционе (либо необходимо заключить договор с предприятием, имеющим такую лицензию). В декабре 2011 г. были внесены поправки в указанную статью, которые установили уголовную ответственность за сделки с драгметаллами в крупном размере (более 250 тыс. руб.), а ответственность за более мелкие суммы стали регулироваться Административным кодексом. Однако это не означало послаблений для «хищников», а лишь внесло разнообразия в виды наказаний. Кроме того, «черных копателей» привлекают и по другим статьям УК РФ, связанных с незаконным предпринимательством и нормами сдачи драгметаллов государству.

Законопроект о легализации вольного приноса золота обсуждается уже достаточно долго (см., например: (ОАО «Иргиредмет», 2009)). Ожидаемые преимущества от принятия закона связывают с сокращением теневого оборота драгметаллов и ростом легального, увеличением возможностей для развития мелкого и среднего бизнеса, повышением благосостояния населения и даже с сокращением нелегальной миграции (Кавчик, 2007). Однако вольный принос так и не разрешили, а существующие законы можно соблюдать только при разработке крупных месторождений, в противном случае затраты на соблюдение инструкций и других законодательных норм делают добычу нерентабельной.

Запрет на непромышленную добычу золота объясняют «уничтожением частной инициативы» старателей, поскольку их деятельность противоречила официальной идеологии Союза (ОАО «Иргиредмет». 2006). Дальнейшее развитие законодательства все больше усложняло жизнь ста-

рателям, но именно с запрета начинается развитие незаконной добычи. Почему же не разрешить вольный принос сейчас, спустя более 20 лет после распада СССР? Ответ на этот вопрос может быть таким:

«Проект закона лежит в думе уже несколько лет, но чтобы вот это вот продвинуть, там нужно менять вплоть и... в общем, там и законодательство об обороте драгметаллов, т.е. там много чего надо менять, вносить изменения. Видимо, просто, это не настолько важно, это, прежде всего, забота о людях обычных» (*Чиновник надзорной службы, 2013*).

Таким образом, непромышленная добыча золота запрещены уже более 50 лет, причем контроль ведется по всей цепочке: от добычи до сделок с золотом, что препятствует деформализации правил (нет «необходимого» институционального вакуума). Как формальная норма, запрет был введен в противодействие негативной с точки зрения государства практике, потому для укоренения требовалось время и социальное неодобрение. Дальнейшее усложнение правил и усиление контроля сыграли свою роль. Именно поэтому мы долгое время слышали о том, что незаконной добычи почти нет. Информанты связывают это именно с неформальными нормами и традициями.

Рассмотрим теперь эмпирические кейсы, которые противоречат укорененной норме добывать золото только легально, и попытаемся ответить на поставленные в начале статьи вопросы.

Эмпирические кейсы: общее и частное

Принято считать, что рост незаконного оборота золота пришелся на 90-е годы прошлого века как реакция на неплатежи государства, что позволило многим предприятиям остаться в отрасли (*Кавчик, Кавчик, 2010*). К этому же периоду мы относим и рост незаконной добычи золота в одном из поселений. В советское время это был один из крупнейших приисков, который был создан в 1939 г. Население села в 1940-е гг. доходило до 20 тыс. человек. В 1990-е прииск обанкротился, сейчас в селе проживает меньше 2 тыс. человек, население, в основном, работает вахтовым методом на крупнейшем золотодобывающем предприятии области и на строительстве федеральной автотрассы, высок процент безработных.

Поселок в Магаданской области стал центром горного управления в 1938 г., а в 1964 рабочий поселок был преобразован в город районного подчинения. Золото там всегда добывали преимущественно старательским способом, а население также увеличивалось, достигнув 18 тысяч в 1991 г. Потом начался отток населения, который связывают с программой по переселению населения из районов Крайнего Севера. Сейчас численность населения менее 6 тысяч, большая часть которого занята в золотодобыче на двух крупных предприятиях. Золото также добывают и небольшие артели старателей, организованные в формах закрытых и открытых акционерных обществ. То есть и в том, и в другом случае, поселения образовались в местах крупнейших месторождений россыпного золота и золотодобыча долгое время была основным источником дохода. Кроме этого, вблизи поселений осталось много отработанных площадей, где с советских времен осталось золото, которое достаточно просто добыть «дедовским» способом.

С оттоком населения связан и упадок социальной сферы и доступности общественных благ, в частности, транспорта. Оба поселения находятся в труднодоступной территории, добраться туда можно на самолете 2–3 раза в неделю, а также наземным транспортом. Дороги плохопроходимы, в летнее время в Амурской области также наблюдаются разливы рек, в результате чего невозможно переправа, а ожидание может затянуться на недели и даже месяцы. Это, кроме всего прочего, усложняет и контроль для различных надзорных служб.

Еще одна особенность – почти полная непригодность земель для сельского хозяйства. Поселение в Магаданской области построено на вечной мерзлоте, а амурское село находится в северных районах области, где земли также малопригодны для выращивания сельхозкультур. Кроме того, даже то, что удастся вырастить, сложно реализовать, поскольку рынки сбыта плохо доступны из-за транспортной составляющей. В целом же, урожаи нестабильны, что сокращает возможности домохозяйств в самообеспечении.

На наш взгляд, именно эти факторы стали «благоприятными» для распространения практик незаконной добычи золота в этих поселениях. Конечно, нельзя с точностью оценить, сколько людей занято таким промыслом, как нельзя ничего и сказать о том, какой объем золота добывается незаконно. Однако есть некоторые факты, которые свидетельствуют в пользу того, что незаконная добыча золота достаточно распространена. Так, например, интересны наблюдения студентов-геологов, проходивших практику в районе одного из поселений:

«Местные» очень отзывчивы и любопытны, хорошо осведомлены о различных минеральных породах, разбираются в геологической технике. Конечно, у них на лбу не написано, что они моют золото, но это и так понятно. Нам, например, один рыбак-охотник задавал всякие вопросы по поводу того, что и где мы нашли. А еще очень много «нор» на старых отработках, понятно, что там вручную рыли» (*Студент-геолог, 2013*).

Для студентов факт, что местные «моют» золото, был само собой разумеющимся, о чем, однако, никто не говорил вслух (*«Нельзя же жить в деревни и на джипе ездить!»*). Они отмечали, например, большое количество автомобилей, на который просто катались местные школьники и студенты. При этом бензин там стоит достаточно дорого, но это не являлось для них проблемой. Что касается поселения в Магаданской области, то здесь «местные» более открыты в этом вопросе:

«И всегда среди колымчан находились люди, которым претил государственный способ золотодобычи. Они или создавали мелкие звенья, или в одиночку уходили подальше от глаз милицейских, в тайгу, их распространено называют «хищниками». Таких людей в С. довольно много, даже те, кто работают на золотодобывающих предприятиях, так или иначе «хищничают» (*Местный житель, 2012*).

Жители амурского села плохо осведомлены о нормах, и потому разрешение, которое они получают от действующей там артели, они трактуют по-своему. Заключенный договор дает право на добычу золота только в районе лицензии, однако это требование никогда не соблюдается. Добычу ведут там, где считают нужным, а золото потом сдается в кассу артели. В 2012 г. все же была проверка, которая выявила это нарушение, за что артель была оштрафована на крупную сумму, но это не почти не изменило ситуацию. Таким образом, несмотря на то, что многие получают такое разрешение от артели, они остаются нарушителями, «хищниками». Кроме того, распространено мнение, что сама артель практически не ведет добычи золота, фактически работая только как золотоприемная касса, принимая золото не только от тех, кому выдала разрешение или заключила договор, но и даже у тех, кто такового не имеет.

В магаданском поселении добычу также ведут небольшими группами («звеньями») или самостоятельно. И в том, и в другом случае участок для добычи выделяет ГОК, а золото сдается в его кассу. Однако здесь право выбора участка ограничено: можно предложить желаемое место для разработки, но сотрудники ГОКа выделяют участок сами. Часто это самые малопригодные места, которые уже не представляют коммерческого интереса. ГОК устанавливает определенный план добычи и оплачивает технику и ГСМ для «звеньев», что после окончания сезона вычитается из прибыли. Ситуация такова, что выгодно сдавать столько, сколько установлено планом: в случае не выполнения прибыль будет небольшой, если же план перевыполняется, то ГОК может просто расторгнуть договор и отобрать «золотоносный» участок. При этом цена на золото в 2 раза ниже рыночной.

Низкую цену на золото устанавливает и артель в амурском селе – примерно 40% от реальной стоимости. Поэтому существуют альтернативные способы продажи золота. В Магаданской области – это этнически маркированная сеть или «Ингушзолото». Полукриминальная структура появилась в еще в 1980-х и действовала не только там, занимаясь скупкой золота и продажей наркотиков. В Амурской области она не закрепилась, хотя ингуши стали возвращаться:

«Ингуши были и у нас в 80-е, в 90-е. Продавали водку, наркотики. Молодежь с работы к ним шла, они им – выпить, покурить. Загоняли в долги, потом они должны были как-то расплачиваться. Воровали золото с прииска, с прибора или ночью могли залезть. Потом этого не стало. Одно время даже какой-то муниципалитет запрещал им селиться у себя, не только ингушам, кстати» (*Главный геолог, 2013*).

В магаданском поселении ингушей также стало меньше, молодое поколение теперь работает в такси или техперсоналом, но большая часть все же занята скупкой золота:

«Они, как и прежде, занимаются скупкой золота и распространением наркотиков, но сейчас это стало более цивилизовано. Люди охотно сбывают им драгметалл. Так как, в отличие от ГОКа, нет необходимости объяснять им источники добычи, да и цену они устанавливают более приемлемую» (*Местный житель, 2013*).

В амурском селе золото также скупают перекупщики. Есть и другие способы продать золото, но они более опасны. Поэтому подобные структуры востребованы у местного населения, при этом можно даже не связываться с ними напрямую, а продать золото через «своего человека», получив больше прибыли, чем в случае сдачи металла ГОКу или артели.

Таким образом, можно увидеть много общего в механизмах и практиках «хищников», а также общие факторы, которые способствовали их распространению. В последней части статьи мы попытаемся ответить на вопрос – почему здесь не сработало социально укорененное правило?

Моральная экономика – экономика выживания

То, что нам удалось выявить в этих поселениях, достаточно хорошо может быть объяснено концептом «моральной экономики выживания». В нашем случае, конечно, речь не идет о помещике или владельце, речь идет о соблюдении нормы, установленной государством. В 1990-е государство устранилось из жизни этих людей, возможностей для самообеспечения при этом практически не было, а территориальная удаленность еще более усугубила положение. Те, кто смог, покинули поселения, остальные были вынуждены выживать. Потому и нарушения закона здесь *морально оправдано*: государству нет до нас дела, потому нам нет дела до государства и его законов. Нет дела, потому что не принят закон о вольном приносе, который, кстати, был инициирован Магаданской областной думой. Концепт «моральной экономики выживания» также работает и в случае взаимоотношений с ГОКом. ГОК устанавливает правила, которые трудно выполнимы, их соблюдение ставит возможность заработать под сомнение, а значит, ставит под сомнение и благосостояние семей старателей. Именно поэтому «обманывать» ГОК также морально оправдано:

«Создается впечатление, что ГОК и прокуратура закрывают глаза на происходящее, так как, по меньшей мере, удивительно, что они не замечают данный процесс, который виден даже не посвященному человеку. И если ингуши дают возможность нам зарабатывать неплохие деньги, то местные власти, почему-то, доводят нас, намеренно или нет, сказать сложно, до состояния безысходности, когда человек, соответственно, выбирает из двух зол – меньшее, в нашем случае – временное заключение или текущее благосостояние. Вот так и получается, что при всем своём богатстве, сегодня мы живем в постоянной борьбе за выживание в условиях полного отсутствия интереса со стороны государства» (*Местный житель, 2012*).

Здесь также действует та самая стратегия выживания сельской семьи, о которой писала Г.А. Родионова, – «сохрани себя сам». Так, например, это необходимо не только для того, чтобы просто обеспечить выживание, но и чтобы заработать на обучение детей в вузе.

Легальные правила работают на крупных добытчиков, соблюдение всех норм для мелких старателей делает добычу экономически нецелесообразной. К тому же, существующие легальные возможности также более рискованны с точки зрения благосостояния семьи, ведь ГОК или артель перекладывают часть своих расходов на старателей. Потому в незаконный оборот золота старатели чаще включаются вынуждено (см. об этом работы В. Вагина (*Вагин, 1999*)). «Существующие законы», с другой стороны, представляют собой неформальные правила, структурирующие и регулирующие деятельность «хищников». Важно и то, что стать частью этого не так просто. Местное сообщество не сразу и не всех допускает в это поле, поскольку здесь требуется определенный уровень доверия. Потому, например, и «страдают новички», не знающие неформальных правил игры.

Мы показали, что формальный запрет на добычу и продажу золота без лицензии подкреплен неформальной социально укорененной нормой. Мы также показали, что, несмотря на это, есть поселения, где незаконные практики добычи и оборота золота широко распространены и в них вовлечена большая часть населения. Мы выявили возможные причины распространенности таких практик и описали логику действий «хищников». Исследование показало, что их деятельность морально оправдана необходимостью выживания семей и обеспечения их благосостояния, здесь работает стратегия – «сохрани себя сам». Неформальные правила такой экономики тесно переплетены с формальными, но неформальные, по понятным причинам, доминируют. Моральное оправдание, таким образом, оказалось сильнее и формальных, и неформальных норм о незаконной добыче и сформировало новые неформальные «правила игры», а незаконные добыча и продажа золота стали социально одобряемой нормой местных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

Аузан А. (2011). Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М.

Барсукова С.Ю. (2000). Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // *Экономическая социология*, т. 1, № 1, С. 13–24.

- Вагин В. (1999). Неформальная экономика и «совокупное жилье» горожан России / В кн. Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, С. 156–172.
- Виноградский В. (1999а). Природные и социальные контексты неформальной экономики крестьянской России / В кн. Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, С. 173–182.
- Виноградский В. (1999b). «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // *Социологический журнал*, № 3/4, С. 36–48.
- Володин К.С. (2008). Теоретические подходы к институциональному анализу трансформационных процессов в сельском хозяйстве переходного периода // *Вестник Томского государственного университета*, № 312, С. 131–134.
- Глинкина С.П. (2001). Теневая экономика в глобализирующемся мире // *Проблемы прогнозирования*, № 4, С. 64–73.
- Де Сото Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy.
- Кавчик Б.К. (2007). Вольноприносительство: «за» и «против» // *Золотодобыча*, № 100. Доступно на: <http://zolotodb.ru>.
- Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б. (2010). Проблемы существования незаконной добычи и оборота золота в России и пути их решения. Доклад на конференции 11.05.2010. Доступно на: <http://zolotodb.ru>.
- Латов Ю.В., Ковалев С.Н. (2006). Теневая экономика. М.: Норма.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- ОАО «Иргиредмет» (2006). Новое – это хорошо забытое старое (из приказа по Главзолото) // *Золотодобыча*, № 85. Доступно на: <http://zolotodb.ru>.
- ОАО «Иргиредмет» (2009). Прошло 1607 дней с тех пор, как бывший Президент России Дмитрий Медведев поручил правительству РФ проанализировать возможность разрешить золотодобычу физическим лицам с учетом борьбы с безработицей в стране // *Золотодобыча*, № 124. Доступно на: <http://zolotodb.ru>.
- Олейник А.Н. (2002). Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М.
- Портес А. (2003). Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология*, т. 4, № 5, С. 34–53.
- Радаев В. (1999). Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики / В кн. Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, С. 35–60.
- Родионова Г. (1999). Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: симбиоз функций и величин. / В кн. Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, С. 219–226.
- Рыжова Н.П. (2011). Кустарная золотодобыча в России и в Китае // *Известия Алтайского государственного университета*, № 2–1(70), С. 313–318.
- Скотт Дж. (1999). Моральная экономика деревни / В кн. Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, С. 541–544.
- Уголовный кодекс Российской Федерации. № 63-ФЗ от 13 июня 1996 года (ред. от 07.12.2011) // Доступно на: www.consultant.ru.
- Шанин Т. (1999). Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России / В кн. Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, С. 11–32.
- Эверс Х.-Д. (2001). Теневая экономика, нетоварное производство и неформальный сектор: экономическое действие по ту сторону рынка и государства // *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. IV, № 4, С. 135–149.
- Anderson E. (1993). *Value in Ethics and Economics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Booth W.J. (1994). On the Idea of the Moral Economy // *American Political Science Review*, vol. 88, pp. 653–667.
- Frye T., Shieffer A. (1997). The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *American Economic Review*, vol. 87, no. 2, pp. 354–358.
- Williamson O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*, vol. XXXVIII, pp. 595–613.
- Zelizer V. (1983) *Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States*. New Brunswick, N.J.: Transaction Books.

REFERENCES

- Auzan A. (2011). Institutional Economics: A New Institutional Economic Theory. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russian.)
- Barsukova S.Y. (2000). The informal economy: the causes of global experience in the mirror. *Economic Sociology*, vol. 1, no. 1, pp. 13–24. (In Russian.)
- De Soto E. (1995). A different way. Invisible Revolution in the Third World. Moscow: Catallaxy. (In Russian.)
- Evers H.-D. (2001). The shadow economy, subsistence production and the informal sector: the economic effects on the other side of the market and the state. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. IV, no. 4, pp. 135–149. (In Russian.)
- Glinkina S.P. (2001). The shadow economy in a globalized world. *Problems of Forecasting*, no. 4, pp. 64–73. (In Russian.)
- JSC «Irgiredmet» (2006). The new is the well-forgotten old (of the order under Glavzoloto). *Gold-mining*, no. 85. Available at: <http://zolotodb.ru>. (In Russian.)
- JSC «Irgiredmet» (2009). 1607 days past since the former Russian President Dmitry Medvedev has ordered the Russian government to analyze the possibility of private gold-mining in view of the necessity of unemployment reduction in the Russian Federation. *Gold-mining*, no. 124. Available at: <http://zolotodb.ru>. (In Russian.)
- Kavchik B.K. (2007). Free offering of gold: «pros» and «cons». *Gold-mining*, no. 100. Available at: <http://zolotodb.ru>. (In Russian.)
- Kavchik B.K. and Kavchik R.B. (2010). The problem of the existence of illegal mining and sales of gold in Russia and their solutions. Report of the Conference on 11.05.2010. Available at: <http://zolotodb.ru>. (In Russian.)
- Latov Y.V. and Kovalev S.N. (2006). The shadow economy. Moscow: Norma Publ. (In Russian.)
- North D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Nachala Publ. (In Russian.)
- Oleinik A.N. (2002). Institutional Economics. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russian.)
- Portes A. (2003). The informal economy and its paradoxes. *Economic Sociology*, vol. 4, no. 5, pp. 34–53. (In Russian.)
- Radaev V. (1999). Informal housekeeper and extra- relations in the Russian business. Approaches to the study of the informal economy / In Shain T. (ed.) The informal economy. Russia and the world. Moscow: Logos, pp. 35–60. (In Russian.)
- Rodionova G. (1999). The modern agricultural enterprise and survival strategies of rural communities: the symbiosis of functions and variables / In Shain T. (ed.) The informal economy. Russia and the world. Moscow: Logos, pp. 219–226. (In Russian.)
- Ryzhova N.P. (2011). Artisanal gold mining in Russia and China. *The News of Altai State University*, no. 2–1 (70), pp. 313–318. (In Russian.)
- Scott J. (1999). The moral economy of the peasant / In Shain T. (ed.) The informal economy. Russia and the world. Moscow: Logos, pp. 541–544. (In Russian.)
- Shain T. (1999). Expolar structure and the informal economy of modern Russia / In Shain T. (ed.) The informal economy. Russia and the world. Moscow: Logos, pp. 11–32. (In Russian.)
- The Criminal Code of the Russian Federation*. No. 63–FZ of June 13, 1996 (as amended on 07.12.2011). Available at: www.consultant.ru. (In Russian.)
- Vagin V. (1999). The informal economy and the «joint housing» of Russian citizens / In Shain T. (ed.) The informal economy. Russia and the world. Moscow: Logos, pp. 156–172. (In Russian.)
- Vinogradsky V. (1999a). Natural and social contexts of the informal economy the peasant Russia / In Shain T. (ed.) The informal economy. Russia and the world, Moscow: Logos, pp. 173–182. (In Russian.)
- Vinogradsky V. (1999b). «Instruments of the weak»: the informal economy of the peasant households. *Journal of Sociology*, no. 3/4, pp. 36–48. (In Russian.)
- Volodin K.S. (2008). Theoretical approaches to the analysis of institutional transformation processes in agriculture in transition. *Tomsk State University Bulletin*, no. 312, pp. 131–134. (In Russian.)
- Anderson E. (1993). Value in Ethics and Economics. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Booth W.J. (1994). On the Idea of the Moral Economy. *American Political Science Review*, vol. 88, pp. 653–667.

Frye T. and Shieifer A. (1997). The Invisible Hand and the Grabbing Hand. American Economic Review, vol. 87, no. 2, pp. 354–358.

Williamson O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. Journal of Economic Literature, vol. XXXVIII, pp. 595–613.

Zelizer V. (1983) Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States. New Brunswick, N.J.: Transaction Books.

КОНКУРЕНЦИЯ: ЕЕ ПРИРОДА, ПОСТОЯНСТВО И БЛАГОТВОРНОСТЬ¹

Р.Т. ЭЛИ,

Пер. с англ. Кривошеевой-Медянцевой Д.Д.
Научный редактор перевода – А.А. Оганесян

В многочисленных высказываниях на тему конкуренции, которые содержатся в популярной экономической литературе, наблюдается странный контраст. В приведенной ниже цитате убедительно выражена точка зрения, враждебная по отношению к конкуренции, которая может рассматриваться как мнение, типичное для целого класса искренних, преисполненных энтузиазма чемпионов социальных реформ:

«Конкуренция есть не закон, а беззаконие. Доведенная до своего логического результата, конкуренция представляет собой анархию, или отсутствие закона. Человек – существо моральное, духовное и социальное, а не руководствующееся звериными законами. Гармоничное общество, как таковое, не может существовать, если в нем присутствуют элементы конкуренции, – невозможно и существование христианства. Каждый человек обязан своей жизнью миру, и должен жить, чтобы дарить ее. В условиях конкуренции выживает не личность, а коварство. Культ успеха есть великое безумие современного материализма, поглощающее лучшие умы, мысли и жизнь нации; мы скармливаем наших детей этому Молоху успеха, а в результате – деформируем интеллект и воспитываем моральных идиотов.

Мы движемся к более высокой ступени эволюции, на которой закон служения друг другу станет законом жизни. Любая попытка построить общество на конкурентной основе изначально анархична. Идея братства утвердилась крепко и не умрет по приказанию политиков, монополистов или теологов. Все прошедшие годы были лишь священной попыткой объединить людей ради совершенствования человечества. Демократия же должна способствовать преобразованию мирового устройства» (*Herron, 1896*).

Теперь позвольте нам противопоставить этому высказыванию вполне ясную точку зрения, в той же мере благоволящую конкуренции, в которой только что приведенные слова были неодобрительными к этому проявлению социальной силы в нашей экономической жизни:

«Конкуренция была гигантским мотором, побуждавшим практически каждого на протяжении девятнадцати веков христианской цивилизации использовать свои умственные и физические силы, чтобы двигаться вперед. Конкуренция стимулировала величайшие успехи человечества, которые обеспечили подъем нашей нации до уровня, при котором образ жизни простых рабочих более комфортен и желаем, нежели каждодневное бытие королей, о которых пел Гомер» (*Michaelis, 1890. Pp. v, 85*).

И вновь слушаем эти энергичные речи, порицающие конкуренцию, написанные каких-то пятьдесят лет назад прославленным лидером христианского социализма в Англии:

«Сладостная конкуренция! Слуга Божья! ... Прославляемая сейчас в одинаковой степени и газетчиками и философами как основа всего общества... единственная спасительница Земли! Почему бы и не Небес! Возможно, существует конкуренция среди архангелов, – положим, Гавриил и Рафаил достигли своих высот, выкладываясь по максимуму на поприще богослужения, располагая минимумом благодати божьей. Когда-нибудь мы это узнаем. В то же время, «это плоды Твоего труда, Ты прародитель всякого блага!» Человек, поедающий человека, человек, съеденный человеком, в той или иной степени, тем или иным способом! Почему бы некоторым энергично настроенным политэкономам не написать эпическую поэму на тему «Освящение каннибализма»? (*Kingsley, 1850. Vol. i. Pp. 82–83*).

¹ *Ely R.T. (1901). Competition: Its Nature, Its Permanency, and Its Beneficence // American Economic Association, 3rd series, vol. 2, no. 1, pp. 55–70. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2485803>.*

С другой стороны, прислушаемся к словам бескомпромиссного американца, чья смелость в порицании несправедного в высших сферах несомненна:

«Конкуренция в экономике не есть так называемая конкуренция великих центров, когда одни стремятся прижать к стенке других; это соперничество, которое оставляет каждому возможность полностью распоряжаться той производительной силой, которая наилучшим образом будет объединять его труд с трудом других. Конкуренция точно так же не является прегрешением, как не является кражей. Это согласованное взаимодействие людей в ходе тех производственных процессов, которые порождают наибольшее скопление богатства. Это не способ сбить людей с ног, это способ поставить их на ноги» (*Bascom, 1896*).

Ряд таких цитат – в защиту как одной, так и другой точки зрения – можно продолжать бесконечно. Мы выяснили, что, с одной стороны, конкуренция воспринимается как греховная борьба – «отделение, развал по принципу «каждый сам за себя» и «брат на брата» (*Kingsley, 1850. P. 104*). С другой стороны, конкуренция – это взаимное услужение, альтруизм наивысшего качества, квинтэссенция золотого правила, воплощение принципа «возлюби ближнего своего» – другими словами, правильно понимаемая христианская любовь и есть конкуренция (*Atkinson, 1895*).

Несомненно, такие противоположные взгляды примирить невозможно. Однако серьезно задумавшись над этой ситуацией, мы вынуждены задаться вопросом: как это возможно, что люди несомненно компетентные, однозначно искренние, думающие о судьбах человечества, выражают относительно конкуренции – краеугольного камня нашего экономического порядка – диаметрально противоположные точки зрения, – от искренней ненависти до пылкого восхищения ею как источником богатства всех достойных детей человечества? Может быть, в конце концов, спорщики говорят отчасти о разных вещах, и, все, что им в первую очередь требуется, – это определение?

Что именно мы имеем в виду, обсуждая конкуренцию? В широком смысле, конкуренция представляет собой борьбу конфликтующих интересов. Если открыть наши словари и почитать определения, которые там приведены, в каждом из них мы найдем что-либо подобное: «деятельность, направленная на поиск чего-то, или стремление достичь чего-то, что в то же самое время пытается достичь другой; всеобщее соперничество или борьба за один и тот же объект; стремление к превосходству; соперничество» (*The Century Dictionary, 1891*).

Профессор Гайд использует приводимые ниже слова с тем, чтобы объяснить нам, что он понимает под конкуренцией в широком смысле: «Когда каждый индивид в стране волен предпринимать те действия, которые он считает наиболее выгодными для себя, безотносительно того, идет ли речь о выборе сферы занятости или о распоряжении своими товарами, тогда мы живем при режиме конкуренции» (*Gide, 1892. P. 64*).

Однако для наших целей данным определениям недостает точности. Верно, что экономическая конкуренция представляет собой борьбу противоположных интересов за ценности, под которыми в широком смысле понимается богатство. Но всякая ли борьба за богатство является конкуренцией? Если я ударю Вас мешком по голове и ограблю, это можно назвать конкуренцией? А если – снаряжу вооруженный корабль и стану паразитировать на мировой торговле, это будет конкуренция? А если солгу Вам – мошенничество и обман являются частью процесса конкуренции? Ответ напрашивается сам собой: «Нет, сейчас вы говорите о преступлениях и противоправных действиях».

Но если не всякая борьба противоположных интересов может быть названа конкурентной, сразу становится понятно, что конкуренция – это борьба при определенных ограничениях. Я полагаю, мы должны сказать о том, что конкурентная борьба ограничена конституционным и статутным правом. Это борьба, границы которой определяются наличествующим социальным порядком, в рамках которого мы живем и действуем, а также реализуем наши способности, добывая средства к существованию. Когда мы держим эту характеристику в уме, такую простую и очевидную, многочисленные сложности исчезают, словно туман перед рассветом. Когда речь идет о конкуренции, множество людей представляют себе диких зверей, раздирающих и терзающих друг друга в смертельной схватке за ограниченный запас еды. Но это лишь неполная и несовершенная картина борьбы за жизнь, – даже если речь идет о животных, – которая не может дать понимание состязательной конкуренции среди цивилизованных людей.

Однако даже восстановив в памяти ограничения, налагаемые социальным порядком на борьбу противоположных экономических интересов, мы все равно не получим удовлетворительной идеи экономической конкуренции. Необходимо добавить к нашей идее другие эле-

менты, с тем, чтобы сделать ее более приближенной к реальности. Также мы должны помнить о великом принципе эволюции, который действует повсюду, где существует жизнь. Ничто не может быть более антинаучным на данном этапе развития науки, чем пренебрежение принципами эволюции при исследовании конкуренции, столь фундаментального явления общественной жизни. Итак, как же принцип эволюции может помочь пролить свет на понятие о конкуренции?

Идея борьбы за выживание среди животных, стоящих на более низкой ступени развития, стала привычной для современной научной мысли, равно как и процессы естественного отбора, проявляющиеся в том, что выживают те, кто наилучшим образом приспособился к окружающей среде в конкретное время, в конкретном месте. Однако существуют и менее известные аспекты естественнонаучных методов. После появления эпохальной книги Дарвина «Происхождение видов», биологи, первым делом, вынесли оттуда идею трудной и жестокой борьбы за выживание. Картина благодатной природы Руссо была заменена представлениями о природе «с кровавыми клыками и добычей в когтях». Даже Хаксли говорит о мире животных, как о шоу на арене гладиаторов. «Существа, – говорит он, – достаточно хорошо готовятся к борьбе и беспощадно дерутся, посредством чего самый сильный, самый быстрый и самый коварный выживает, с тем чтобы на следующий день опять вступить в бой. Зрителю нет нужды поворачивать вниз большой палец, поскольку пощаде нет места» (*Huxley, 1888*). Но по прошествии некоторого времени тщательные научные наблюдения позволили выявить другие аспекты биологических процессов. Мистер Альфред Рассел Уоллес давно обратил внимание на сравнительно безболезненный характер борьбы среди животных и на то, как много счастья в их жизни. После исследования этических аспектов борьбы за выживание, он выразил точку зрения о том, что она позволяет «максимально продлевать жизнь, получать максимум удовольствия от жизни при минимальном уровне боли и страданий» (*Wallace, 1889. P. 40*). Рассматривая существование животных в целом, не принимая во внимание исключительные моменты, разве можем мы сделать какие-то другие выводы? Тем не менее более поздние исследователи шли дальше, обращая внимание, в первую очередь, на то, что борьба необходима не только для собственного выживания, но и для жизни других. Эти другие, в первую очередь, потомки, а потом уже – напарники и компаньоны. Опять-таки, внимание оказалось сфокусировано на сотрудничестве и взаимовыручке среди животных как части борьбы за выживание, и мы увидели, что кооперация и способность сотрудничать есть мощное оружие, даже в той конкурентной борьбе за выживание, в которой не участвуют люди².

Поспешим обратиться к той точке, где, в результате органической эволюции, возник человек. Среди примитивных людей, как кажется на первый взгляд, конкуренция принимала более жестокие формы, чем среди животных. Но если эволюция явно отступила на несколько шагов назад, то только для того, чтобы мощно и безостановочно продвинуться в качестве социальной эволюции, с тем чтобы достичь результатов, грандиозность которых мы хоть и слабо, но осознаем. Конкуренция, зародившись задолго до появления человека, на заре самой жизни, продолжает существовать как один из фундаментальнейших законов всего живого, но эволюция поднимает ее на новые, все более высокие уровни развития. Примитивная конкуренция предполагает узкий круг связей и, более того, жестокую битву за экономическое преимущество. Именно социальная эволюция способствует тому, что массовая бойня постепенно уходит на задний план, перемещаясь в сферу конкуренции в преступной среде. Когда люди считали недостойным для себя добиваться тяжким трудом того, что может быть получено с помощью меча, битва относилась к области экономической конкуренции; в индустриальную эпоху все изменилось. С давних пор и до недавнего времени, в рамках конкурентного социального порядка всегда было место для принуждения одних другими, иными словами, рабства. Но как итог социальной эволюции, которая длилась веками, рабство было вытеснено в результате развития конкуренции и расценивается как феномен, несовместимый с цивилизованным обществом. Пиратство, до относительно недавнего периода мировой истории, играло значительную роль в конкурентном процессе, поскольку с его помощью можно было достигнуть определенных экономических целей. Но и пиратство выпало из конкурентного социального порядка.

С начала века продолжительный рост уровня все набирающей влияние конкуренции не отставал от скорости социальной эволюции. Труд маленьких детей был объявлен вне закона, даже на труд

² См. серию статей, посвященную взаимопомощи: (*Kropotkin, 1890a; 1890b; 1891; 1892; 1894a; 1894b; 1896a; 1896b*).

взрослых людей были наложены ограничения: практика использования труда во вредных условиях и угнетения трудящихся в большинстве случаев прекратилась на фоне роста конкуренции. Нам нет нужды опять идти обратно, по уже пройденному пути. Бывший президент Американской экономической ассоциации, в одной из ранних своих публикаций (*Adams, 1887*), провозгласил, что одна из функций правительства должна заключаться в повышении этического уровня конкуренции. Он сам был впечатлен тем, какой эффект произвела его фраза. А эффект был таковым именно потому, что эта фраза наполнена скрытым смыслом; в ней – ключ к раскрытию тайны взаимодействия науки и общества.

Выше мы уже упоминали о факте сотрудничества между животными, направленного на взаимопомощь. Социальная эволюция среди людей демонстрирует развитие взаимосвязей наряду с развитием конкуренции. Неотъемлемой особенностью социальной эволюции, которая касается конкуренции, является увеличение размеров взаимосвязанных конкурентных групп. Здесь искушение злоупотребить вашим терпением велико, однако стоит воздержаться. Множество речей можно было бы полностью посвятить дискуссиям о формировании групп людей в рамках конкурентного социального порядка. Так, ранее мы выявили существование свободно сформированных добровольных групп работодателей, преследующих общие интересы, а также группы рабочих, также стремящихся продвигать общие интересы. Опять-таки, мы отметили функционирование постоянных организаций труда с одной стороны, и капитала – с другой. Затем мы обнаружили политические ассоциации, объединяющие бесконечное множество конкурентных групп; эти политические ассоциации, сами по себе обладая конкурентными признаками, из маленьких деревушек переросли в могущественные нации. Но конкуренция никогда не бывает сама по себе. С ней связаны сострадание, благотворительность и общественная власть. Более того, мудро управляемый гуманизм укрепляет группы, в то время как безжалостный эгоизм среди членов группы постепенно разрушает мощь группы в конкурентной борьбе. По мере роста конкурентной группы расширяется круг возможностей для проявления великодушия, а также пределы человеческого жалости, – и тем мягче может стать конкуренция для каждого отдельного индивида. Посмотрим, как развитие филантропии современных наций сопутствует росту их эффективности в конкурентной борьбе. Международная конкуренция – суровый факт нашего времени. Но в то же время, не является ли равноценным фактом то, что самые могущественные нации в этой великой драматичной мировой борьбе интересов – именно те, где мы наблюдаем наивысшую степень развития альтруизма – как на индивидуальном, так и на общественном уровне? Объединение и сотрудничество, целительное прикосновение, благожелательность, любовь – все это совместимо с конкуренцией.

Неоднократно высказывались опасения по поводу того, что гуманизм социальной эволюции способен привести к ослаблению и дегенерации общества, и мир в этом случае превратится в бескрайний лазарет по Гетте. Такие представления, я полагаю, не основываются на критическом анализе сил, находящихся на службе современного цивилизованного общества. Действительно, благотворительность, проявляющаяся в ходе общественного прогресса, может поддерживать в живых некоторых слабых индивидов, которые в более суровые времена просто погибли бы, – эти слабые индивиды могут участвовать в продолжении рода, в конечном счете оставляя после себя ослабленных потомков. Однако с присущей ей мягкостью цивилизация может ограничивать нездоровое воспроизводство, и, в целом, этот процесс происходит бесконечно. Душевнобольные люди помещаются в лечебницы, браки среди бедняков не поощряются; по отношению к криминальным классам тенденция идет к тому, чтобы производить аресты до того, как получено свидетельство, что этот общественный недуг излечен. Более того, посредством оздоровления и других мер, современное общество увеличивает силу и мощь тех, кому удалось выжить. Многочисленные сравнения цивилизованных людей с дикими, или цивилизованными не в полной мере, показали преимущество последних в физической силе. Однако, возможно, никогда в мировой истории не существовали мужчины и женщины, средний показатель экономической эффективности которых был бы таким высоким, как у людей, населяющих сегодня Германию, Англию и Соединенные Штаты Америки.

Конкуренция – это ведущий селективный процесс современного экономического общества, посредством которого выживают приспособленные. Но что понимать под «приспособленностью»? Сегодня мы все знаем, что это понятие имеет отношение просто к определенным обстоятельствам времени и места. Наглые и агрессивные пираты в течение какого-то времени выдерживали есте-

ственный отбор, но теперь, очевидно, их существование подошло к безвременному и постыдному концу. Современное общество осознанно и неосознанно устанавливает множество условий борьбы за выживание, и лишь общество может создать такие экономические условия, в которых только желаемые общественные качества будут задавать высокую планку «приспособленности», которая необходима, чтобы преодолеть естественный отбор. Возможно существование такого типа общества, где даже нищий попрошайка характеризуется такой приспособленностью, в то время как условия другого общества могут в гораздо меньшей степени благоприятствовать разрастанию паразитических классов.

Установленные обществом методы конкуренции и результаты, достигаемые за счет конкуренции, определяют тот тип человека, который сможет выжить в ходе нее. Позвольте это проиллюстрировать. В современном обществе государственная служба обеспечивает возможность существования значительному проценту населения. Конкуренция за поступление на государственную службу с целью обеспечить себе поддержку имеет место, когда мы говорим о системе распределения государственных должностей, где конкуренция напряженная и часто ожесточенная. Такое конкурентное соревнование требует выживания в нем людей с определенными качествами, хорошо нам всем известными. Реформа в государственных структурах не устраняет конкуренцию, а, напротив, способствует ей, но различие в методах продуцирует соответствующие различия в результатах. С одной стороны, разрастание конкуренции сокращает ожесточенность, поскольку ее принципы в наибольшей степени согласуются с нашими этическими требованиями равенства возможностей, и различия в испытаниях на успешность в конкурентной борьбе, в итоге, обеспечивают выживание людей с личными качествами другого рода, в отличие от тех, которые получили свои должности благодаря системе распределения, – качествами, о которых большинство из нас скажет, что они более высокого порядка.

Конкуренция во все возрастающей степени начинает означать стоящую борьбу, и истинный прогресс подразумевает, что успех будет и дальше обеспечиваться за счет следования все более высоким и достойным идеям.

Мистер Альфред Рассел Уоллес и профессор Лестер Ф. Уорд обратили внимание на превосходство отбора человеческого перед отбором природным. Профессор Уорд выразил следующую идею: «Экономика природы, по существу, заключается в функционировании закона конкуренции в самой чистой его форме. Преобладающая идея о том, что в естественном отборе выживает сильнейший, тем не менее, полностью ошибочна. Смысл конкуренции – в воспрепятствовании достижению максимального уровня развития для отдельных биологических форм и в обеспечении некоторого относительно низкого уровня для всех форм, которым удастся выживать. Это подтверждает тот факт, что везде, где конкуренция устраняется, например, в результате действий человека, который заинтересован в процветании определенного биологического вида, – этот вид начинает развиваться семимильными шагами и вскоре опережает те биологические формы, существование которых зависит от конкуренции. Такую ситуацию можно наблюдать на примере злаковых культур и фруктовых деревьев, а также – домашнего скота и овец, лошадей и собак, – словом, если речь идет обо всех формах жизни, которые человек подчинил закону разума, исключив тем самым из закона биологического. И аграрная, и скотоводческая ступени развития человеческого общества основываются на вполне успешном сопротивлении, оказанном рациональным человеком законам природы в указанных сферах. Таким образом, теперь нам следует добавить к потерям от конкуренции ее влияние, не дающее выживать действительно наиболее приспособленному» (*Ward, 1899. Pp. 257–258*).

Хотя, в целом, мы должны согласиться с профессором Уордом, я не думаю, что процесс, описанный им, можно называть подавлением конкуренции, скорее, подчинением конкурентного процесса человеческому разуму. Это означает образование некоторой среды и отбор животных и растений для выживания в условиях, которые заранее определены.

Если приведенные соображения обоснованы, мы охотно обратимся к результатам одного из испытаний, в рамках которого предполагается оценка предлагаемых мер по социальной амелиорации. Должные социальные меры должны укреплять как отдельных индивидов, так и их группы для участия в конкуренции. С другой стороны, критерий плохих условий – в том, что они ослабляют индивидов и группы в процессе конкурентной борьбы. Позвольте проиллюстрировать свои суждения.

В Нью-Йорке жилищная комиссия исследовала условия проживания беднейших классов городского населения. Доктор Эдвард Т. Дивайн, секретарь благотворительной общественной орга-

низации Нью-Йорка, засвидетельствовал перед комиссией следующее: «Нужда возникает преимущественно из-за перенаселенности, нехватки света и воздуха, и инфицированных стен, потолков и полов. Опыт агентов и посетителей общественной благотворительной организации подтвердил слова физиологов, относительно опасности возникновения эпидемии туберкулеза или других заболеваний. Шансы выздоровления сильно снижаются из-за низкого уровня жизнеспособности, что вызвано неблагоприятными материальными условиями, в которых люди вынуждены жить» (*Charities...*, 1900. P. 18). Здесь наше исследование обнаруживает чрезвычайно плохие конкурентные условия. Но, с другой стороны, доктор Дивайн говорит следующее: «Несмотря на то, что комиссия не может разрабатывать законы, которые прямо направлены на снижение арендной платы, ради всеобщего комфорта и улучшения тех условий, которые влияют на жизнь и здоровье, станет возможным предотвратить неоправданный рост арендных платежей» (*Charities...*, 1900. P. 19). В этом последнем предложении мы наблюдаем пример следования критериям желаемых мер социального реформирования.

Если наш анализ верен, отсюда ясно следует, что конкуренция является неотъемлемой чертой человеческого общества. Она берет начало в низших порядках животных и распространяет свое влияние на высшие порядки человеческого устройства. Конкуренция постоянно поднимается на все более высокие уровни, что означает соперничество и борьбу за нечто лучшее. Мы оставили позади борьбу за средства пропитания с тем, чтобы конкурировать за замечательные дары разума и возможности получения социальных услуг.

Таким образом, мы никак не можем позволить конкуренции прекратить свое существование. Количество различных сочетаний труда и капитала может бесконечно расти до тех пор, пока эти сочетания подразумевают объединение и кооперацию. Но даже если речь идет о монополии, конкуренция должна быть возвращена на прежнее место, или же, – там, где это невозможно, – результаты конкуренции должны охраняться иными методами социального контроля; и даже если применение методов социального контроля в некоторых случаях означает существование общественной собственности и управления в промышленной сфере, пространство для развития конкурентных принципов должно сохраниться хотя бы в отношении приема на государственную службу.

Именно поэтому важно принимать во внимание различия, которые часто упускаются из виду; а именно, – радикальное различие между распространением социалистической государственной политики, которая подразумевает подавление конкуренции, и консервативным спросом на государственную деятельность, направленную на сохранение конкуренции. Существуют определенные условия преуспевания в ходе конкуренции, причем, многие экономисты полагают, что они не могут быть созданы в индивидуальном порядке и должны устанавливаться только посредством коллективных действий.

Можно привести в качестве примера водоснабжение. Среди студентов, которые старательно изучают водоснабжение, бытует мнение, согласно которому законы о частной собственности, если они регулируют использование воды в целях водоснабжения, полностью губят конкуренцию; иными словами, создают монополию; именно поэтому в данной сфере, в качестве условия для стабильного существования здоровой конкуренции, необходимо серьезное государственное вмешательство. Следующий автор использует эти слова, и насколько я его понимаю, он просто выражает консенсус мнений среди экспертов данной области: «В подавляющем большинстве случаев, и на большей территории засушливых регионов потребуются проведение затратных работ, которые могут выполняться только государственным предприятием определенной формы. Дивиденды же от вложенных инвестиций мы должны искать не в толстых кошельках акционеров, а в приросте национального благосостояния, социальном прогрессе и достижении целей экономики» (*Smythe, 1900*). Если считать это утверждение верным, мы, те, кто верит в конкуренцию, должны требовать большего государственного вмешательства в проблемы водоснабжения, с тем чтобы оберегать условия существования конкуренции.

К сожалению, здесь и сейчас я могу только указать на две отчасти антагонистические линии эволюции. Одна из них стремится – без всякой надежды – достигнуть реального равенства возможностей в процессе экономической конкуренции. Это одно из самых мощных движений минувшего века, и это необходимо четко понимать каждому, кто будет исследовать великие исторические течения того века. Другая линия развития предполагает построение масштабных институтов, сдерживающих и ограничивающих конкуренцию, которые, тем не менее, являются основой нашей цивилизации – институты эти подобны банкам социальных сбережений нации или сокровищницам

её достижений. Говоря об этом, я имею в виду великие экономические и правовые институты общества, такие как частная собственность, наследование имущества и имущественные права. Нельзя допустить, чтобы прогрессивное стремление к равенству возможностей зашло настолько далеко, чтобы привести к подрыву этих институтов. В процессе взаимного приспособления этих двух направлений эволюции, а именно, – движения за равенство возможностей и движения институционального, – перед нами вырастает одна из самых сложных и, в то же время, чрезвычайно тонких задач двадцатого века.

Понимаемая таким образом конкуренция является благотворной, а конкурентный порядок, должным образом регулируемый обществом, позволяет человеку получать максимум удовольствия при минимуме страданий. Кроме того, данный порядок не только обеспечивает общественный прогресс нации: доля людей, получающих выгоды от участия в нем, постоянно растет. У нас нет свидетельств тому, что конкурентный порядок является ультрарациональным, но в то же время, еще меньше оснований считать его антирациональным, как утверждает мистер Кидд, ввиду того, что, по его мнению, порядок этот противоречит интересам огромного количества людей, которые, как он считает, спокойно подчиняются этому социальному порядку – под влиянием религии, принуждающей их поступать определенным образом. У религии другая функция, заключающаяся в том, чтобы поднимать конкуренцию на новый уровень и гармонично соединяться с ней в сострадании и любви, никоим образом не заменяя собой конкуренцию.

Конкуренция дает нам храбрую, сильную нацию, а храбрые и сильные люди милосердны.

Очень удачным является заключение о том, что биологическая эволюция создает человека, а социальная – идеального человека (*Le Conte, 1895*). Но экономическая конкуренция есть неотъемлемая черта этой самой социальной эволюции, благодаря которой получается идеальный человек, кроме того, конкуренция объединяет в себе и другие принципы. В психологическом отношении, это и альтер эго, «я» и «не-я» возникают одновременно; в экономическом отношении, они вовлечены во множество конфликтов, но сферы их интересов в борьбе за существование никогда не будут полностью антагонистическими. Эго – «я» – расширяет сферу своей индивидуальности; это углубление и расширение продолжается до тех пор, пока не будет достигнут христианский идеал человечества.

Но нарастающая борьба – это неотъемлемая часть процесса достижения идеалов; понимаемая должным образом, возведенная на соответствующий уровень, такая борьба в экономическом мире и представляет собой конкуренцию, означающую соперничество на службе собственных интересов и интересов других людей – соперничество в процессе становления идеального человека в идеальном обществе.

REFERENCES

- Adams H.C. (1887). The Relation of the State to Industrial Action. *Publications of the American Economic Association*, vol. I, no. 6, January, pp. 507–508.
- Atkinson E. (1895). Cooperative Competition. *The New World*, September.
- Bascom J. (1896). The Moral Discipline of Business. *The Kingdom*. Minneapolis.
- Century Dictionary (1891). New York: The Century Company.
- Charities: *The Official Organ of the Charity Organization Society of the City of New York*. (1900). December 1. New York: The Society.
- Gide Ch. (1892). Principles of Political Economy. Boston, D.C.: Heath and Company.
- Herron G.D. (attr. to) (1896). Cleveland Citizen. March 14.
- Huxley T.H. (1888). The Struggle for Existence in Human Society. *The Nineteenth Century*.
- Kingsley Ch. (1850). Cheap Clothes and Nasty / In Kingsley Ch. Alton Locke, vol. i, pp. 82–83.
- Kropotkin P. (1890a). Mutual Aid among Animals. *The Nineteenth Century*, September.
- Kropotkin P. (1890b). Mutual Aid among Animals. *The Nineteenth Century*, November.
- Kropotkin P. (1891). Mutual Aid among Savages. *The Nineteenth Century*, April.
- Kropotkin P. (1892). Mutual Aid among the Barbarians. *The Nineteenth Century*, January.
- Kropotkin P. (1894a). Mutual Aid in the Medieval City. *The Nineteenth Century*, August.
- Kropotkin P. (1894b). Mutual Aid in the Medieval City. *The Nineteenth Century*, September.
- Kropotkin P. (1896a). Mutual Aid amongst Modern Men. *The Nineteenth Century*, January.
- Kropotkin P. (1896b). Mutual Aid amongst Modern Men. *The Nineteenth Century*, June.
- Le Conte J. (1895). The Effect of the Theory of Evolution on Education. *Proceedings of the National Educational Association*.

- Michaelis R.* (1890). Looking Further Forward. Chicago: Rand, McNaly and Co.
- Smythe W.E.* (1900). The Struggle for Water in the West. *Athlantic Monthly*, no. 86, November.
- Wallace A.R.* (1889). Darwinism: An Exposition of the Theory of Natural Selection, with Some of Its Applications. Macmillan.
- Ward L.F.* (1899) Outlines of Sociology. London: The Macmillan & Co.

ОФОРМЛЕНИЕ НОБЕЛЕВСКОГО КОНЦЕРНА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М.Н. БАРЫШНИКОВ,

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: barmini@list.ru

В статье, на примере нобелевского концерна, рассматривается место семейно-родственных отношений в формировании и развитии организационных структур российского предпринимательства в начале XX в. Проведенный анализ не подтверждает тезис о том, что по мере распространения ассоциированных форм капитала значимость индивидуально-семейных норм ведения бизнеса снижается. Скорее следует говорить о видоизменении подобных норм в связи с появлением и развитием новых организационных основ, требовавших перераспределения прав и полномочий, прежде всего в сфере собственности и контроля. Показывается, что существовавший в России набор институциональных регуляторов (как формальных, так и неформальных) стимулировал, при соответствующей рыночной ситуации, развитие семейных предприятий и их последующую трансформацию в крупные корпорации.

Ключевые слова: российское предпринимательство; история предпринимательства; нобелевский концерн; фирмы; собственность; управление; ресурсы; институты.

CREATION OF NOBEL CONCERN IN RUSSIA
IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

M.N. BARYSHNIKOV,

Doctor of History (DSc), Professor,
Honored worker of science of the Russian Federation,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg,
e-mail: barmini@list.ru

The article, in the case of the Nobel concern, considers a place of family-related attitudes in formation and development of organizational structures of the Russian business in the beginning of XX century. The author's analysis does not confirm the thesis that in the process of distribution of the associated forms of the capital the importance of individual-family norms of business dealing is reduced. It is necessary to speak about modification of similar norms in connection with occurrence and development of the new organizational bases which demanded redistribution of the rights and powers, primarily in sphere of property and control. The author demonstrates that the set of institutional regulators (both formal and informal) existing in Russia stimulated, at a corresponding market situation, a development of family businesses and their subsequent transformation into a major corporation.

Keywords: entrepreneurship in Russia; history of entrepreneurship; Nobel concern; firm; ownership; management; resources; institutions.

JEL classification: N63, N83, B52.

Оформление нобелевского концерна в России в начале XX в. сопровождалось разработкой и использованием более сложных экономических, институциональных и организационных механизмов, создававших возможности для нахождения и поддержания баланса интересов в процессе реализации стратегических и оперативных планов развития крупнейшей в своей отрасли компании – Товарищества нефтяного производства братьев Нобель (учреждено в 1879 г.). В минимальном значении без намерения согласовать разнообразные интересы своих участников концерн (как и любая другая ассоциированная организация) не мог быть создан. Соответственно, результативность его операций зависела не только от того, в какой мере сохранялась общность ценностных ориентиров владельцев корпорации, но и от готовности и способности всех имевших отношение к нефтепромышленному делу сторон координировать свои индивидуальные или групповые предпочтения (в том числе за границами семейной, этнической или конфессиональной принадлежности) и тем самым способствовать реализации поставленных хозяйственных целей. В данном контексте можно говорить о специфической способности Нобелей интенсифицировать пространство деловых операций, совершенствуя или меняя организационные модели внутри- и межгруппового взаимодействия на фоне крайне сложной экономической и социально-политической ситуации в России в начале 1900-х гг.

Первое десятилетие XX в., ознаменовавшееся для отечественной промышленности глубоким кризисом и последующей депрессией, демонстрировало рост показателей практически по всем направлениям деятельности Товарищества братьев Нобель. Комплексное использование внутренних (резервные фонды) и внешних (прежде всего банковские кредиты и облигационные займы) финансовых источников позволяло правлению даже в условиях падения цен на нефть осуществлять крупные проекты по расширению производственных мощностей, транспортных и складских сетей компании. В этот период балансовая стоимость активов Товарищества возросла в два раза, достигнув в 1910 г. колоссальной суммы в 188 558 956 руб. (*РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 65, л. 62–63*). В том же году выручка компании увеличилась до 85,6 млн руб., валовая прибыль – 6 057 933 руб., чистая прибыль – 3,1 млн руб., из которой в дивиденд перечислено 1,8 млн (*Вестник финансов..., 1911. С. 1273*). Кроме того, в «вознаграждение» членам правления перечислено 120 тыс. руб., служащим – 530 939 руб. Удельный вес Товарищества в отечественной нефтяной промышленности составил: по доле поставок своего и закупленного у других фирм керосина в общероссийском его потреблении – 51,4%, мазута – 32,7%, в общероссийском экспорте керосина – 31,4% и его производстве – 27,1%, общероссийской добыче нефти – 10,9% (*Дьяконова, 1980. С. 126*). Флот компании включал многочисленные суда (в том числе один из первых для своего времени теплоход «Эммануил Нобель»), оценивавшиеся как «первые в мире по величине и по совершенству устройства» (*Изнар, 2004. С. 92*). На балансе компании находились 14 морских и 43 речных паровых судна, 209 наливных барж, а также 1460 вагонов-цистерн (*Лавров, 1913. С. 255*).

Фирме принадлежали на восточной окраине Баку 13 заводов, из которых 6 были нефтеперерабатывающими. Стоимость предприятий оценивалась в 9 218 301 руб. В их числе значились: керосиновый, маслосепараторный, вискозный, бензиновый, парафиновый, два сернокислотных, для регенерации кислотных отходов, для регенерации щелочных отходов, содовый, газовый, а также механический и лесопильный. К этому же времени балансовая стоимость нефтехранилищ (не считая нефтепроводов) возросла до 3 147 946 руб. (*Сборник сведений..., 1911. С. 134–145*). Помимо каспийских промыслов и нефтеперерабатывающих производств Нобелям принадлежали крупные механические заводы в Астрахани, Баку, Царицыне, Рыбинске (*Список фабрик..., 1912. С. 198, 201, 253, 266*).

На фоне укрепления позиций Товарищества на внутрироссийском рынке вполне объяснимым выглядел интерес правления к организационному объединению российских нефтяных компаний для более успешных операций за границей. Однако обсуждавшийся в 1910 г. план создания подобной организации – «Проданефти», в том числе с участием компаний «Нефть», «Арамазд», Бакинского нефтяного общества и Каспийского товарищества, так и не был реализован (*Монополистический..., 1961. С. 723*). В это же время Товарищество приступило к осуществлению еще одного проекта. Совместно с транспортной фирмой «М.С. Солин» решено было образовать акционерное общество «Кама», которому предполагалось передать пароходы и баржи как семьи Солиных, так и судоходной компании «Братья Рябиковы» (*Нефтяное дело, 1912. С. 56*). Результатом соглашения должно было стать дальнейшее усиление позиций Товарищества в сфере транспортировки нефтепродуктов в бассейне рек Волги и Оки. Укреплению положения компании на рынке речных грузоперевозок способствовало также избрание в 1911 г. К.В. Хагелина (члена правления Товарищества) в состав

петербургского представительства совета Съездов судовладельцев Волжского бассейна. Само создание этой органа объяснялось, прежде всего, необходимостью развития связей с правительственными учреждениями в столице (*РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 215, л. 5*).

В 1911 г. чистая прибыль Товарищества достигла 3,5 млн руб. В 1912 г. планировалось увеличить ее размеры до рекордной суммы – 4 млн руб. Эта цифра выводилась не столько из расчета дивидендных выплат, сколько из необходимости «покрыть расходы на погашение имущества, на платежи по облигациям и на другие обязательные отчисления» (*Нефтяное дело, 1912. С. 56*). Примечательными представляются институциональные особенности эмиссии, проведенной Товариществом в том же году. В это время высокие дивидендные выплаты, достигшие 22%, обеспечивали поддержание высоких репутационных позиций компании на российском и зарубежном рынках. В условиях общего улучшения финансового и экономического положения в стране и быстрого роста производственных мощностей Товарищества принимается решение об увеличении акционерно-паевого капитала с 15 до 30 млн руб. Соответствующее постановление было одобрено на общем собрании пайщиков и акционеров 18 июня 1911 г. (*Вестник финансов..., 1911. С. 1274*). Проведенная эмиссия обернулась в 1912 г. ростом биржевой стоимости паев Товарищества (номинальная цена 5 тыс. руб.) с 11 972 до 15 961 руб. (*Шепелев, 2006. С. 292*).

В начале 1910-х гг., в условиях роста конкурентной борьбы на отечественном и зарубежном рынках нефтепродуктов, наблюдалось стремление владельцев Товарищества братьев Нобель к использованию более гибких форм организации бизнеса. Предпринимались попытки выйти на новый уровень взаимодействия с дружественными нефтяными компаниями в России, что обеспечивало на перспективу высокую результативность в сфере не только оперативных, но и стратегических планов развития семейного дела. Важным направлением в расширении операций Товарищества становилось «участие в нефтепромышленных предприятиях». Правление напоминало пайщикам и акционерам компании, что «в течение последних лет оно неоднократно докладывало о вступлении товарищества в другие аналогичные предприятия, так как совместная работа Товарищества с другими обществами облегчает ведение дела и создает общность интересов с другими предприятиями, в то же время расширяя операции товарищества» (*Нефтяное дело, 1912. С. 56*).

В преддверии Первой мировой войны Э.Л. Нобель становится акционером и членом правления Нефтепромышленного и торгового общества «Колхида», основанного в 1910 г. (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 355, л. 20*). В том же году нобелевская компания подписывает договор о сотрудничестве с Бинагадинским нефтепромышленным и торговым обществом, владевшим нефтепроводом в Бакинском уезде. В 1913 г. к договору было приложено соглашение о совместной покупке у сторонних фирм нефти в Бакинском районе, а также о постройке и использовании на этой территории дополнительных нефтепроводов. В связи с последним соглашением Нобели приобрели также все имущество Товарищества «Бинагадинский нефтепровод А.Л. Нуссенбаум и К°» (*РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 222, л. 79, 82–83*).

Одним из ключевых событий в формировании нобелевского концерна стала реорганизация в 1911 г. Товарищества минеральных масел «В.И. Рагозин и К°». Фирма была учреждена в 1880 г. для эксплуатации нефтеперерабатывающего предприятия, основанного инженером В.И. Рагозиным у с. Константиново Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. По мнению Д.И. Менделеева, заслуга компании состояла в том, что «из бакинской нефти, кроме керосина американского типа, она первая стала получать превосходные смазочные масла и смазочное сало (неочищенный вазелин) и умела распространить первый из этих товаров во всеобщее употребление не только в России, но и в Зап. Европе» (*Менделев, 1893. С. 303–304*).

Однако уже к середине 1880-х гг., на фоне быстрого снижения цен на второй по значимости для «В.И. Рагозин и К°» продукт – керосин (до 30 коп. за пуд в Баку), положение компании резко ухудшилось. В 1886 г., когда убытки достигли 1 492 тыс. руб., по делам фирмы назначается администрация. В.И. Рагозину, пытавшемуся сделать ставку на преимущественное финансирование технологических разработок, так и не удалось обеспечить необходимую для этого заинтересованность в составе многочисленных (более 300 пайщиков) собственников фирмы. По мнению членов администрации «В.И. Рагозин и К°», в течение последующих 25 лет Товарищество «вынуждено было заботиться исключительно о том, чтобы покрыть кредиторские претензии и таким образом лишено было возможности мобилизовать надлежавший оборотный капитал, как единственное средство для укрепления своего благосостояния» (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 1*). К началу 1909 г. годовая производительность компании оценивалась в 1 347 054 руб., в том числе по выработке смазочных масел – 460 тыс. руб., керосина – 347 тыс. руб., осветительных масел – 238 тыс. руб. Численность

рабочих на заводе составляла 325 человек (*Список фабрик...*, 1912. С. 310). Вместе с тем к апрелю 1911 г. при балансовой стоимости активов в 6 567 201 руб. убытки фирмы достигли 3 243 352 руб., кредиторская задолженность – 834 163 руб. (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 33*).

В начале XX в. в состав администрации вошли два крупнейших кредитора и, одновременно, пайщика компании – Товарищество нефтяного производства братьев Нобель и Иван Осипович Степанов. В августе 1911 г. для фирмы, по мнению ее владельцев, наступила «новая эра»: Нобели и Степанов «решили из обломков старого дела создать новое предприятие и для этой цели предприняли целый ряд крупных реформ» (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 83*). В частности, в августе 1911 г. администрация компании пришла к «справедливому выводу, что единственным способом для оздоровления предприятия и охраны интересов пайщиков, лишенных права ... руководить делами, является привлечение средств извне, что и может быть достигнуто новым выпуском паев, реализация которого обеспечивается выданным кредиторами обязательством покрыть свои претензии полностью, приняв на соответствующую сумму паи нового выпуска» (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 2*). Складывание нового баланса интересов в среде собственников происходило на основе: 1) уменьшения уставного капитала с 3,5 до 700 тыс. руб. путем снижения нарицательной стоимости 3500 паев с 1000 до 200 руб., 2) последующего увеличения уставного капитала до 1,3 млн руб. за счет эмиссии 3000 паев стоимостью 200 руб., 3) преобразования именных паев в предъявительские, 4) сокращения количества директоров с 5 до 3-х, 5) перевода правления из Москвы в Петербург (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 1, 83, 130*). Новыми директорами фирмы избираются И.О. Степанов, В.Ф. Симонович (доверенный Нобелей) и И.И. Елин (наемный управленец).

Весной 1912 г., после проведенной реорганизации, крупнейшими собственниками компании «В.И. Рагозин и К°» становятся Товарищество братьев Нобель (из 6500 паев владело 2196) и И.О. Степанов (1863) (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 52*). Перспективы развития фирмы были сформулированы в докладе правления собранию пайщиков 29 сентября 1913 г. К этому времени И.О. Степанов выбыл из числа собственников и директоров, продав часть своих паев Товариществу братьев Нобель. Последнему принадлежал крупнейший пакет в 2614 паев, 573 пая имел Я.Г. Крусель, 500 – М.М. Белямин, 356 – В.Ф. Симонович (все трое – деловые партнеры Э.Л. Нобеля). Таким образом, семья Нобелей и близкие им лица владели 62% уставного капитала. Еще 650 паев находились у другого партнера Э.Л. Нобеля – петербургского заводчика А.Г. Лесснера, 302 – А.П. Торнтон (совладелец Товарищества шерстяных изделий «Торнтон»), 46 – текстильного фабриканта И.А. Коновалова, 28 – Г.А. Гоне (представитель крупного российского промышленника К.Л. Вахтера) (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 169*).

В докладе правления особо отмечалась необходимость дальнейших изменений в транспортной и сбытовой деятельности Товарищества «В.И. Рагозин и К°»: «Современное положение нефтяного рынка таково, что потребность в оборотных средствах ощущается весьма остро. Цены на нефтяные товары стоят необычайно высокие, и если взвесить обстоятельства, вызвавшие переоценку нефти, то придется прийти к заключению, что высокие цены – не случайное явление, а факт, с которым придется считаться в будущем. Техника нефтедобывания, переработки и утилизации нефти значительно шагнула вперед, а характер торговых операций вызывает крупные затраты, чтобы ответить на современные требования рынка. Все вместе взятое требует от нефтяных организаций постоянных усовершенствований и улучшений» (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 144–145*). В связи с этим предлагалось активнее осваивать транспортировку нефти и ее продуктов по железным дорогам (в отличие от Товарищества братьев Нобель, широко использовавшего в этих целях речной и морской транспорт), в том числе за счет увеличения числа собственных железнодорожных цистерн (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 180*).

Другим важным направлением в деятельности Товарищества «В.И. Рагозин и К°» стало участие в операциях, призванных усилить позиции Нобелей в борьбе с конкурентами. На собрании пайщиков 17 декабря 1913 г. принято решение дополнить Устав ссылкой о праве компании «участвовать в других предприятиях» путем приобретения акций или облигаций, «равно простым вкладом капиталов без приобретения акций или облигаций, или же совместной, по особым договорам, эксплуатацией собственных и чужих соответствующих цели учреждения Товарищества предприятий» (*РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 178*). Необходимость такого «участия», сопряженного с оформлением необходимого баланса интересов, объяснялась тем, что «за последнее время начинают возникать особые подсобные предприятия, организованные так же в виде акционерных обществ. Эта форма представляет то удобство, что участие каждого отдельного Общества в этом предприятии опреде-

ляется оплатой известной части основного капитала, и размер этого участия, при изменившихся обстоятельствах, может быть легко изменяем уменьшением или увеличением числа акций подсобного предприятия, приходящихся на его долю. Это, однако, возможно лишь при разрешении принимать участие в других, соответствующих цели учреждения Общества, предприятиях». Кроме того, Товариществу «В.И. Рагозин и К°» «придется неизбежно не только покупать, но и продавать свои товары в кредит, иногда по долгосрочным договорам и контрактам. В обеспечение оказанного кредита, кроме общей формы вексельного обеспечения, не всегда достаточного, приходится принимать, зачастую, акции кредитуемого предприятия, между тем такое принятие, без права в подлежащих случаях приобретать их в собственность, являлось бы затруднительным, и, во всяком случае, недостаточно гарантирующим интересы предприятия, именно в то время, когда то наиболее необходимо» (РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 213). Реализуемая в преддверии мировой войны стратегия фирмы «В.И. Рагозин и К°» определялась соответствующим согласованием интересов в составе собственников. Представленные на собрании 31 мая 1914 г. 4729 паев свидетельствовали о полном контроле над фирмой со стороны Нобелей и их партнеров: 2517 принадлежали Товариществу братьев Нобель, 650 – А.Г. Лесснеру, 583 – Я.Г. Круселю, 500 – М.М. Белямину, 356 – В.Ф. Симоновичу, 100 – С. Конкевичу (доверенный Э.Л. Нобеля и по совместительству юрисконсультант фирмы «В.И. Рагозин и К°») (РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 224, л. 224). По итогам 1913 г. большинство пайщиков и акционеров Товарищества братьев Нобель поддержали годовую смету и план действий компании, в том числе масштабное участие в реорганизации нефтепромышленной фирмы «В.И. Рагозин и К°» (увеличение уставного капитала на сумму 975 000 руб. и передача на ее предприятие изготовления специальных смазочных масел и ряда других нефтепродуктов). В числе наиболее крупных собственников, участвовавших в общем собрании (представлявших в совокупности капитал в 24 440 000 руб.), в это время значились: Азовско-Донской коммерческий банк, владевший паями и акциями на 5 586 750 руб., С.-Петербургский торговый банк – 5 197 500 руб., Волжско-Камский коммерческий банк – 1 597 250 руб., а также два внутренних мажоритарных пайщика – Э.Л. Нобель (1 464 000 руб.) и его мачеха Эдла Нобель – 1 246 700 руб. (*Нефтяное дело, 1914. С. 44*).

Имеющиеся данные за 1913 г. по 78 российским акционерным компаниям, занимавшимся добычей и переработкой нефти, выявляют место Товарищества нефтяного производства братьев Нобель в составе крупнейших игроков на отечественном нефтяном рынке. Из общей суммы уставного капитала в 273 208 000 руб. доля нобелевской фирмы составила 11% (в сравнении с 1910 г. рост на 0,8%), по активам – из 624 076 000 руб. – 28,6% (– 4,8%), капиталу погашения – из 129 553 000 руб. – 25% (– 5,5%), валовой прибыли – из 53 688 000 руб. – 24,9% (+2,3%). Из суммарной кредиторской задолженности в 105 650 000 руб. на долю нобелевской компании приходилось 23,6%. Товарищество являлось единственной нефтепромышленной фирмой, имевшей облигационный капитал на сумму 16 339 000 руб. (в сравнении с 1910 г. уменьшился на 3 651 000 руб.) (*Сборник сведений..., 1914. С. 198–211*). Прибыльность операций фирмы за 1913 г. определялась в первую очередь продажами керосина (4 565 142 руб.) и мазута (4 361 380 руб.), а также нефти (1 969 774 руб.), машинного масла (1 815 893 руб.) и бензина (1 384 591 руб.) (РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 72, л. 2). Заметим, что тенденция к консолидации интересов (в том числе в организационном плане) на российском нефтяном рынке вызывала в это время заметную обеспокоенность во властных структурах. В феврале 1913 г. глава правительства В.Н. Коковцев придал «серьезное значение» докладной записке, поданной статским советником Н.С. Добровольским по поводу скупки крупными нефтяными компаниями акций своих менее удачливых конкурентов (РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 254, л. 12). В частности, Добровольский отмечал, что в последние два года в уставные документы стали вводиться положения о праве компаний приобретать за свой счет акции иных однородных обществ. Подобные действия, подчеркивал автор, «несомненно знаменуют собой уклонение в сторону от промышленной деятельности, со вступлением компаний в сферу, так сказать, чистой спекуляции» (РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 254, л. 2). Серьезность ситуации объяснялась Добровольским и тем, что возникающие объединения фирм не обеспечивались в своей деятельности надлежащими условиями для «гарантии интересов» конкретного общества. В своем формальном выражении такие объединения, по мысли автора, несли даже большую угрозу, чем синдикаты: «Вред, происходящий от синдикатизирования промышленности на договорных началах, несомненен, но в договорах имеется всегда некоторое противоположение интересов сторон, входящих в договорные отношения, вследствие чего возможно, с течением времени, изменение договорных условий и даже отступление от договоров по судебному решению, в случае,

если наличность договора сведется, по существу своему, к так называемой, на судебном языке, ставке. Если же синдикат возникает на указанной выше сего почве, с органической связью между собой целого ряда нефтяных компаний, то, в существе, получается не синдикат, а связанность всех предприятий в одно органическое целое, со всеми отрицательными сторонами синдиката и с фактической невозможностью обратного обращения отдельных компаний в самостоятельные промышленные единицы». В результате возникает организация, способная «по собственному усмотрению руководить ценами не только на нефть, но и на биржевую расценку самих акций всех обществ» (РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 254, л. 5). В качестве примера Н.С. Добровольский ссылался на компанию «Русская нефть», установившую контроль над фирмой «Тер-Акопов», Товарищество «Г.М. Лианозов» – фирмами Меликова и Шихова, Общество «А.И. Манташев» – фирмой Мирзоева. Однако в отношении Товарищества братьев Нобель автор занял осторожную позицию, отметив лишь опасность «вовлечения» этой компании в скупку акций Каспийского товарищества (РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 254, л. 6).

В годы мировой войны укреплению позиций Э.Л. Нобеля на отечественном нефтяном рынке благоприятствовало умелое поддержание баланса интересов в составе собственников Товарищества. При голосовании на общих собраниях пайщиков и акционеров по большинству значимых для компании вопросов Нобелю удавалось получать необходимое простое большинство голосов. В июне 1915 г. в состав Совета компании избирается председатель правления Русско-Азиатского банка А.И. Путилов, что заметно стабилизировало ситуацию после упорных слухов о противостоянии последнего с главой нобелевского дела. На следующем общем собрании собственников 28 мая 1916 г. приняли участие владельцы паев и акций на 13 314 000 руб., с правом на 237 голосов. С формальной стороны отсутствие кворума объяснялось тем, что часть пайщиков и акционеров являлись подданными воюющих с Россией стран, и не могли участвовать в делах Товарищества. Крупные пакеты принадлежали отечественным банкам: Петроградскому международному коммерческому – 2 940 000 руб., Русско-Азиатскому – 2 307 500 руб., Московскому – 1 987 500 руб., Азовско-Донскому – 1 487 000 руб., Петроградскому торговому – 1 123 750 руб., а также Московскому купеческому обществу взаимного кредита – 1 000 000 руб. Отметим, что крупнейший собственник – Международный банк – имел лишь 22% представленных паев и акций, а вместе с Русско-Азиатским – 39,4%, что лишало их возможности диктовать на собрании свои «правила игры».

Участники собрания поддержали отчет о деятельности Товарищества за 1915 г.: выручка от продаж достигла 160 145 000 руб., что на 38 904 000 руб. превышало соответствующий показатель 1914 г. Валовая прибыль составила 21 439 883 руб. (из нее 18,4% отправлено в амортизационные отчисления), чистая – 16 784 025 руб. Из последней в 8%-й дивиденд направлено 2 400 000, дополнительный – 6 600 000 руб. (т. е. 1,5 тыс.руб. на пай (в 1914 г. – 1,3 тыс.) и по 75 руб. (65 руб.) на акцию), всего 9 млн руб. Кроме того, в «вознаграждение» директорам, членам совета и служащим перечислено 2 134 348 руб. (РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 72, л. 8–10). Э.Л. Нобелю вновь удалось провести в руководство компании близких к нему людей: в состав правления были переизбраны М.М. Белямин, К.С. Литторин и Я.Г. Круссель, совета – Н.Ф. Лабзин и Л.Л. Нобель, ревизионной комиссии – В.Ф. Симонович, Б.И. Будахин, Д.И. Метальников, И.И. Мессер и И.А. Дробный (*Нефтяное дело, 1916. С. 35–36*). Стратегические направления в деятельности компании курировали лица, входившие в окружение Э.Л. Нобеля: В. Хагелин – зарубежные операции, К. Литторин – сбыт нефтепродуктов, А. Лесснер – нефтяное производство, Й. Нобель – управление нефтепромыслами в Баку, его брат Эмиль – механическое производство в Петербурге (*Осбринк, 2003. С. 243*).

Примечательно, что из перечисленных лиц двое – Я.Г. Круссель и В.Ф. Симонович (был известен также как автор книги «Нефть и нефтяная промышленность в России: историко-статистический очерк», изданной на средства Нобелей) продолжали участвовать в контроле над дочерней компанией – Товариществом «В.И. Рагозин и К°» (они же вошли в состав ее правления). Эта фирма продолжала играть одну из ключевых ролей в операциях финансово-промышленной группы Нобелей в военный период. За 1913–1914 гг. уставной капитал Товарищества увеличился с 1 300 000 до 1 950 000 руб., балансовая стоимость активов – с 3 855 000 до 5 026 764 руб., валовая прибыль – с 67 000 до 82 218 руб. (*Сборник сведений..., 1914. С. 142; Статистика..., 1915–1916. № 791*). Однако настоящий прорыв был сделан в годы мировой войны. К концу 1916 г. активы фирмы достигли 7 992 450 руб., прибыль – 679 795 руб. (РГИА, ф. 1430, оп. 1, д. 3, л. 60). В число крупнейших собственников компании входили: Товарищество братьев Нобель

(на собрании 20 ноября 1916 г. представило 6000 паев из общего количества 11257), а также В.В. Гармсен (1302), С.Л. Конкевич (1296), Я.Г. Крусель (1159), М.М. Белямин (1000) (*РГИА, ф. 1430, оп. 1, д. 3, л. 85*).

Осенью 1916 г. Товарищество «В.И. Рагозин и К°» взяло курс на активное участие в операциях, связанных со слияниями (поглощениями) в отечественной нефтяной промышленности. Это решение соответствовало стратегическому плану правления фирмы по «расширению своего предприятия принятием участия, приобретением акций, паев и облигаций, вкладами и другими путями в однородных обществах, товариществах и других промышленных организациях» (*Финансовая газета, 1916а. С. 3*). Авторство данного решения не являлось секретом, учитывая состав владельцев компании. В ноябре 1916 г. на общем собрании пайщиков крупнейшим собственником выступило Товарищество нефтяного производства братьев Нобель – 6 000 паев, а также Я.Г. Крусель – 1 159, М.М. Белямин – 1 000 и В.Ф. Симонович – 712. Тогда же в соответствии с принятым решением уставной капитал Товарищества был увеличен на 2,5 млн руб. путем выпуска дополнительных 17 тыс. акций по 150 рублей (*Финансовая газета, 1916б. С. 3*).

В числе главных целей фирмы «В.И. Рагозин и К°» явилось установление контроля над Товариществом производства русских минеральных масел и других химических продуктов «С.М. Шибаев и К°». В начале XX в. этой компании принадлежали в Бакинском районе нефтяные промыслы, нефтеперерабатывающее и содовое производство, а также механический и деревоперерабатывающий заводы (общее число занятых – около 2 тыс. человек) (*Список фабрик..., 1912. С. 308*). К началу мировой войны «С.М. Шибаев и К°» находилось под контролем Общества «Мазут», входившего в группу «Шелл». Продажа всех нефтепродуктов Товарищества производилась на территории России «исключительно» со складов «Мазута». Паевый капитал «С.М. Шибаев и К°» составлял 6,5 млн. руб., облигационный (4,5%, в фунтах стерлингов) – 1 203 689 руб. Активы Товарищества оценивались в 16 320 386 руб., в том числе имущество – 10 449 483 руб. Вместе с тем наблюдалось быстрое сокращение прибыльности операций: 1912/13 гг. – 472 457 руб., 1913/14 гг. – 175 527 руб. (*Лавров, 1915. С. 262*). С началом войны по делам фирмы была установлена администрация. За 1915/16 операционный год кредиторская задолженность компании выросла до 6 118 656 руб. За этот же год баланс был сведен с дефицитом в 1 720 586 руб., из них 1 595 752 руб. составляли убытки от переоценки имущества, и 124 834 руб. – потери, понесенные до установления административного контроля (*Финансовая газета, 1916с. С. 3*).

В этой ситуации компания переходит под контроль Товарищества «В.И. Рагозин и К°». Принимается решение о «выделе» части предприятий «С.М. Шибаев и К°» и их оформлении в Акционерное общество Шибаевских заводов с уставным капиталом 3 млн. руб. (3 000 именных и на предъявителя акций по 1 000 руб.). В перспективе данная операция, ограничивая возможности группы «Шелл», усиливала позиции Товарищества братьев Нобель на отечественном рынке нефтепродуктов. В пользу последнего говорила также заинтересованность Нобелей, проявленная в связи с предложением ряда петербургских банков участвовать в покупке ценных бумаг компаний «Г.М. Лианозов» и «Ойл» (*РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 227, л. 28*).

Другим крупным событием в процессе согласования интересов на отечественном нефтяном рынке стала формализация деловых отношений между компанией Нобелей и торговым домом «И.Г. Стахеев». Характер оформившегося взаимодействия подробно освещен в исследовании Т.М. Китаниной (*Китанина, 2007*). Остановимся на некоторых сюжетах, имеющих непосредственное отношение к особенностям институционализации предпочтений владельцев этих фирм. В апреле 1911 г. между ними был заключен договор, в соответствии с которым Нобели передавали торговому дому право на перевозку в навигации 1911–1915 гг. по Волге в принадлежащих Стахееву судах мазута общим объемом 28 млн пудов. Со своей стороны торговый дом обязывался в течение договорного срока не принимать от других фирм на перевозку по всем водным путям России нефтяных продуктов, а также не производить самостоятельной торговли ими. Кроме того, Стахеев сдавал Товариществу на время действия договора в арендное пользование: а) склады в Астрахани и Ярославле под хранение мазута (общим объемом 1,5 млн. пудов), б) собственные (40) и арендованные (35) железнодорожные цистерны в Ярославле (*РГИА, ф. 1430, оп. 1, д. 965, л. 1–5*). В том же году были завершены переговоры, касавшиеся участия Товарищества в разработке принадлежащей И.Г. Стахееву в Уральской области Гурьевских нефтяных участков. Учреждалось акционерное нефтепромышленное и торговое общества «Эмба» с уставным капиталом 6 млн руб., в котором Товарищество братьев Нобель и И.Г. Стахеев приняли участие в 42,5% каждый, а Русское товарищество «Нефть» – 15% (*Нефтяное дело, 1912. С. 56*). Созданная фирма приобретала у И.И. Стахеева

права на 40 нефтяных участков, за что ему уплачивалось 2 млн. руб. акциями и 150 тыс. руб. наличными деньгами (РГИА, ф. 1476, оп. 1, д. 8, л. 29). В состав правления были избраны от Нобелей – К.В. Хагелин (председатель) и М.М. Белямин, Товарищества «Нефть» – Т.В. Белозерский, «И. Стахеев и К^е» – П.А. Бок. По достигнутому соглашению, глава правления получал жалованье в размере 10 тыс. руб. в год, директора – по 5 тыс., кандидаты в правление – 1,5 тыс., члены ревизионной комиссии – 300 руб. (РГИА, ф. 1476, оп. 1, д. 8, л. 1, 11).

1913 г. стал переломным в развитии общества «Эмба». Была получена валовая прибыль в 737 100 руб. (1912 г. завершился убытком в 157 409 руб.). В том же году, при участии Товарищества братьев Нобель, завершилось строительство нефтеперегонного завода в Гурьевском уезде. Из запланированных для переработки на предприятии 5 600 000 пудов нефти (мощности завода были рассчитаны на 10 млн пудов) предполагалось получить 28% керосина, 20% солярового масла, 44% мазута, израсходовать при перегонке на топливо и потери – около 8% (РГИА, ф. 1476, оп. 1, д. 8, л. 3, 7, 9). Оставшуюся нефть «Эмба» обязывалась сдавать только Товариществу Нобелей (с весны 1914 г. последним приобретались также все производимые нефтепродукты), представителем которого был назначен Густав Эклунд.

Тем не менее к 1 января 1914 г. за Обществом числилось долгов на 972 353 руб., в том числе Нобелям – 507 183 руб. (к 1 ноября задолженность последним увеличилась до 1 149 938 руб.). В связи с этим правление предложило провести дополнительную эмиссию (четвертый выпуск акций) в размере 1,2 млн руб., из которых пакет в 566 600 руб. переходил к Товариществу братьев Нобель, 433 400 руб. – И.И. Стахееву, 200 000 руб. – Товариществу «Нефть» (РГИА, ф. 1476, оп. 1, д. 8, л. 71). Данное решение свидетельствовало об изменениях в балансе интересов в составе владельцев «Эмбы», учитывая, что И.И. Стахеев и близкие к нему собственники сохраняли в своих руках пакет в 19 887 акций, в то время как Нобели имели 18464 акции, Товарищество «Нефть» – 6950 (РГИА, ф. 1476, оп. 1, д. 8, л. 6). Подтверждением меняющейся ситуации в пользу Нобелей явилось назначение заведующим промыслами «Эмбы» их доверенного Сундквиста (РГИА, ф. 1476, оп. 1, д. 8, л. 148).

Анализируя историю развития Общества «Эмба», Т.М. Китанина приходит к выводу, что его зависимость от Э.Л. Нобеля была значительно «сильнее и определеннее», чем от товарищества «И. Стахеев и К^е»: «Зависимость от Э.Л. Нобеля усугублялась тем, что, по свидетельству печати, в 1913 г. нефтяные общества Эмбинского района – «Эмба», «Эмба-Каспий», «Колхида» – были объединены особым соглашением о совместной деятельности и имели общего директора – К.В. Хагелина, являвшегося, по сути дела, правой рукой Э.Л. Нобеля» (Китанина, 2007. С. 258). Подобная ситуация во многом определила отказ стахеевской фирмы в октябре 1915 г. от продолжения договорных отношений с нобелевским концерном (РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 965, л. 55). В свою очередь отношения Нобелей с Обществом «Эмба» завершились 14 октября 1917 г. переходом акций последнего (на сумму 3 169 000 руб.) к Товариществу (РГИА, ф. 1458, оп. 1, д. 240, л. 75).

В целом, к началу 1917 г. Э.Л. Нобелю удалось сформировать устойчивое объединение фирм, в отношении которых контроль осуществляется из правления Товарищества, при одновременном использовании последним акционерно-паевых и банковских механизмов координации совместной деятельности. Входившие в концерн предприятия были связаны имущественными, договорными или иными, в том числе неформальными, связями. Наиболее практикуемой являлась система назначения своих представителей в состав директоров дочерних компаний. В нобелевской группе оказались представлены (помимо самого Товарищества нефтяного производства братьев Нобель): Товарищество минеральных масел «В.И. Рагозин», Товарищество производства русских минеральных масел и других химических продуктов «С.М. Шибаев и К^е», Нефтепромышленное и торговое общество «Колхида», нефтепромышленное и торговое общество «Эмба», Челекено-Дагестанское нефтяное общество, пароходное и торговое общество «Кама» и Nobel Petroleum Import Aktie Bolag (Гельсингфорс) (Зив, 1916а. С. 59–60; Зив, 1916б). Согласование операций внутри концерна осуществлялось тем более эффективно, если учесть, что правления этих фирм размещались в одном здании, принадлежавшем Нобелю – в Петербурге на набережной Екатерининского канала, дом № 6. Отметим, что приведенный перечень фирм, реализующих интересы Нобелей в нефтепромышленной сфере, следует разграничивать с рядом компаний («Л. Нобель», «Г. Лесснер», «Ноблесснер» и др.), которые контролировались членами семьи в рамках петербургской финансово-промышленной группы. Последняя была оформлена в 1912 г. с целью выполнения правительственных военных заказов, в том числе по строительству подводных лодок.

Обращение к истории формирования нобелевского концерна позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, опыт деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель свидетель-

ствовал об исключительной важности новаторского использования организационных механизмов развития семейного дела в целях привлечения инвестиций (ориентированных в первую очередь на создание новых мощностей и увеличение реального капитала), а также роста прибыльности и конкурентоспособности компании в условиях преобладания в Российской империи до середины XIX в. традиционных (прежде всего на уровне этнорелигиозных и родственных отношений) норм делового взаимодействия. Вместе с тем этот же опыт не подтверждает суждения о наличии отрицательного эффекта масштаба в деятельности крупных корпораций. По мере расширения своих операций Товарищество совершенствовало институциональный механизм определения и поддержания баланса внутри- и межгрупповых интересов, преимущественно на организационном уровне, в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности. Согласовывались интересы отдельных членов семьи, ее поколенческих и брачных сообществ, друзей и партнеров по бизнесу, инвесторов, поставщиков и потребителей продукции (в том числе в их региональной и отраслевой принадлежности), представителей общественных и властных структур. К началу XX в. речь шла, прежде всего, о координации подходов к решению вопросов увеличения экономической мощи (стоимости) семейного предприятия – Товарищества нефтяного производства – с одной стороны, и созданного на его основе концерна – с другой. В данном отношении координация индивидуальных и групповых предпочтений происходила за счет постепенного уменьшения доли участия Нобелей в акционерно-паевом капитале при сохранении за ними ключевых позиций в структуре управления многочисленными промышленными фирмами, входившими в состав концерна.

Осуществляемое в рамках организационной структуры согласование индивидуальных и групповых интересов определялось совокупностью отношений как хозяйственного, так и семейно-родственного, этноконфессионального и психологического свойства, регулировавшихся в соответствии с принимаемыми и реализуемыми на практике правовыми и неформальными ограничениями. Таким образом, создание и последующая деятельность Товарищества сопровождалась институциональной координацией внутри- и межгрупповых предпочтений, что являлось необходимым условием выработки оптимальной стратегии и тактики развития обширного промышленного дела. Сохранение за мажоритарными собственниками (Нобели, их партнеры в нефтепромышленной и банковской сфере) ключевых позиций в определении перспектив деятельности концерна в значительной мере обеспечивало рост эффективности деловых операций. В свою очередь, благодаря взаимосвязанным инвестициям в добычу нефти, ее переработку, транспортировку, хранение и реализацию, а также в производство машиностроительной продукции, ориентированной на потребление соответствующих нефтепродуктов, Товариществу удалось сохранять за собой значительную долю российского и зарубежного рынка и получать стабильно высокую прибыль на фоне усиливающейся конкуренции в конце XIX – начале XX вв.

Сформировавшаяся в фамильном деле Нобелей модель корпоративного управления представляла собой сложную организационную систему, сочетавшую элементы инсайдерской и аутсайдерской структуры собственности, функционирующей под контролем членов семьи и близких к ней пайщиков, занимавших директорские посты, а также опиравшуюся на поддержку банков и ориентированную на поддержание необходимого баланса интересов круга лиц, включавшего акционеров, работников, деловых партнеров, представителей общественных структур и властных учреждений. В данном отношении многолетняя история Товарищества вряд ли укладывается в трактовку института семьи как тормозящего развитие корпорации (например, в плане консервации структуры собственности и управления), ограничивающего возможные сдвиги в ней узкими рамками родственного круга. На фоне ускоренной капиталистической трансформации России в последней трети XIX – начале XX вв. поддерживаемый в фамильном деле баланс интересов предполагал ориентацию на открытый характер операций компании, и, тем самым, обеспечение роста доверия к ней со стороны инвесторов. Вместе с тем, опыт деятельности нобелевского концерна свидетельствовал в пользу того факта, что стирание социокультурных различий в поведении заинтересованных сторон (в том числе на уровне этноконфессиональных и родственных связей в среде собственников и представителей управленческого персонала) являлось одной из ведущих тенденций в процессе становления крупных акционерных компаний в Российской империи.

Результатом развития нефтепромышленного дела Нобелей стала оптимальная реализация проектов по инвестициям в оборотный капитал при одновременном решении стратегических задач – долгосрочных капиталовложений в целевое развитие концерна. Увеличение материальных активов сопровождалось обновлением нематериального капитала (человеческого, организационного, информационного), ростом прибыльности операций, конкурентоспособности и репутации. В свою

очередь институциональные регуляторы, в том числе в сфере взаимоотношений между пайщиками и акционерами, использовались для адаптации нобелевских фирм к условиям меняющейся социально-экономической и общественно-политической ситуации начала XX в., рискам специфичности активов, иррационального и эгоистического (оппортунистического) поведения, информационной асимметрии. Преодоление ограничений социокультурного характера позволяло сохранять высокие темпы развития нефтепромышленного дела, несмотря на всю сложность ситуации, связанной с промышленным кризисом и ростом социально-политической нестабильности в Российской империи. Используемые правовые и неформальные регуляторы в процессе руководства Нобелями многочисленными фирмами обеспечивали поддержание оптимальной модели доверительного взаимодействия в среде владельцев концерна, что в конечном счете обусловило последовательное и взаимосвязанное развитие производственных мощностей, управленческой структуры и коммерческих операций при приемлемых дивидендных выплатах и отчислениях в резервные фонды. Таким образом, нахождение оптимального баланса интересов в отношениях собственников, управленцев высшего (директора, руководители отделов правления), среднего и низшего звена, рабочих, представителей общественности и власти способствовало успешной трансформации принадлежащих Нобелям компаний в организационную структуру концерна в условиях крайне сложной внутренней обстановки в Российской империи в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышников М.Н. (2009). Из истории акционерного общества машиностроительного завода «Людвиг Нобель» // *TERRA ECONOMICUS*, т. 7, № 2, С. 117–124.
- Варзар В.Е. (ред.) (1912). Список фабрик и заводов Российской империи. Составлен по официальным сведениям Отдела Промышленности Министерства Торговли и Промышленности. Ч. 2. СПб.
- Вестник финансов, промышленности и торговли. (1911). Отчеты кредитных учреждений, торговых и промышленных предприятий. СПб.
- Дьяконова И.А. (1980). Нобелевская корпорация в России. М.: Мысль.
- Зив В.С. (1916а). Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пг.: Тип. Министерства финансов.
- Зив В.С. (1916б). Концентрация в области нефтяной промышленности // *Вестник финансов, промышленности и торговли*, № 6.
- Изнар Н.Н. (2004). Воспоминания. Записки инженера // *Вопросы истории*, № 11.
- Китанина Т.М. (2007). Развитие концерна Путилова – Стахеева – Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы Первой мировой войны // *Дмитриев А.Л., Семенов А.А. (ред.) Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования*. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», Издат. Дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- Лавров В.В. (ред.) (1913). Акционерно-паевые предприятия России. Составлено по официальным данным, извлеченным из материалов, утвержденных общими собраниями акционеров и пайщиков и опубликованных в органах Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов. Торгово-промышленные, фабрично-заводские и торговые предприятия. Акционерные банки. М.: «Лавров».
- Лавров В.В. (ред.) (1915). Акционерно-паевые предприятия России. Составлено по официальным данным, извлеченным из материалов, утвержденных общими собраниями акционеров и пайщиков, и опубликованных в органах Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов. Торгово-промышленные, фабрично-заводские и торговые предприятия. Акционерные банки. М.: «Лавров».
- Менделеев Д.И. (1893). Нефтяная промышленность // *Фабрично-заводская промышленность и торговля России*. СПб.: Издание Департамента Торговли и Мануфактур Министерства Финансов.
- Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. (1961). 1883–1914. Документы и материалы М.-Л.: Наука.
- Нефтяное дело. (1912). № 4.
- Нефтяное дело. (1914). № 5.
- Нефтяное дело. (1916). № 12.
- Осбринк Б. (2003). Империя Нобелей: история о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России. М.: «Текст».
- Российский государственный исторический архив (РГИА).

Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях (1911). СПб.: Отд. торговли Министерства торговли и промышленности.

Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях (1914). СПб.: Отд. торговли Министерства торговли и промышленности.

Симонович В.Ф. (1909). Нефть и нефтяная промышленность в России: историко-статистический очерк. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих.

Статистика акционерного дела в России. (1915–1916 гг.). Акционерные, паевые и фабрично-заводские предприятия России. Пг.: Тип. «Печатное дело».

Финансовая газета (1916a). 11 октября.

Финансовая газета (1916b). 22 ноября.

Финансовая газета (1916c). 28 декабря.

Финансовая газета (1916d). 19 сентября.

Шепелев Л.Е. (2006). Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.

REFERENCES

Baryshnikov M.N. (2009). From a history of the joint-stock company of machine-building plant «Ludvig Nobel». *TERRA ECONOMICUS*, vol. 7, no. 2, pp. 117–124. (In Russian.)

Collection of information about current Russian joint-stock companies and partnerships on equal footing (1911). Saint-Petersburg: Trade Department of the Ministry of Trade and Industry. (In Russian.)

Collection of information about current Russian joint-stock companies and partnerships on equal footing (1914). Saint-Petersburg: Trade Department of the Ministry of Trade and Industry. (In Russian.)

Dyakonova I.A. (1980). The Nobel corporation in Russia. Moscow: Mysl Publ.

Finansovaya Gazeta (1916a). October, 11. (In Russian.)

Finansovaya Gazeta (1916b). November, 22. (In Russian.)

Finansovaya Gazeta (1916c). December, 28. (In Russian.)

Finansovaya Gazeta (1916d). September, 19. (In Russian.)

Iznar N.N. (2004). Memories. Notes of an Engineer. *Voprosy istorii*, no. 11. (In Russian.)

Kitanina T.M. (2007). Development of the concern of Putilov, Stakheev and Batolin and transformation of its financial and industrial strategy during the World War I / In *Dmitriev A.L., Semenov A.A. (eds.) Essays on the history of the Russian firms: issues of ownership, administration and management.* Saint-Petersburg: «Higher School of Management», Saint-Petersburg State University Publishing House. (In Russian.)

Lavrov V.V. (ed.) (1913). Joint-Stock enterprises and enterprises on an equal footing in Russia. Compiled from official data extracted from materials approved by the general meetings of shareholders published in the Ministry of Trade and Industry and the Ministry of Finance. Trade and industrial, factory and commercial enterprises. Joint-stock banks. Moscow: «Lavrov» Publ. (In Russian.)

Lavrov V.V. (ed.) (1915). Joint-stock enterprises and enterprises on an equal footing in Russia. Compiled from official data extracted from materials approved by the general meetings of shareholders published in the Ministry of Trade and Industry and the Ministry of Finance. Trade and industrial, factory and commercial enterprises. Joint-stock banks. Moscow: «Lavrov» Publ. (In Russian.)

Mendeleev D.I. (1893). Oil industry. *Factory Industry and Trade of Russia.* Saint-Petersburg: Department of Trade and Manufactures of the Ministry of Finance. (In Russian.)

Monopoly capital in the Russian oil industry. (1961). 1883–1914. Documents and materials. Moscow – Leningrad: Nauka Publ. (In Russian.)

Nefytanoe delo. (1912). No. 4. (In Russian.)

Nefytanoe delo. (1914). No. 5. (In Russian.)

Nefytanoe delo. (1916). No. 12. (In Russian.)

Osbrink B. (2003). The Nobel Empire: a story about famous Swedes, Baku oil and revolution in Russia. Moscow: «Text» Publ. (In Russian.)

Shepelev L.E. (2006). Joint-Stock Companies in Russia: XIX – early XX century. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publishing House. (In Russian.)

Simonovich V.F. (1909). Oil and oil industry in Russia: the historical and statistical essay. Saint-Petersburg: Tipography Yu.N. Erlich. (In Russian.)

Statistics of joint-stock business in Russia. (1915–1916). Joint-stock enterprises, enterprises on an equal footing and factory enterprises of Russia. Petrograd: Tipography «Typographic art». (In Russian.)

The Russian State Historical Archive. (In Russian.)

Varzar V.E. (ed.) (1912). List of factories and plants of the Russian Empire. Compiled according to official data of the Industry Department of the Ministry of Trade and Industry. P. 2. Saint-Petersburg. (In Russian.)

Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli. (1911). Reports of credit institutions, trade and industrial enterprises. Saint-Petersburg. (In Russian.)

Ziv V.S. (1916a). Foreign capitals in the Russian oil industry. Petrograd: Typography of the Ministry of Finance. (In Russian.)

Ziv V.S. (1916b). Concentration in the oil industry. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*, no. 6. (In Russian.)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНО-РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА РОССИИ¹

К.А. БЕЛОКРЫЛОВ,

кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической теории,

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: kbelokrylov@sfedu.ru

В статье дается оценка возможности отраслевых сдвигов в экономике Юга России с учетом инновационной составляющей стратегического развития страны и сформировавшегося технологического уклада в южно-российских регионах. Рассматриваются в контексте проводимой государственной политики и накопленного зарубежного опыта перспективы развития сельской периферии. Анализируются преимущества и недостатки институционально-либеральной и дирижистской моделей регионального экономического роста.

Ключевые слова: региональная экономика; технологический уклад; товарная структура экспорта и импорта; сельские территории; институционально-либеральная и дирижистская модели регионального экономического роста.

PROSPECTS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOUTH REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A CONTEXT OF RUSSIA'S STRATEGIC CHOICE

K.A. BELOKRYLOV,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor
of the Department of Economic Theory,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: kbelokrylov@sfedu.ru

The article assesses the possibility of branch shifts in economy of the South of Russia considering the innovative component of the strategic development of the country and existing technological structure in South Russian regions. Prospects of the rural periphery development are considered in a context of a pursued state policy and the accumulated foreign experience. Advantages and shortcomings of institutional and liberal model of regional economic growth, along with the dirigiste one, are analyzed.

Keywords: regional economy; technological structure; the commodity structure of exports and imports; rural areas; institutional and liberal and dirigiste models of regional economic growth.

JEL classification: R11, O18.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета № 213.01-24/ 2013–173.

1. Угрозы устойчивости развития российской экономики

Сегодня перед Россией стоит стратегический выбор модели дальнейшего развития, обусловленный тем, что источники, обеспечившие динамичный рост экономики в 2000-е гг. (расширение экспорта и внутреннего спроса, поддержанное значительным притоком капитала), исчерпаны. В качестве ограничителя экономического роста в России выступает относительно дорогая по сравнению с азиатскими странами рабочая сила. Следует также отметить, что в силу этой же причины иностранные инвесторы не заинтересованы в передислокации производства трудоемких товаров массового производства в страну.

Фактором, лимитирующим экономическое развитие России, выступает отток инвестиций за рубеж. Анализ платежного баланса России свидетельствует о том, что российские инвесторы предпочитают вкладывать капитал в зарубежные активы. Привлеченные долговые ресурсы не инвестируются в экономику страны, т. е. внешние займы не приводят к замещению импорта или росту экспорта и, таким образом, не создают основу для улучшения структуры платежного баланса страны, но порождают избыточные финансовые риски.

Значит, рассчитывать на резкий приток инвестиций в модернизацию экономики страны в краткосрочном и среднесрочном временном горизонте, и, как следствие, повышение качества российской продукции, обеспечивающее ей конкурентные преимущества перед более качественной промышленной продукцией европейских стран, не приходится. По мнению экспертов, в ближайшие годы России не удастся значительно укрепить свои позиции на рынках традиционной массовой потребительской продукции (*Стратегия-2020, 2013. С. 19–24*).

2. Ограничения развития пятого и шестого укладов в экономике южнороссийских регионов

Аналогичная ситуация, усугубляемая технологической отсталостью, характерна для южнороссийских регионов. Экономике этих регионов свойственна технологическая многоукладность при доминировании устаревших третьего и четвертого технологических укладов. Ядро пятого технологического уклада южнороссийских регионов составляют преимущественно производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, роботостроение, производство и переработка газа. Даже по самым завышенным оценкам доля этого уклада составляет в Южном федеральном округе 6,8%, в Северо-Кавказском федеральном округе – 9,2% (табл. 1).

Таблица 1

Структура и доля пятого технологического уклада в экономике южнороссийских регионов
(составлена по: (*Росстат, 2012. С. 479–481*))

Регионы	Структура пятого технологического уклада			Доля технолог. уклада, %
	производство и переработка газа	производство машин и оборудования ²	производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	
Южный федеральный округ	0,9	4,5	1,4	6,8
Республика Адыгея	1,6	5,1	0,6	7,2
Республика Калмыкия	13,9	0,1	2,5	16,5
Краснодарский край	1,3	5,1	1,2	7,6
Астраханская область	0,9	3,8	1,0	5,7
Волгоградская область	0,6	3,3	0,4	4,3
Ростовская область	0,8	6,2	2,7	9,7
Северо-Кавказский федеральный округ	2,2	1,4	5,6	9,2
Республика Дагестан	0,7	0,6	2,7	4,0
Республика Ингушетия	7,5	0	0	7,5
Кабардино-Балкарская Республика	1,8	0,2	17,2	19,2
Карачаево-Черкесская Республика	1,6	0,3	2,4	4,3
Республика Северная Осетия – Алания	3,8	0,4	2,4	6,6
Чеченская Республика	5,4	0,4	2,2	8,0
Ставропольский край	2,1	1,8	4,8	8,7

² Производство машин и оборудования лишь частично может быть отнесено к пятому укладу. Однако невозможность вычленения доли роботостроения обусловило допущение, что эта статья полностью представлена роботостроением.

Несмотря на то, что доля южнороссийских регионов в общероссийском экспорте технологий и услуг технологического характера растет (с 4,61% в 2005 г. до 6,65% в 2011 г.), республики Юга России по-прежнему не вовлечены в процесс как экспорта, так и импорта технологий и услуг технологического характера.

Формирование пятого и шестого укладов в экономике южнороссийских регионов детерминируются: 1) жесткостью технологических систем, не позволяющих адаптировать передовые технологии пятого и шестого укладов к производственному процессу на предприятиях, технологическая база которых относится к третьему и четвертому укладам; 2) отсутствием стимулов к внедрению инноваций и новых технологий; 3) утечкой квалифицированного персонала за пределы региона; 4) высокой стоимостью внедрения и коммерческого освоения нововведений на фоне невысокого инвестиционного потенциала большинства южнороссийских регионов (табл. 2).

Таблица 2

**Инвестиционный рейтинг регионов Юга России
(составлена по: (Инвестиционный рейтинг, 2012))**

Регион	Инвестиционный рейтинг (на 13.12.2012 г.)	
Республика Адыгея	3B2	Незначительный потенциал – умеренный риск
Республика Калмыкия	3C2	Незначительный потенциал – высокий риск
Краснодарский край	1A	Высокий потенциал – минимальный риск
Астраханская область	3B1	Пониженный потенциал – умеренный риск
Волгоградская область	3B1	Пониженный потенциал – умеренный риск
Ростовская область	2B	Средний потенциал – умеренный риск
Республика Дагестан	3C1	Пониженный потенциал – высокий риск
Республика Ингушетия	3D	Низкий потенциал – экстремальный риск
Кабардино-Балкарская Республика	3B2	Незначительный потенциал – умеренный риск
Карачаево-Черкесская Республика	3C2	Незначительный потенциал – высокий риск
Республика Северная Осетия–Алания	3C2	Незначительный потенциал – высокий риск
Чеченская Республика	3D	Низкий потенциал – экстремальный риск
Ставропольский край	3B1	Пониженный потенциал – умеренный риск

Поэтому в среднесрочном временном горизонте эффективной в региональном масштабе является стратегия наращивания экспорта на рынках традиционной для Юга России продукции и импортозамещения или, по крайней мере, замедления темпов проигрыша внутреннего рынка, при одновременном формировании предпосылок перехода к инновационному развитию. В противном случае негативные эффекты деиндустриализации проявятся раньше и сильнее, чем будут получены позитивные эффекты от развития новых секторов экономики.

3. Драйверы регионального роста

Анализ товарной структуры экспорта и импорта Южного и Северо-Кавказского федеральных округов позволяет обозначить в качестве драйверов регионального роста производство продовольственных товаров, машин и оборудования (табл. 3). В рамках первого направления особое внимание должно быть уделено вопросам переработки местного сельскохозяйственного сырья. Инновационная компонента стратегии развития страны должна найти отражение в развитии инновационного южнороссийского агробизнеса, позволяющего создавать продукцию, обладающую яркой индивидуальностью, основанной на использовании комплекса свойственных только для

конкретного южнороссийского региона факторов, влияющих на производственную цепочку (от почвенно-климатических условий до конечного продукта).

Таблица 3

Товарная структура экспорта и импорта, % (составлена по: (Росстат, 2012. С. 986–987))

Товарная группа	ЮФО		СКФО	
	Доля группы в общем объеме экспорта	Доля группы в общем объеме импорта	Доля группы в общем объеме экспорта	Доля группы в общем объеме импорта
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	17,5	26	21,6	33,7
Продукция топливно-энергетического комплекса	63 (за счет Краснодарского края)	6,9	3,2	8,9
Продукция химической промышленности, каучук	2,8	9,8	55,5 (за счет Ставропольского края)	13,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,8	2,4	2,1	1,0
Металлы и изделия из них	9,9	19,8	4,9	5,6
Машины, оборудование и транспортные средства	2,7	25,6	6,8	30,5

Дальнейшее развитие производства машин и оборудования на новой технологической основе будет способствовать сокращению импортозависимости и распространению в южнороссийских регионах пятого технологического уклада.

4. Перспективы территориального развития

Наряду с необходимостью четкого понимания перспектив отраслевой политики Юга России, не менее злободневным является вопрос перспектив его территориального развития. В стратегических документах федерального уровня значительное внимание уделяется развитию отраслей и территорий, так называемых полюсов (осей) роста. При этом отсутствует концептуальная составляющая государственной политики развития сельских территорий РФ. Нет четкой позиции федерального центра относительно того, что делать с сельской периферией.

В последние годы широкое распространение получила точка зрения, в соответствии с которой нужно отказаться от поддержки «неэффективных» сельских поселений. Сторонники этой позиции ратуют за создание условий для трудовой миграции в экономически благополучные территории – полюса роста. Косвенно эта позиция реализуется в таких принимаемых на государственном уровне решениях, как отказ от малокомплектных школ, снижение внимания в рамках реализации государственной программы развития здравоохранения развитию фельдшерских акушерских пунктов.

Полагаем, что реализация подхода на ликвидацию «неэффективных» сел выступит катализатором роста социальной напряженности на юге России, будет стимулировать дальнейшую межрегиональную и внутрирегиональную дивергенцию, не позволит максимально полно использовать потенциал сельских территорий.

5. Зарубежный опыт развития сельских территорий

Для формирования стратегии развития сельской периферии Юга России возможно адаптировать опыт Европейского Союза и особенно – Франции. Бурный экономический рост в середине XX в. во Франции резко усилил темпы урбанизации, концентрацию экономических, культурных, политических и других важных событий страны в больших городах в ущерб развитию сельских территорий. Все эти факторы активизировали темпы миграции сельского населения в города, что обусловило риск опустения сельских территорий. Это послужило основанием для внедрения комплексного межведомственного подхода к решению проблемы развития сельских территорий и принятия в 1963 г. решения о создании агентства ДАТАР – межведомственного

инструмента восстановления равновесия между большими городами и сельской провинцией (*La France, 2004*). Создание ДАТАР позволило переломить тенденцию, в результате чего сегодня во Франции наблюдается диверсификация сельской экономики и дезурбанизация сельских территорий Франции.

На территории Юга России реализуется ряд программ, так или иначе связанных с развитием сельских территорий. Однако их различная ведомственная принадлежность и несогласованность между собой препятствуют получению синергетического эффекта от их реализации. В связи с этим полагаем целесообразным создание на федеральном уровне Фонда развития сельских территорий (аналогично ELER в ЕС) и Агентства развития сельских территорий (по аналогии с ДАТАР во Франции).

При рассмотрении вектора развития экономики регионов Юга России невозможно абстрагироваться от еще одной дилеммы, стоящей перед российским обществом, – выбора между институционально-либеральной и дирижистской моделями регионального экономического роста.

Суть институционально-либеральной модели заключается: 1) в повышении эффективности и комплементарности институциональной среды путем глубокой институциональной модернизации; 2) формировании широкого слоя неолигархических собственников средств производства (среднего и крупного бизнеса); 3) защите прав собственности; 4) содействии конкуренции, формирующей спрос на инновации; 5) обеспечении верховенства права и демократического общественного контроля за государственными органами.

В регионах Юга России сложность реализации институционально-либеральной модели взаимодействия государства и бизнеса объясняется рядом факторов.

Во-первых, несоответствие трансплантируемых или создаваемых институтов местным условиям обуславливает неоднозначность исхода институциональных реформ. Республики Юга России поддерживают консерватизм в политической и социальной сферах с преимущественной опорой на государство (крупные расходы бюджета, широкая раздача льгот, использование барьеров для предотвращения перемещения товаров и услуг); распространены геополитическая проблемность расположения или сепаратистские тенденции. Очевидно, что данные факторы приводят к росту транзакционных издержек, усложняют процесс институционализации в регионах.

Во-вторых, отмечается некомплементарность институциональной среды и местной специфики в Северо-Кавказских республиках. Для них свойственны патриархальность, быстрый рост населения за счет очень высокой рождаемости, влияние гендерных факторов на структуру занятости населения. Указанные тенденции формируют неформальные институты и могут стать причиной возникновения институциональных ловушек и пустот.

В-третьих, нецелевое использование институтов проявляется в эксплуатации информационной асимметрии, манипулировании институтами, использовании институтов в качестве прикрытия и «подчинении» институтов (*Полищук, 2008. С. 29*). Неполнота и несоответствие законов позволяют формально соблюдать их букву, осуществлять деятельность, противоречащую нормативно-правовым актам и замыслу соответствующего института. Нарушение законодательства в экономической сфере проявляется в виде незаконного предпринимательства, уклонения физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды, обмана потребителя и коммерческого подкупа (*Росстат, 2003. С. 42–43*).

В-четвертых, неразвитость инфраструктуры при увеличении нагрузок на инфраструктурные сети обуславливает диспропорциональность развития транзакционного сектора.

В-пятых, высокая степень неопределенности не позволяет точно оценить результаты экономического развития регионов и эффективность институциональной среды. Оценка динамики транзакционных издержек показывает, что институциональные преобразования, направленные на либерализацию рынка и спецификацию прав собственности, вопреки теоретическим построениям, не только не снижают транзакционные издержки, но ведут к их росту, что предопределяет незрелость институционального пространства регионов Юга России.

В-шестых, эффекты реализации институционально-либеральной модели имеют отложенный характер и в краткосрочном периоде могут приводить к снижению темпов экономического роста.

В этой связи возникает искушение выбора дирижистской модели, в которой государство является основным источником роста, определяя приоритеты развития и концентрируя на них политический и финансовый ресурс. Логика управленческих решений в отношении регионов Юга России реализуется именно в рамках этой модели. В качестве драйверов роста рассматривается

реализация государственных программ, предусматривающих замещение недостатка частных инвестиций целенаправленными государственными инвестициями.

Четко тестируются, как минимум, две ловушки, возникающие в рамках дирижистской модели. Первая обусловлена неэффективностью расходования государственных средств (уровень неэффективно расходованных средств федеральных целевых программ в СКФО составил в 2010 г. в общем объеме 16,6% при среднем показателе в Российской Федерации 13%) (Басаргин, 2010). Второй ловушкой дирижистских моделей является зависимость инвестиционной активности в регионе от уровня бюджетных доходов, которые в значительной мере определяются конъюнктурой мировых рынков энергоносителей и состоянием мировых финансовых рынков. Снижение доходов бюджета приводит к недофинансированию программ. В связи с обозначенными недостатками дирижистской модели регионального роста необходимо более широко использовать инструментарий институционально-либеральной модели.

ЛИТЕРАТУРА

Басаргин В.Ф. (2010). Значительно продвинулись программы по линии «Газпрома». Сопровождение по развитию СКФО. 23 января. Доступно на: government.ru/gov/priorities/docs/9114/

Инвестиционные рейтинги регионов России // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Доступно на: <http://raexpert.ru/ratings/regions/>

Полищук Л. (2008) Нецелевое использование институтов: причины и следствия // *Вопросы экономики*, № 8.

Росстат (2003). Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. М.

Росстат (2012). Регионы России. Социально-экономические показатели. Доступно на: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика (2013). Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.

Finanzierung aus dem Europäischen Landwirtschaftsfonds für die Entwicklung des Ländlichen Raumes (ELER) (2013). Available at: <http://www.smul.sachsen.de/foerderung/44.htm>.

Informations und Publizitätsvorschriften für die ELER-Intervention Förderperiode 2007–2013 (2012). Sachsen. Available at: http://www.smul.sachsen.de/foerderung/download/ELER_Informationen_.

La France, puissance industrielle. Une nouvelle politique industrielle par les territoires. Réseaux d'entreprises, vallées technologiques, pôles de compétitivité (2004). Paris. Available at: <http://www.datar.gouv.fr/sites/default/files/datar/syntheseFrancepuissanceindustrielle.pdf>.

REFERENCES

Basargin V.F. (2010). The programs related to «Gazprom» have advanced significantly. Meeting on North Caucasus Federal District Development. January 23. Available at: government.ru/gov/priorities/docs/9114/ (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) (2003). Crime and law order in Russia. Statistical aspect. Moscow. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) (2012). Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156. (In Russian.)

Investment rating of regions in the Russian Federation. Ranking Agency «Expert RA». Available at: <http://raexpert.ru/ratings/regions/> (In Russian.)

Polischuk L. (2008) Inappropriate use of institutes: causes and effects. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8. (In Russian.)

Strategy-2020: New Growth Model – New Social Policy (2013). The total report on expert work results on actual problems of socio-economic strategy of Russia until 2020. Book 1. Moscow: «Delo» Publishing House of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. (In Russian.)

Finanzierung aus dem Europäischen Landwirtschaftsfonds für die Entwicklung des Ländlichen Raumes (ELER) (2013). Available at: <http://www.smul.sachsen.de/foerderung/44.htm>.

Informations und Publizitätsvorschriften für die ELER-Intervention Förderperiode 2007–2013 (2012). Sachsen. Available at: http://www.smul.sachsen.de/foerderung/download/ELER_Informationen_.

La France, puissance industrielle. Une nouvelle politique industrielle par les territoires. Réseaux d'entreprises, vallées technologiques, pôles de compétitivité (2004). Paris. Available at: <http://www.datar.gouv.fr/sites/default/files/datar/synthesefrancepuissanceindustrielle.pdf>.

СИСТЕМОЛОГИЯ РАССЕЛЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

Г.А. ГРАЧЁВ,

кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник НИИ физики
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: gga48@bk.ru

Используя системный подход, автор показывает, что существующая в настоящее время региональная сетка РФ имеет энтропию, выходящую за пределы допустимых значений. Для исправления ситуации предлагается сократить количество регионов с 83 до 57. Вычислены коэффициенты, определяющие стратегию управления расселением населения для упорядочения региональной структуры РФ.

Ключевые слова: системный анализ; ранговое распределение; энтропия; оптимизация структуры.

SYSTEMOLOGY OF THE SETTLEMENT AND THE REGIONAL STRUCTURE OF RUSSIA

G.A. GRACHEV,

Candidate of Physics and Mathematics (PhD),
Leading Staff Scientist, Research Institute of Physics of the
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: gga48@bk.ru

Using a systematic approach, we have shown that existing regional network of the Russian Federation is characterized by the entropy level that goes beyond acceptable values. To improve the situation, it is proposed in the article to reduce the number of regions from 83 to 57. The coefficients defining the strategy for managing the resettlement of the population to organize the regional structure of the Russian Federation are calculated.

Keywords: system analysis; ranking distribution; entropy; structure optimization.

JEL classification: C52; R58.

По мнению многих специалистов, существующая в настоящее время в России система расселения (136 тыс. поселений) и федерального устройства (83 субъекта), доставшиеся ей в «наследство» от СССР, препятствует процессу демократизации хозяйственной деятельности и преодолению контрастов в социально-экономическом развитии территорий и поселений. Мировая практика показывает, что такие же проблемы периодически возникают во всех странах, это обусловлено необходимостью приведения регионального хозяйства в соответствие с требованиями времени. В большинстве случаев для корректировки системы расселения используют «закон Ауэрбаха» (Auerbach, 1913), из которого следует, что большие города России ещё «не доросли» до необходимого размера (World Bank, 2003). Деление страны на регионы во многом зависит от исторических особенностей формирования государства. Общепризнанными недостатками регионального устройства России считают деление страны на субъекты по национальному признаку и мало-

численность населения субъектов РФ. Действительно, в РФ в среднем на один регион приходится 1,7 млн человек, в то время как в США на один штат – 6,3 млн. человек, в Германии – 5 млн человек на одну землю. Исходя из этого предлагаются различные варианты укрупнения регионов России. Так, согласно исследованию В.В. Кистанова (*Кистанов, 1993*), для Российской Федерации достаточно 18 субъектов. В коллективной монографии (*Адамеску и др., 2003*) и более поздних работах этого же автора предлагается 28 губерний (*Кистанов, 2007*). По мнению Р.И. Попова, в РФ должно быть 24 равнозначных экономических макрорегиона (*Попов, 2010. С. 155*). Большой разброс мнений относительно оптимального для РФ количества регионов говорит об отсутствии единого подхода к решению проблемы.

Целью работы является описание основных закономерностей структурной организации целостных систем, использование которых, с учетом социально-экономических и геополитических факторов, может стать основой для оптимизации системы расселения и регионального устройства страны. Предлагается один из возможных вариантов новой региональной сетки РФ.

Пусть система состоит из N взаимосвязанных элементов, имеющих ресурс p_k , $\sum_{k=1}^N p_k = P$, где P – совокупный ресурс системы. Расположим элементы в порядке убывания их ресурсов и перейдем от размерных величин к безразмерным величинам $v_n = p_n/P$, $\sum_{n=1}^N v_n = 1$. В результате получим ранговое распределение системы, в котором элемент с наибольшим ресурсом будет иметь ранг 1, следующий за ним по величине – ранг 2 и т. д.

В настоящее время разработано множество моделей, позволяющих с различной степенью точности аппроксимировать ранговые распределения систем. Сравнительный анализ этих моделей показал, что наилучшую аппроксимацию ранговым распределениям во всем диапазоне рангов дает удовлетворяющая принципу Парето авторская модель целостных систем (*Грачёв, 2011*). Используя эту модель, ранговое распределение ресурса между элементами системы можно вычислить по формуле:

$$w_n = S_n - S_{n-1}, \quad w_1 = S_1, \quad n \in [1, N], \quad (1)$$

где $S_n = \frac{1}{Q} \sqrt[3]{1 - (1 - \gamma n / N)^3}$ – первообразная функция рангового распределения, γ – параметр модели, $\gamma \in [0, 1]$, $Q = \sqrt[3]{1 - (1 - \gamma)^3}$.

Максимальная дифференциация элементов в системе соответствует значению параметра $\gamma = 1$, минимальная $\gamma = 0$.

Поставим задачу определить значение параметра γ_{opt} , при котором система находится в устойчивом состоянии. В качестве меры структурной организованности системы возьмем нормированную энтропию К. Шеннона (*Шеннон, 1963*)¹:

$$H = - \sum_{n=1}^N v_n \log v_n / \log N, \quad 0 \leq H \leq 1.$$

Значение $H = 1$ говорит о том, что ресурс системы равномерно распределен между ее элементами ($v_n = 1/N$), как следствие, в системе отсутствует организованность. При $H = 0$ весь ресурс системы сосредоточен в одном элементе, т. е. из N взаимосвязанных элементов в системе остался только один элемент. Очевидно, что для оптимальных систем предельные значения H недопустимы. Из этого следует, что должен существовать интервал значений энтропии, в пределах которого система сохраняет свою целостность – число элементов в системе постоянно и между ними сохраняется устойчивая взаимосвязь.

Обозначим границы интервала допустимых значений H идентификаторами H_{min} , H_{max} и введем в рассмотрение структурную энтропию (СЭ) системы I :

$$I = \frac{H_{max} - H}{H_{max} - H_{min}}, \quad H \in [0, 1], \quad H_{min} > 0, \quad H_{max} < 1. \quad (2)$$

Из (2) видно, что в общем случае СЭ может принимать значения как меньше 0, так и больше 1. Однако у целостных систем значение СЭ по определению должно находиться в интервале от 0 до 1.

¹ Отметим, что в формуле энтропии упорядоченность величин v_n в явном виде отсутствует, но она неизбежно существует неявно.

Противоположностью СЭ является индекс неорганизованности системы V , определяемый соотношением

$$V = \frac{H - H_{\min}}{H_{\max} - H}.$$

Оптимальное значение энтропии H_{opt} можно определить из уравнения равенства противоположностей: $I = V$ (Пригожин, Стингер, 1986, с. 199). Решая это уравнение, находим

$$H_{\text{opt}} = 0.618H_{\min} + 0.382H_{\max} = H_{\min} + 0.382\Delta H, \quad (3)$$

где $\Delta H = H_{\max} - H_{\min}$.

Из (3) видно, что H_{opt} зависит от $H_{\min}$, $H_{\max}$ и «золотого сечения» ширины интервала допустимых значений энтропии ΔH . Полученный результат говорит о том, что «золотое сечение» соответствует равновесию между порядком и беспорядком в системе при $H_{\min} = 0$ и $H_{\max} = 1$. Возможно поэтому оно воспринимается как гармония мироздания и широко используется в искусстве и архитектуре. Насколько известно автору, такой же подход к оценке H_{opt} впервые был использован А.И. Колковым в 1989 г. (Колков, 1989). Однако полученное им значение для H_{opt} не учитывает допустимых пределов изменения нормированной энтропии. Аналогичные неточности допущены в работах (Сороко, 1984; Подлесных, 2003).

Подставляя (3) в (2), получаем оптимальное для системы значение структурной энтропии I_{opt} :

$$I_{\text{opt}} = \frac{H_{\max} - H_{\text{opt}}}{H_{\max} - H_{\min}} = 0.618. \quad (4)$$

Зависимости $H_{\min}$ (штриховая линия), $H_{\max}$ (тонкая линия) и H_{opt} (толстая линия) от N для $3 \leq N \leq 100$, вычисленные с использованием модели (1), представлены на рис. 1.

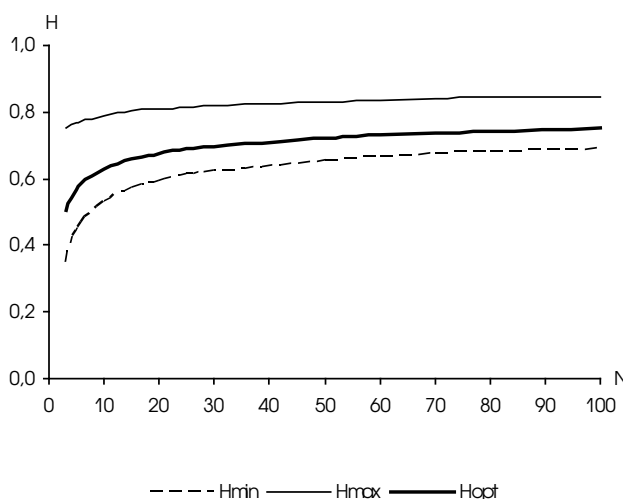

Рис. 1. Зависимость энтропии от числа элементов в системе

Из рис. 1 видно, что значения $H_{\min}$, $H_{\max}$ и H_{opt} увеличиваются с ростом N , а допустимый интервал значений H уменьшается. Из этого следует, что при увеличении числа элементов в системе требуется более жесткий контроль над их дифференциацией.

Численный анализ показал, что искомое значение параметра модели, соответствующее H_{opt} , не зависит от числа элементов в системе и равно $\gamma_{\text{opt}} \approx 0.7$. Вычисляя коэффициент Джини по формуле $J = 0.5 + 0.266\gamma$ (Грачёв, 2011, с. 54), находим $J = 0.687$, что говорит о том, что оптимальное ранговое распределение системы соответствует умеренной концентрации ресурса ($0.45 \leq J \leq 0.70$) (Гальперин и др., 2007).

Подставляя в (5) $N = 136094$, $\gamma = 0.7$ получаем $v_1 = 0.025$. Из этого следует, что при численности населения РФ 143 млн 347 тыс. человек и количестве населенных пунктов 136 094 оптимальная для РФ численность населения г. Москва должна составлять 3 млн 620 тыс. человек. Превышение необходимой для РФ численности населения г. Москва произошло в период существования СССР, когда Москва была столицей союзного государства с населением 280 млн человек и численность поселений заранее планировалась. По этой же причине сегодня существенно завышена и численность населения г. Санкт-Петербург (Грачёв, 2010). Однако в настоящее время прежний плановый рост численности населенных пунктов сменился на свободное поселение граждан в городах, исходя из привлекательности места для проживания. В результате, если раньше большие города неуклонно

передвигались вверх по иерархической лестнице, то сейчас они нередко перемещаются вниз, переходя из высшей категории в более низкую категорию. В наибольшей степени сократилась численность населения крупных городов (с числом жителей 500 тыс. человек и более). Из крупнейших городов самые большие потери в 1991–1996 гг. понесли Москва и Санкт-Петербург (соответственно, 364 и 256 тыс. человек). Выделяются также Иркутск, Пермь, Томск, Красноярск и Екатеринбург. Исследование современной системы расселения РФ с использованием модели (1) показало, что в настоящее время у РФ нет необходимости в увеличении численности населения крупных городов (Грачёв, 2010).

Таким образом, основой стратегии управления системой расселения РФ должно стать ограничение роста численности населения городов Москва, Санкт-Петербург и стимулирование мало задействованного в экономике РФ сельского населения к переселению в небольшие города и поселки городского типа (Грачёв, 2010). Выбор конкретных городов и создание условий для переселения в них сельских жителей Правительство РФ должно сделать исходя из стратегии региональной политики РФ.

Вычисление нормированной энтропии рангового распределения существующей региональной сетки РФ, состоящей из 83 субъектов, дало значение $H = 0.92$, которое выходит за пределы допустимых значений $H_{min} = 0.68$, $H_{max} = 0.84$, это подтверждает мнение специалистов, считающих, что существующая в настоящее время система административно-территориального деления РФ неэффективна и нуждается в оптимизации. В то же время вычисление нормированной энтропии рангового распределения региональной сетки РФ, состоящей из 28 губерний (см., табл. 1), дало значение $H = 0.95$, которое также выходит за пределы допустимых значений $H_{min} = 0.62$, $H_{max} = 0.82$.

Таблица 1

Региональная структура РФ из 28 губерний (Адамеску и др., 2003)

<i>n</i>	Губерния	$v_n, \%$
1	Центральная (г. Москва, Московская обл.)	13,4
2	Северо-Кавказская (Республика Дагестан, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край)	6,4
3	Северо-Западная (г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская, Псковская обл.)	6,3
4	Восточно-Уральская (Курганская, Свердловская, Челябинская обл.)	6,1
5	Волго-Донская (Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская, Ростовская обл.)	5,7
6	Средневожская (Пензенская, Самарская, Саратовская обл.)	5,0
7	Причерноморская (Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская республика, Краснодарский край),	4,4
8	Южно-Уральская (Республика Башкортостан, Оренбургская обл.)	4,3
9	Западно-Сибирская (Новосибирская, Омская, Томская обл.)	4,0
10	Южно-Сибирская (Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская обл.)	3,8
11	Волго-Камская (Республика Татарстан, Ульяновская обл.)	3,6
12	Восточно-Черноземская (Воронежская, Липецкая, Тамбовская обл.)	3,2
13	Западно-Уральская (Удмуртская республика, Пермская обл.)	2,9
14	Среднероссийская (Республика Мордовия, Нижегородская обл.)	2,9
15	Восточно-Сибирская (Республика Тыва, Хакасия, Красноярский край)	2,6
16	Обско-Иртышская (Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО)	2,5
17	Западно-Черноземская (Белгородская, Курская, Орловская обл.)	2,4
18	Прибайкальская (Республика Бурятия, Иркутская, Читинская обл.)	2,4
19	Северная (Республика Коми, Архангельская, Вологодская обл.)	2,3
20	Волго-Вятская (Республика Марий Эл, Чувашская республика, Кировская обл.)	2,3
21	Западная (Брянская, Калужская, Смоленская обл.)	2,3
22	Волго-Окская (Владимирская, Ивановская, Костромская обл.)	2,2
23	Тихоокеанская (Приморский край, Камчатская, Сахалинская обл.)	1,9
24	Приокская (Рязанская, Тульская обл.)	1,9
25	Верхневожская (Тверская, Ярославская обл.)	1,8
26	Приамурская (Хабаровский край, Амурская обл., Еврейская АО)	1,6
27	Карело-Мурманская (Республика Карелия, Мурманская обл.)	1,0
28	Северо-Восточная (Республика Саха (Якутия), Магаданская обл., Чукотский АО)	0,8

Сравнение данного рангового распределения с оптимальным распределением ($N = 28, \gamma = 0.7$) показано в логарифмическом масштабе на рис. 2.

Из рис. 2 видно, что основным недостатком предлагаемой в работе (Адамеску и др., 2003) региональной сетки РФ является заниженная численность населения в первой по рангу губернии и стремление разработчиков уравнивать численности населения в остальных губерниях, что повысило энтропию системы и уменьшило её организованность.

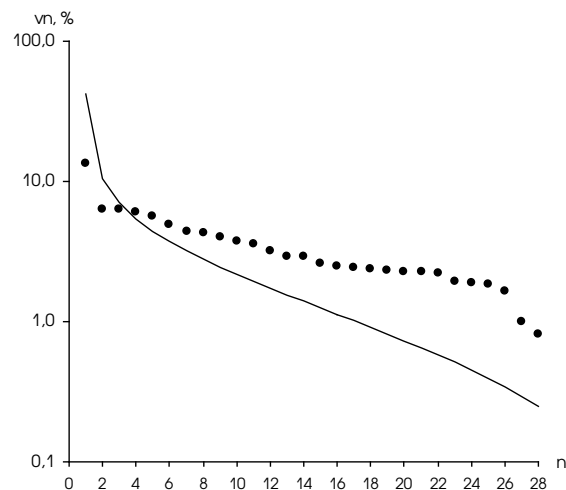

Рис. 2. Сравнение предлагаемого рангового распределения населения в 28 губерниях с оптимальным распределением

Для оценки оптимального количества регионов в РФ рассмотрим представленную на рис. 3, зависимость v_1 от N .

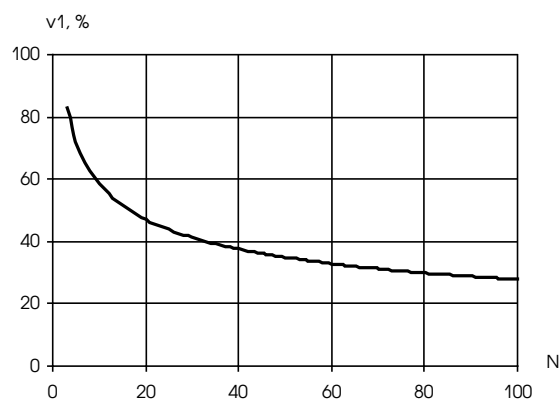

Рис. 3. Зависимость доли ресурса системообразующего элемента от числа элементов в системе

Из рис. 2 видно, что при 18 субъектах Федерации системообразующий регион должен включать в себя 48.7% населения страны, при 28 – 42.2%, при 83 – 29.5%. Отметим, что совокупная численность населения г. Москва и Московской области равна 12.8% всего населения страны. Поэтому такой регион по определению не может быть основой для сокращения субъектов РФ. Таким образом, уменьшение количества регионов в РФ возможно только при условии объединения г. Москва и Московской области с другими регионами РФ.

Возьмем в качестве системообразующего субъекта РФ Центральный федеральный округ (ЦФО), состоящий из 18 регионов: Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская область и город федерального значения Москва. Численность населения ЦФО по оценкам Госкомстата России в марте 2013 г. составляла 38 678 913 человек

или приблизительно 27 % всего населения. Оптимальное количество регионов для ЦФО $N = 109$, что также не дает формальных оснований для объединения других регионов РФ. Однако, учитывая стремление населения переселиться из неблагоприятных регионов в ЦФО и южные регионы РФ, рассмотрим представленный в табл. 2 один из возможных вариантов сокращения региональной сетки РФ с 83 до 57 регионов. Нормированная энтропия такой сетки $H = 0.8$ при значении $H_{min} = 0.66$, $H_{max} = 0.84$, $H_{opt} = 0.73$, $I = 0.22$. Таким образом, в отличие от существующей в РФ региональной сетки и сетки, разработанной в работе (Адамеску и др., 2003), предлагаемая система регионального деления РФ имеет энтропию в допустимых пределах. В то же время распределение численности населения в ней далеко от оптимума. Для устранения этого недостатка в табл. 2 идентификатором k_n обозначены множители, показывающие, во сколько раз необходимо увеличить (уменьшить) численность населения регионов для приведения региональной сетки к оптимуму. Сравнение рангового распределения предлагаемой региональной сетки РФ из 57 регионов с оптимальным распределением ($N = 57$, $\gamma = 0.7$) показано на рис. 4.

Из табл. 2 и рис. 4 видно, что путь к улучшению региональной сетки РФ лежит в содействии переселению населения из трудных для проживания регионов РФ в ЦФО, Ростовскую область и Краснодарский край. В целом численность этих трех регионов, при существующей в настоящее время численности РФ, должна быть увеличена приблизительно на 12 млн человек.

Таблица 2

Один из возможных вариантов новой региональной сетки РФ

Ранг	Субъект Федерации	v_n , %	k_n
1	Центральный федеральный округ	26,98	1,24
2	Ростовская обл., Краснодарский край	6,68	1,27
3	Свердловская область, Башкортостан	5,80	1,01
4	г. С.-Петербург, Ленинградская область	4,73	0,97
5	Челябинская и Тюменская области	3,40	1,12
6	Нижегородская и Кировская области	3,21	1,02
7	Республика Татарстан	2,67	1,08
8	Астраханская и Волгоградская области	2,51	1,02
9	Приморский край и Хабаровская область	2,29	1,01
10	Самарская область	2,24	0,94
11	Республика Дагестан	2,05	0,94
12	Красноярский край	1,99	0,90
13	Ставропольский край	1,95	0,85
14	Кемеровская область	1,91	0,80
15	Новосибирская область	1,89	0,76
16	Пермский край	1,84	0,73
17	Саратовская область	1,75	0,72
18	Иркутская область	1,69	0,70
19	Алтайский край	1,67	0,67
20	Оренбургская область	1,41	0,75
21	Омская область	1,38	0,72
22	Ханты-Мансийский авт. округ-Югра	1,10	0,85
23	Удмуртская Республика	1,06	0,84
24	Пензенская область	0,95	0,88
25	Чеченская Республика	0,92	0,87
26	Ульяновская область	0,89	0,85
27	Чувашская Республика	0,87	0,83
28	Архангельская область	0,84	0,82
29	Вологодская область	0,83	0,78
30	Забайкальский край	0,83	0,74

Окончание табл. 2

Ранг	Субъект Федерации	$v_n, \%$	k_n
31	Томская область	0,74	0,79
32	Республика Бурятия	0,68	0,82
33	Республика Саха (Якутия)	0,67	0,79
34	Калининградская область	0,67	0,75
35	Курганская область	0,62	0,77
36	Республика Коми	0,61	0,73
37	Кабардино-Балкарская Республика	0,60	0,71
38	Республика Мордовия	0,57	0,71
39	Амурская область	0,57	0,67
40	Мурманская область	0,54	0,67
41	Республика Северная Осетия-Алания	0,49	0,70
42	Республика Марий Эл	0,48	0,67
43	Псковская область	0,46	0,66
44	Республика Карелия	0,44	0,65
45	Новгородская область	0,44	0,62
46	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,38	0,68
47	Республика Хакасия	0,37	0,65
48	Сахалинская область	0,34	0,66
49	Карачаево-Черкесская Республика	0,33	0,64
50	Республика Адыгея	0,31	0,64
51	Республика Ингушетия	0,31	0,60
52	Камчатский край	0,22	0,77
53	Республика Тыва	0,22	0,74
54	Республика Калмыкия	0,20	0,76
55	Республика Алтай	0,15	0,95
56	Магаданская область, Чукотский автономный округ	0,14	0,91
57	Еврейская автономная область	0,12	0,98

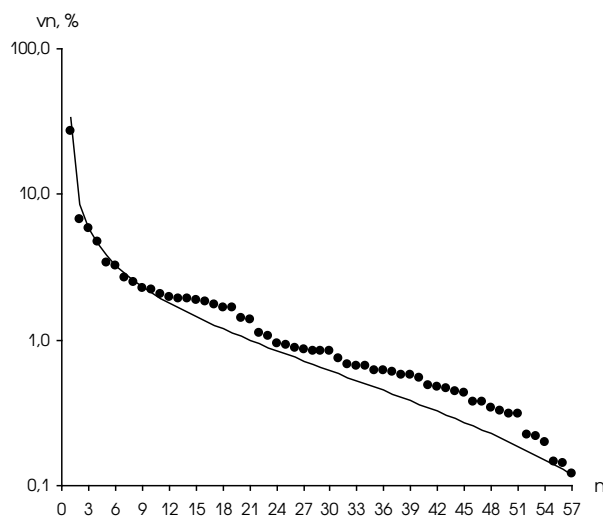

Рис. 4. Сравнение предлагаемой региональной сетки с оптимальной сеткой, состоящей из 57 регионов

Таким образом, с использованием системного подхода в работе показано, что, существующая в настоящее время региональная сетка РФ имеет энтропию, выходящую за пределы допустимых значений. Для исправления ситуации предлагается сократить количество субъектов Федерации с 83 до 57. Вычислены коэффициенты, определяющие стратегию управления расселением населения РФ. Продолжением исследований может стать оптимизация внутрирегиональных структур.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамеску А.А., Семенов П.Е., Тихомиров Ю.А., Штульберг Б.М. (2003). Государственно-территориальное устройство России: экономические и правовые основы. М.: ДеКА, 438 с.
- Гальперин В.М., Игнатъев С.М., Моргунов В.И. (2007). Микроэкономика, в 3-х т., т. 2. СПб.: Институт «Экономическая школа», 512 с.
- Грачёв Г.А. (2010). Модель оптимального состояния системы городского расселения // *Известия РАН. Серия географическая*, № 3, С. 46–51.
- Грачёв Г.А. (2011). Моделирование принципа Парето. Ростов-н/Д: Издательство ЮФУ, 224 с.
- Кистанов В.В. (1993). Государственно-территориальное устройство России – на экономическую основу // *Экономист*, № 8, С. 56–62.
- Кистанов В.В. (2007). Объединение регионов России (преимущества для управления и предпринимательства). К реформе территориального устройства. М.: Экономика, 151 с.
- Колков А.И. (1989). Гармония и творчество // *Вопросы психологии*, № 1, С. 83–90.
- Подлесных В.И. (2003). Теория организации. СПб.: Издательский дом «Бизнес-пресса», 336 с.
- Попов Р.А. (2010). Системология регионального хозяйства. М.: Высшая школа, 223 с.
- Пригожин И., Стингер И. (1986). Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 432 с.
- Сороко Э.М. (1984). Структурная гармония систем. Минск: Наука и техника, 264 с.
- Шеннон К. (1963). Работы по теории информации и кибернетике. М.: Иностранная литература, 830 с.
- Auerbach F. (1913). Das gesetz der bevölkerungs konzentrationen // *Peterman's Mittellungen*, vol. 59, pp. 74–76.
- World Bank (2003). Country Economic Memorandum (CEM) – Russian Federation.

REFERENCES

- Adamesku A.A., Semenov, P.E., Tikhomirov Y.A. and Stuhlberg B.M. (2003). The administrative and territorial structure of Russia: economic and legal basis. Moscow: DeKA Publ., 438 p. (In Russian).
- Galperin V.M., Ignatyev S.M. and Morgunov V.I. (2007). Microeconomics, in 3 volumes, vol. 2. Saint-Petersburg: The School of Economics, 512 p. (In Russian).
- Grachev G.A. (2010). The model of urban settlement optimal system status. *Izvestiya RAN. Geographical series*, no. 3, pp. 46–51. (In Russian).
- Grachev G.A. (2011) Pareto principle modeling. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ., 224 p. (In Russian).
- Kistanov V.V. (1993). The administrative and territorial structure of Russia – to put on the economic basis. *The Economist*, no. 8, pp. 56–62. (In Russian).
- Kistanov V.V. (2007). The association of regions of Russia (benefits for management and entrepreneurship). On the reform of the territorial structure. Moscow: Ekonomika Publ., 151 p. (In Russian).
- Kolkov A.I. (1989). Harmony and creativity. *Voprosy psichologii*, no. 1, pp. 83–90. (In Russian).
- Podlesnih V.I. (2003). The theory of organization. Saint-Petersburg: «Business Press» Publishing House, 336 p. (In Russian).
- Popov R.A. (2010). Systemology of the regional economy. Moscow: The Higher School Publ., 223 p. (In Russian).
- Prigogine I. and Stinger A. (1986). Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. Moscow: Progress, 432 p. (In Russian).

Soroko E.M. (1984). Structural harmony of systems. Minsk: Science and technology, 264 p. (In Belarussian).

Shannon K. (1963). Works on Information Theory and Cybernetics. Moscow: Inostrannaya Literatura Publ., 830 p. (In Russian).

Auerbach F. (1913). Das gesetz der bevölkerungs konzentrationen. *Peterman`s Mittellungen*, vol. 59, pp. 74–76.

World Bank (2003). Country Economic Memorandum (CEM) – Russian Federation.

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ КРЕДИТОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: КООРДИНИРОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА РЕГИОНА

Л.А. ШАФИРОВ,

кандидат социологических наук,
магистр делового администрирования (MBA),
докторант SKEMA Business School (Lille, France) и программы DBA Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: shafirov@mail.ru

В статье обоснована необходимость корректировки реализуемого Центральным банком РФ курса, акцентирующегося преимущественно на административно-экономических мерах в рамках кредитной политики, которые больше связаны с манипулированием количественными показателями кредитования населения и ужесточением требований к определенным категориям заемщиков, в отсутствие попыток переориентирования целей заемщиков, что, будучи эффективной мерой изменения качества институциональной среды в сфере кредитования населения, могло бы способствовать рационализации кредитного поведения заемщиков и его гармонизации с интересами субъектов малого и среднего предпринимательства. Обоснована координирующая роль органов местного самоуправления, выступающего важным фактором активизации ресурсов социального капитала для стимулирования местного и регионального экономического развития.

Ключевые слова: кредитование населения; социально-эффективное кредитование; институциональная политика; финансы развития.

THE ROLE OF LOCAL AUTHORITIES IN THE LENDING TO INDIVIDUALS SYSTEM: COORDINATING FOR THE REGIONAL ENTREPRENEURIAL COMMUNITY BENEFITS

L.A. SHAFIROV,

Candidate of Sociology (PhD), MBA (St. Gallen University),
Executive DBA Student
at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Executive PhD
Student at SKEMA Business School (Lille, France),
e-mail: shafirov@mail.ru

The paper focuses on the importance of changing the policy of the Central Bank of Russian Federation, which mainly aims at, by force of administrative measures, manipulating the quantitative parameters in individual lending, along with tighter requirements for certain groups of borrowers. Instead, the author argues, it appears more adequate to reorientate the purposes of the borrowers who today are, for the most part, are guided by the conspicuous consumption principle. Meanwhile, purpose of the loan is the important qualitative characteristic of the institutional environment in consumer lending. Rationalization of consumer lending, as the article confirms, could promote the local socio-economic development if synchronized with the interests of entrepreneurs of the region.

Coordinating function of the local authorities in development of socially responsible consumer lending is discussed.

Keywords: *lending to individuals; socially responsible lending; institutional policy; development finance.*

JEL classification: *G28, O18.*

Расширение кредитования физических лиц в Российской Федерации проявляется, в основном, в увеличении объемов и количества выданных кредитов. Так, за последние 5 лет совокупный портфель кредитов, предоставленных коммерческими банками РФ населению, увеличился более чем в 2,5 раза – на 5,3 трлн руб.¹ и составил 8,8 трлн руб.

В 2013 г. ЦБ РФ принял меры по охлаждению рынка кредитования населения, включая:

- увеличение требований к размерам резервов на возможные потери по кредитам, предоставленным населению (*КонсультантПлюс, 2013. Гл. 5*);
- применение с 1.07.2013 г. повышенных коэффициентов при расчете достаточности собственных средств (капитала) по кредитам, предоставленным гражданам на потребительские цели, если полная стоимость таких кредитов на момент выдачи составляет свыше 25% годовых (*Центральный банк..., 2013с. С. 34*).

Кроме того Центральным банком опубликована информация об очередных изменениях, которые, как предполагается, вступят в силу со следующего года (*Королева, 2013*). Соответствующие меры по сокращению темпов роста кредитования населения в целом и ростовщического кредитования в частности призваны, в первую очередь, нивелировать негативное влияние потребительского кредитования на макроэкономическую обстановку в стране и предотвратить увеличение системных рисков, связанных с бумом потребительского кредитования, для банковского сектора (*Моисеев, 2013*).

В качестве доказательства наличия в РФ значительного потенциала роста объемов потребительского кредитования политиками и банковскими лоббистами неоднократно использовался показатель, характеризующий отношение суммы задолженности домохозяйств по кредитным обязательствам к ВВП страны (*Кривов, 2012*). В РФ данный показатель составляет 12% (*Сангалова, 2013*), в США – чуть менее 80% (*Federal Reserve Bank..., 2013*), что дало повод предполагать наличие значительного потенциала роста объемов кредитования населения.

Однако макроэкономическая стабильность страны напрямую зависит от финансового положения домохозяйств. В этой связи особое значение приобретает анализ динамики показателей, характеризующих закредитованность домохозяйств. В данном контексте, Федеральный резерв США использует следующие показатели:

- Debt Service Ratio (DSR), рассчитываемый как отношение суммы совокупных платежей домохозяйств в погашение потребительских и ипотечных кредитов и процентов по ним к сумме совокупного располагаемого дохода домохозяйств (10,49% – по итогам первого квартала 2013 г. в США) (*The Federal Reserve Board, 2013*);
- Financial Obligations Ratio (FOR), рассчитываемый аналогично DSR, при том что к сумме совокупных платежей домохозяйств, вносимой в погашение потребительских и ипотечных кредитов и процентов по ним, прибавляется сумма иных финансовых обязательств: арендные платежи за аренду автомобиля и жилья, страхование жилья, налоги на имущество граждан (15,69% – по итогам первого квартала 2013 г. в США) (*The Federal Reserve Board, 2013*).

Расчет соответствующих показателей в российских условиях осложняется из-за отсутствия необходимых статистических данных о суммах кредитов, предоставленных гражданам небанковскими финансовыми посредниками, а также о суммах расходов граждан на оплату аренды жилья, в связи с непрозрачностью данного рынка.

Специалисты ЦБ РФ приводят данные о том, что значение показателя текущей долговой нагрузки, рассчитываемого как отношение суммарных выплат по основному долгу и процентам по банковским кредитам домохозяйств к денежным доходам населения за вычетом обязательных платежей (аналог DSR), увеличилось с 16,6% по состоянию на 1 октября 2011 г. до 19,9% за 2012 г.

¹ Рассчитано по: (*Центральный банк..., 2008; Центральный банк..., 2013а*).

(Центральный банк..., 2012. С. 31, 32). Сегодня основная часть должников живут в отдаленных небольших населенных пунктах (СИА, 2013b). Динамика банковских кредитов, предоставленных жителям Ростовской области, отражена на рис. 1, по состоянию на 1.09.2013 г. Общая сумма кредитов, за исключением предоставленных оперофисами «инорегиональных» банков и филиалов и в рамках дистанционного обслуживания, составила уже 234 млрд руб.² При этом сумма займов (кредитов) и сбережений, которые жители Ростовской области потратили за 1 квартал 2013 г., составила 6,9 млрд руб.³

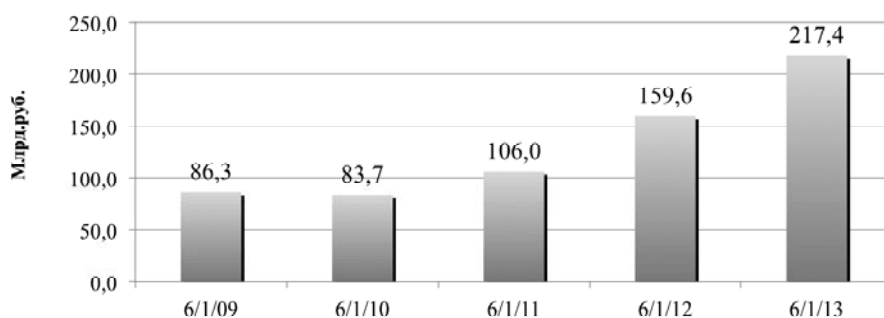

Рис. 1. Банковские кредиты, предоставленные жителям Ростовской области (без учета предоставленных оперофисами «инорегиональных» банков и филиалов и в рамках дистанционного обслуживания)⁴

При том, что Ростовская область находится на 41 месте по сумме банковских кредитов на душу населения в РФ (без ипотечных и жилищных кредитов), (значение данного показателя для Ростовской области – 41,5 тыс. руб., для РФ в целом – 43,5 тыс. руб.) (Руденко, Волкова, 2013), значение просроченной задолженности населения (рис. 2), которая составляет для РФ 2,7 тыс. руб./на душу населения, в Ростовской области она находится на уровне 2,4 тыс. руб./на душу населения (на 9,1% меньше, чем в среднем по стране; по состоянию на 1.09.2013 – 10,8 млрд руб.)⁵

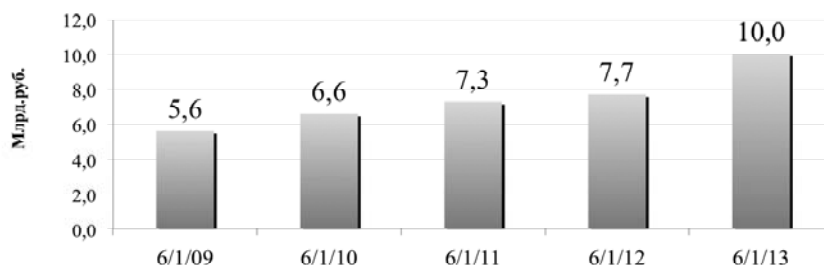

Рис. 2. Просроченная задолженность по кредитам, предоставленным жителям РО⁶

По мнению аналитиков ЦБ РФ, превышение значения показателя текущей долговой нагрузки в России над значениями данного показателя в развитых странах обусловлено особенностями структуры рынка кредитования физических лиц: преобладание краткосрочных (Моисеев, 2013) и «дорогих» кредитов на расходы (не относящихся к ипотечным кредитам, направляемым на приобретение жилья, а также к кредитам на приобретение автомобилей (61,5% на 1.04.2013 г. (Центральный банк..., 2013с. С. 35)).

Таким образом, в целях увеличения объемов кредитования реального сектора и обеспечения финансовой стабильности домохозяйств, финансовые власти РФ ужесточают требования к кредиторам, предоставляющим в первую очередь кредиты, используемые не на приобретение жилья и автомобилей (изменения в Положении 254-П, Инструкции 139-И). Кроме того, в недрах ЦБ РФ зреют планы по введению макропруденциальных инструментов, регулирующих

² (Центральный банк..., 2013d).

³ Рассчитано на основе: (Федеральная служба..., 2013а).

⁴ (Центральный банк..., 2013d).

⁵ Рассчитано на основе рис. 2 и (Федеральная служба..., 2013b).

⁶ (Центральный банк..., 2013d).

кредитный риск через соотношение стоимости залога, доходов заемщика и его задолженности (*Центральный банк...*, 2013b), при усилении взыскательности к расчету капитала, повышении оценок рисков, выработку «более взвешенных и правильных» подходов к созданию резервов по возможным потерям по ссудам (*РБК*, 2013). Фактически ЦБ РФ реализует и планирует реализовать административно-экономические меры в рамках кредитной политики (*Камаев*, 2002), ограничивая динамику потребительского кредитования (*Дементьева, Шестопал, Власова*, 2013), необоснованно, по мнению автора, пренебрегая рядом экономических и институциональных инструментов экономической политики, которые могли бы оказать положительное влияние на экономический рост, на сокращение рисков финансовой стабильности домохозяйств – заемщиков потребительских кредитов. При этом в риторике первых лиц государства доступность кредитных ресурсов для населения связывается преимущественно с политикой снижения ставки рефинансирования (*Совет Федерации...*, 2013).

Представляется, что в современных условиях приоритетным является не выработка мер, направленных на изменение количественных характеристик процессов кредитования (таких как регулирование динамики потребительского кредитования, манипулирование ставкой рефинансирования и т.д.), а воздействие на те цели, на которые банки предоставляют, а заемщики используют потребительские кредиты. В этой связи представляется актуальным проводимое в настоящее время автором данной статьи исследование потенциала и сдерживающих факторов, препятствующих получению и использованию заемщиками – жителями шахтерских монопромышленных городов Ростовской области – кредитов на цели, способствующие экономии расходов домохозяйств или росту их доходов в будущем, а именно:

- для развития садоводства и огородничества (социально-экономическая эффективность которых, в особенности для адаптации домохозяйств в условиях сокращения рабочих мест, обоснована как зарубежными (*Smit, Ratta, Nasr*, 1996; *Nordahl*, 2009), так и российскими (*Гимпельсон, Капелюшников*, 2005; *Рощина, Сухова*, 2010) учеными. Развитию данного направления кредитования могут способствовать как инициативы местных органов власти (*Земледельцы Красносулинского района...*, 2012; *Калининградская областная Дума*, 2012; *Министерство сельского хозяйства...*, 2013), так и специальные банковские предложения по выдаче кредитов (*РоссельхозБанк*, 2013);
- для газификации жилья (актуальность выдачи кредитов на эти цели подтверждается многочисленными обращениями граждан в органы власти по вопросу о содействии в газификации жилья даже в тех случаях, когда населенный пункт газифицирован, но у граждан нет средств на газификацию их домов (*Сазонова, Кривошеев*, 2013; *СИА*, 2013а; *Инициатива о разработке...*, 2012);
- сезонного оптового приобретения твердого топлива, овощей, фруктов;
- капитального ремонта жилья, в том числе в целях его утепления;
- оплаты образовательных услуг;
- организации надомной занятости;
- организации собственного дела;
- приобретения и строительства жилья.

В качестве одной из гипотез исследования, проводимого автором, выступает предположение о том, что местные сообщества посредством активизации ресурсов социального капитала, наряду с органами местного самоуправления, а также государственной власти регионального и национального уровня – посредством реализации экономических и институциональных мер – могут оказывать трансформирующее воздействие на кредитное поведение индивидуальных заемщиков и домохозяйств, в результате чего, за счет финансовых ресурсов потребительского кредитования, будет сформирован источник финансов развития («Development Finance») для местного и регионального экономического развития.

Социально-эффективное кредитование способствует, с одной стороны, увеличению доли социально-эффективного потребления в структуре совокупного спроса, наряду со стимулированием развития производственных технологий для снижения капиталоемкости производства товаров и услуг; с другой стороны – росту дополнительных доходов домохозяйств или снижению их расходов в будущем (*Шафиров*, 2013. С. 38).

Обоснование значимости конструирования релевантных мер как части институциональной политики государства, затрагивающей как формальные, так и неформальные институты и направленной на повышение эффективности потребительского кредитования, определяется иссле-

довательским потенциалом институциональной экономической теории, предполагающим, в частности, отказ от модели «экономического человека» как совершенно рационального, запрограммированного на максимизацию индивида, в рамках которой рационализация воспринимается как ориентация на достижение исключительно материальной выгоды в результате экономического расчета.

Характерная для институционального подхода концепция ограниченной рациональности предполагает, что люди всегда действуют в рамках определенных ограничений и институциональных рамок. При проведении современного экономического исследования невозможно игнорировать тот факт, что поведение людей во многом обуславливается привычками и социальными нормами (Ходжсон, 2003), а сфера их интересов в действительности включает не только денежные интересы и цели, но и иные устремления, в частности, соответствующие развитию сообществ, с которыми данные индивиды себя идентифицируют (Ефимов, 2013).

Кроме того, если речь идёт о долгосрочной перспективе, представления о рациональности, максимизации, выгодах и интересах приобретают особый смысл: если кредитные ресурсы, которые предполагается использовать для текущего потребления, направить на получение дохода в будущем, то в таком контексте для рационального расчета важны критерии гарантии и безопасности, что представляет собой элемент предпринимательского расчёта. При этом трактовка роли конкурентных отношений исключительно как отношений соперничества и стремления превзойти соперника любой ценой пагубна для современного экономического дискурса. Предприниматель не должен брать на себя ничем не обеспеченные финансовые обязательства или давать в долг ничем не подкрепленные денежные суммы лишь на основании личных симпатий (Вольчик, Оганесян, 2012. С. 124). Так, понятие рациональности, как и понятие максимизации, неизбежно подразумевает включённость экономических акторов в соответствующую институциональную среду, а корректно организованное взаимодействие органов власти и предпринимательского сообщества, основанное на четком структурировании соответствующих прав и обязанностей (Коммонс, 2012), может способствовать переориентации на социально ответственное кредитование.

С учётом вышесказанного, можно конкретизировать совокупность основных характеристик рационального кредита индивидуального заемщика, которые бы согласовывались с целями социально-экономического развития соответствующих местных сообществ:

- использование заемщиком кредитных ресурсов на цели роста его благосостояния в будущем;
- гармонизация целевого использования кредита со стратегическими целями развития региона и/или местного сообщества (определяемыми, например, региональными и муниципальными целевыми программами);
- кредит не приводит к росту закредитованности заемщика (по показателю текущей долговой нагрузки) до среднего по стране показателя; при этом остаток дискреционного дохода домохозяйства (после платежей в погашение кредита) не ниже прожиточного минимума;
- как неценовые условия кредита (сроки, порядок возврата, в том числе – график погашения кредита, требования к заемщику и к обеспечению), так и ценовые условия – не хуже средних рыночных;
- транзакционные издержки на получение и погашение кредита не должны превышать средних для страны (региона) показателей при получении аналогичных кредитов.

При этом размер совокупного кредитного лимита домохозяйства зависит от множества факторов (см. рис. 3).

Руководствуясь тем, что центральное для институциональной традиции понятие транзакции (Коммонс, 2012. С. 72) предполагает взаимодействие между людьми, то принятие во внимание целей участников транзакций важно для оценки эффективности этих транзакций. Цели участников кредитной системы как раз относятся к качественным факторам – факторам институциональной среды, – и воздействие на эти факторы, их корректировка означают возможность управления экономическими интересами посредством, в частности, изменения структуры экономических отношений, характера и ролей экономических субъектов в них.

Важной составляющей институциональной среды предпринимательства является специфическая хозяйственная этика, которая гармонизирует общественные отношения между группами, в разной степени вовлеченными в экономические процессы (Вольчик, Оганесян, 2012. С. 124). Под сферой общественно-экономических интересов понимается часть интересов государства и других субъектов хозяйствования совпадает (включая, например, налогообложение в разумных пределах, выделение государственных инвестиций и субвенций, тарифное стимулирование экспорта и др.).

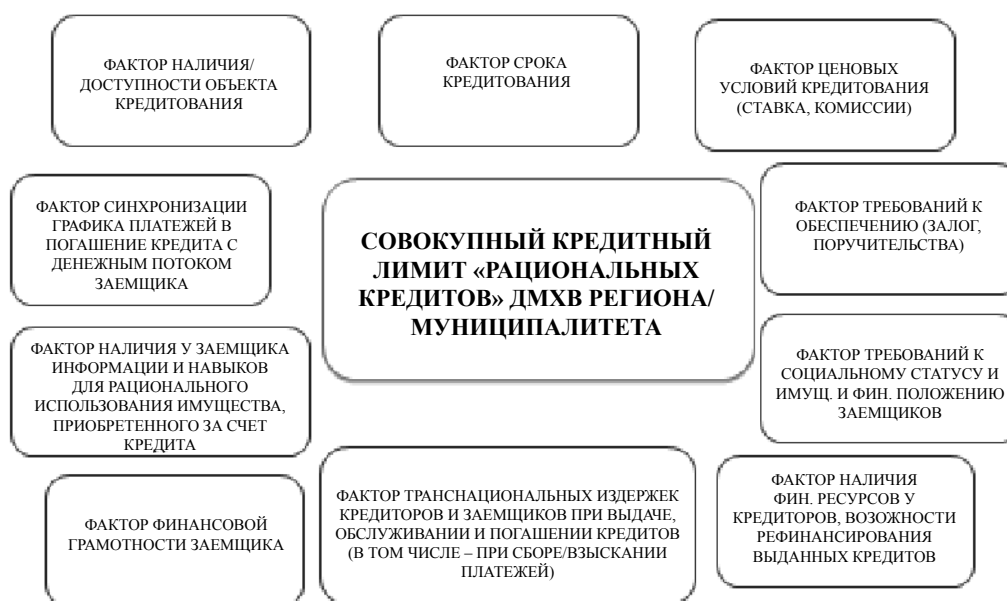

Рис. 3. Факторы, влияющие на размер совокупного кредитного лимита «рациональных кредитов» домохозяйств региона

Так, следует обозначить экономические интересы предпринимательского сообщества Ростовской области, связанные с системой кредитования населения региона, и обосновать значимость координирующей роли органов местного самоуправления в реализации этих интересов, которая определяется:

- необходимостью внебюджетных источников реализации муниципальных и региональных программ (что особенно актуально в случае дефицитности соответствующего бюджета);
- знанием потребностей субъектов малого и среднего предпринимательства (СМСП), коллективов, домохозяйств;
- потенциальной эффективностью в работе по снижению транзакционных издержек кредиторов, заемщиков, поставщиков объектов кредитования;
- знанием лидеров общественного мнения для соседского мониторинга, группового воздействия на должников;
- наличием информации о социальном статусе, имущественном и финансовом положении заемщиков;
- зависимостью налоговых источников местного бюджета (имущественные налоги, налоги на доходы СМСП) от результатов рационального потребительского кредитования.

Соответствующие экономические интересы предпринимательского сообщества Ростовской области таковы:

- 1) доступность кредитов на собственные потребительские цели предпринимателей;
- 2) увеличение объемов продаж производимых субъектами малого и среднего предпринимательства региона товаров, работ, услуг жителям (заемщикам потребительских кредитов) Ростовской области и иных регионов;
- 3) лояльность сотрудников СМСП как работодателей жителей (заемщиков) региона; рост уровня благосостояния заемщиков и сокращение финансовых рисков домохозяйств сотрудников;
- 4) устойчивое социально-экономическое развитие региона.

В частности, для трансформации сумм потребительских кредитов из источника преимущественно демонстративного потребления⁷ в источник местного экономического развития органы местного самоуправления могут способствовать сокращению рисков заемщиков и банков, наряду со снижением транзакционных издержек участников кредитных отношений. На практике это может реализовываться в поддержке органами местного самоуправления, помимо субсидирования процентной ставки или первоначального взноса для поддержки целевых накоплений, таких мер повышения доступности потребительских кредитов на собственные нужды для предпринимателей, как:

⁷ Как обосновано, например, в работе (Шафиров, 2013).

- создание региональных и муниципальных гарантийных фондов и предоставление банкам их поручительств в обеспечение рациональных потребительских кредитов;
- развитие предложений финансово-кредитных организаций, реализация которых связана с социальной ответственностью, повышением финансовой грамотности заемщиков (*РИА Новости, 2013*);
- информационно-консультационное (кредитное консультирование (*Loonin, Plunkett, 2003*) и кредитный брокеридж), правовое, экспертное сопровождение для получения и эффективного использования рациональных потребительских кредитов и продукции СМСП региона, для реструктуризации проблемных долгов;
- формирование «коллективных», «оптовых» заявок жителей улиц, поселений, городов, районов на рациональные потребительские кредиты и на товары, работы, услуги СМСП региона, оплачиваемые за счет этих кредитов;
- облегчение доступа к информации об имущественном и финансовом положении потенциальных заемщиков;
- развитие регионального и муниципальных ипотечных операторов, Агентства жилищных программ, деятельность которых направлена на поддержку строительства индивидуальных и многоквартирных жилых домов в Ростовской области;
- утверждение списка приоритетных целей потребительского кредитования жителей, гармонизированных с целями социально-экономического развития Ростовской области и муниципалитетов;
- создание регионального (одного или нескольких) и муниципальных операторов по снижению уровня долговой нагрузки населения и поддержке рационального потребительского кредитования, увеличению платежеспособного спроса домохозяйств на продукцию, производимую предпринимателями региона;
- организация демонстрационных полигонов⁸ домохозяйств для демонстрации схем и результатов рационального кредитования (в частности, самозанятости, в том числе аграрной занятости, надомного труда, кредитов для утепления и капитального ремонта жилья),
- сокращение инженерно-инфраструктурных и административных барьеров для рационального использования заемных средств самозанятыми гражданами – жителями Ростовской области;
- бесплатное и льготное правовое обслуживание жителей региона в целях реструктуризации их задолженности по потребительским кредитам, списания необоснованных требований кредиторов;
- организация взаимодействия СМСП (поставщиков и подрядчиков товаров, работ и услуг) с жителями региона (потребителями, в том числе лидерами общественного мнения) и их работодателями для продвижения собственных товаров, работ, услуг.

Для проводимого исследования и конструирования мер экономической и институциональной политики, направленной на трансформацию целей использования кредитов, представляется актуальным исследование работы кредитных организаций, ориентирующих свою деятельность не на кредитование в целях потребления, а на социально-ориентированное кредитование, направленное на решение проблем бедности и занятости населения, которое ученые относят к категории «социальные банки» (*Weber, Remer, 2011; Brodbeck, 2013; Vandemeulebroucke, Beck, Käuefer, 2010; Benedikter, 2011; Guene, Mayo, 2001*). Тем более что, как отмечается исследователями, основным драйвером ухудшения ситуации в плане закредитованности заемщиков является предложение кредитов со стороны банков, а не спрос на них со стороны заемщиков (*Шестопал, Хвостик, 2013*). Таким образом, ожидаемыми результатами будущего исследования должно стать выявление инновационных мер муниципальной и региональной политики, новых подходов в сфере потребительского кредитования, которые могли бы оказать положительное влияние на местное социально-экономическое развитие, а также предложения по практической реализации соответствующих мер.

ЛИТЕРАТУРА

Вольчик В.В., Оганесян А.А. (2012). Институциональные условия предпринимательской деятельности в контексте последствий глобализации // *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 2, ч. 3, с. 122–125. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2012/journal10.2.3.pdf>.

Гимпельсон В., Капелюшников Р. (2005). Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 36 с. Доступно на: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216408139/WP3_2005_05.pdf.

⁸ См., например: (*Дончевский, Шафиров, Устина, 2013*).

Дементьева С., Шестопал О., Власова Н. (2013). ЦБ и Минфин сошлись на потолке // *Коммерсантъ*, № 174 (5205), 25 сентября. Доступно на: <http://www.kommersant.ru/doc/2304407>.

Дончевский Г.Н., Шафиров Л.А., Устина Н.А. (2013). Демонстрационно-технологический полигон как средство инноватизации результатов научной деятельности в области управления муниципальными образованиями // *Вопросы регулирования экономики (Journal of Economic Regulation)*, т. 4, № 2, с. 69–86. Доступно на: <http://hjournal.ru/journals/jer4.2.pdf>.

Ефимов В.М. (2013). От машин удовольствия к моральным сообществам (Размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 5, № 2, с. 7–47. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/08/10/1251247886/jis5.2-2.pdf>.

Земледельцы Красносулинского района, Луково и Зверевое объединяются. (2012). Доступно на: <http://www.shafirov.ru/novosti-i-meropriyatiya/item125>.

Инициатива по разработке и принятию областной программы содействия гражданам в газификации жилья. (2012). Доступно на: <http://www.shafirov.ru/zakonodatelnie-initsiatiivi/-initsiativa-o-razrabotke-i-prinyatiyu-oblastnoy-programmi-sodeystviya-gragdanam-v-gazifikatsii-gilya>.

Калининградская областная Дума. Официальное интернет-представительство (2012). Форум садоводов и огородников, 27 апреля // Доступно на: <http://duma39.ru/deputies/nikulin/news/6393/>

Камаев В.Д. (2002). Экономическая теория. Доступно на: <http://uchebnik-besplatno.com/ekonomicheskaya-teoriya-uchebnik/instrumentyi-ekonomicheskoy-politiki.html>.

Коммонс Дж.Р. (2012). Институциональная экономика // *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 3, с. 69–76. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>

КонсультантПлюс (2013). Положение о порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности (утв. Банком России 26.03.2004 № 254-П) (ред. от 06.09.2013) (Зарегистрировано в Минюсте России 26.04.2004 № 5774). Доступно на: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152449/

Королева А. (2013). Защита от риска // *Expert Online*, 16 сентября. Доступно на: <http://expert.ru/2013/09/16/zaschita-ot-riska/>.

Кривов В.Д. (2012). Проблемы потребительского кредитования в регионах (материалы заседания Межрегионального банковского совета при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) // *Аналитический вестник*, № 16 (459). Доступно на: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/16_459/VSF_NEW_16_459.pdf.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области (2013). Коллективное садоводство. Доступно на: <http://www.don-agro.ru/index.php?id=103>.

Моисеев С. (2013). Кредитная угроза: чем закончится бум потребительского кредитования // *Forbes*, 23 апреля. Доступно на: <http://www.forbes.ru/finansy/rynki/238128-kreditnaya-ugroza-chem-zakonchitsya-bum-v-potrebitelskom-kreditovanii>.

РБК (2013). ЦБ: Рост рынка потребительского кредитования надо «охладить» до 20% // *РБК*, 2 октября. Доступно на: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20131002132040.shtml>.

РИА Новости (2013). ФК «УРАЛСИБ» подтвердила курс на социально ориентированный бизнес // *РИА Новости*, 17 октября. Доступно на: <http://ria.ru/economy/20131017/970731208.html>.

РоссельхозБанк (2013). Кредитование населения. Доступно на: <http://www.rshb.ru/natural/crediting/>

Рощина Я.М., Сухова А.С. (2010). Факторы частного сельскохозяйственного производства российских домохозяйств // *Экономическая социология*, т. 11, № 2, с. 21–53. Доступно на: http://ecsoc.hse.ru/data/2010/03/31/1234590642/ecsoc_t11_n2.pdf.

Руденко П., Волкова О. (2013). Долговая карта России: где живут самые закредитованные россияне // *Forbes*, 11 сентября. Доступно на: <http://www.forbes.ru/infographics/finansy/igroki/244502-dolgovaya-karta-rossii-gde-zhivut-samye-zakreditovannye-rossiyane>. Дата доступа: 10.10.2013.

Сазонова О., Кривошеев К. (2013). Газификация области: миссия невыполнима // *Аргументы недели Юг*, 13 марта. Доступно на: <http://argumentsweek.ru/donpanorama/111-gazifikaciya-oblasti-missiya-nevyopolnima.html>.

Сангалова И. (2013). Россияне оправились от кризиса и набрали долгов // *РБК. Личные финансы*, 15 февраля. Доступно на: <http://lf.rbc.ru/recommendation/potreb/2013/02/15/222564.shtml>.

СИА (2013а). Аналитический комментарий. Владимир Путин недоволен темпами газификации Дальнего Востока // СИА, 19 июля. Доступно на: http://sia.ru/?section=5798&action=show_news&id=264150.

СИА (2013b). «Времена, когда коллектор ассоциировался у россиян с битой, молотком и паяльником, прошли» // СИА, 28 октября. Доступно на: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=269862.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2013). Валентина Матвиенко предложила учесть международный опыт поддержания ставки рефинансирования ниже инфляции. 12 марта. Доступно на: <http://council.gov.ru/press-center/news/28229/>

Федеральная служба государственной статистики (2013а). Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2013 году. Доступно на: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812.

Федеральная служба государственной статистики (2013b). Численность и состав населения. Доступно на: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. Дата доступа: 9.10.2013.

Ходжсон Дж.М. (2003). Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета, т. 1, № 4, с. 11–30. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2003/journal1.4.pdf>.

Центральный банк Российской Федерации (2008). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2008 году. Доступно на: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_08.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627.

Центральный банк Российской Федерации (2012). Обзор финансовой стабильности. Доступно на: http://www.cbr.ru/analytics/fin_stab/fin-stab-2012_2-3r.pdf?pid=fin_stab&sid=ITM_31265.

Центральный банк Российской Федерации (2013а). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2013 году. Доступно на: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_13.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627.

Центральный банк Российской Федерации (2013b). Информация по проектам нормативных актов Банка России по регулированию деятельности кредитных организаций. Доступно на: http://www.cbr.ru/analytics/print.aspx?file=standart_acts/Projects/130913_41_info.htm&pid=project&sid=ITM_45688.

Центральный банк Российской Федерации (2013c). Обзор финансовой стабильности. Доступно на: http://www.cbr.ru/analytics/fin_stab/fin-stab-2012-13_4-1r.pdf?pid=fin_stab&sid=ITM_31265.

Центральный банк Российской Федерации (2013d). Сведения о кредитах, предоставленных физическим лицам, по состоянию на 1.09.2013 г. Доступно на: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=09&Year=2013&TblID=302-02M&pid=sors&sid=ITM_12916. Дата доступа: 10 октября 2013.

Шафиров Л.А. (2013). Современный бум потребительского кредитования в РФ: повышение социальной эффективности кредитования населения как мера антициклического регулирования // TERRA ECONOMICUS, т. 11, № 1, ч. 2, с. 34–42. Доступно на: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.1.2.pdf>.

Шестопал О., Хвостик Е. (2013). Занимательная бедность // Коммерсантъ, № 191 (5222), 18 октября. Доступно на: <http://www.kommersant.ru/doc/2322404?isSearch=True>.

Benedikter R. (2011). European Answers to the Financial Crisis: Social Banking and Social Finance. Available at: http://iis-db.stanford.edu/docs/526/social_banking.pdf.

Brodbeck H. (2013). Values in Internal Marketing – Living the Brand in Sustainable Banking. Baden-Baden: Nomos Verlag, 270 s.

Federal Reserve Bank of St. Louis (2013). FRED Graph. Available at: http://research.stlouisfed.org/fred2/graph/?graph_id=136424&category_id=7519.

Guene C., Mayo E. (eds.) (2001). Banking and Social Cohesion: Alternative Responses to a Global Market. Charlbury, Oxfordshire: Jon Carpenter Publishing.

Loonin D., Plunkett T. (2003). Credit Counseling In Crisis: The Impact on Consumers of Funding Cuts, Higher Fees and Aggressive New Market Entrants. A Report by The National Consumer Law Center and Consumer Federation of America, April 9. Available at: [file:///C:/Program%20Files%20\(x86\)/Opera/profile/temporary_downloads/credit_counseling_report.pdf](file:///C:/Program%20Files%20(x86)/Opera/profile/temporary_downloads/credit_counseling_report.pdf).

Nordahl D. (2009). Public Produce: The New Urban Agriculture. Washington DC: Island Press.

Smit J., Ratta A., Nasr J. (1996). Urban Agriculture: Food, Jobs, and Sustainable Cities. United Nations Development Programme (UNDP). New York.

The Federal Reserve Board (2013). Household Debt Service and Financial Obligations Ratios. Available at: <http://www.federalreserve.gov/releases/housedebt/default.htm>.

Vandemeulebroucke V., Beck K., Käuefer K. (2010). *Networking Social Finance*. Brussels, 140 p. Available at: http://www.social-banking.org/fileadmin/isb/Artikel_und_Studien/Networking_Social_Finance_Beck_Kaeufer_Vandemeulebroucke.pdf.

Weber O., Remer S. (eds.) (2011). *Social Banks and the Future of Sustainable Finance*. Routledge, 238 p.

REFERENCES

Commons J.R. (2012). Institutional Economics. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, pp. 69–76. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>. (In Russian.)

ConsultantPlus (2013). Regulations on the procedure of reserves formation, by credit institutions, for possible loan losses along with loan debts and similar debts losses (ratified by the Central Bank of Russia on March, 26, 2004 no. 254-P) (edited on September, 6, 2013) (Registered in the Ministry of Justice of Russian Federation on April, 26, 2004 no. 5774). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152449/ (In Russian.)

Donchevsky G.N., Shafirov L.A. and Ustina N.A. (2013). Demonstration-technological ground as a means of scientific findings implementation in municipal governance. *Journal of Economic Regulation*, vol. 4, no. 2, pp. 69–86. Available at: <http://hjournal.ru/journals/jer4.2.pdf>. (In Russian.)

Farmers of Krasnosulinskiy region, Gukovo and Zverevo join together. (2012). Available at: <http://www.shafirov.ru/novosti-i-meropriyatiya/item125>. (In Russian.)

Federal State Statistics Service (2013a). Incomes, expenditures and consumption of households in 2013. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812. (In Russian.)

Federal State Statistics Service (2013b). Statistics of population. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. Accessed on: 9.10.2013. (In Russian.)

Gimpelson V. and Kapelyushnikov R. (2005). Precarious work and the labor market in Russia. Preprint WP3/2005/05. Moscow: Government University Higher School of Economics Publ., 36 p. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216408139/WP3_2005_05.pdf. (In Russian.)

Hodgson G.M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 4, pp. 11–30. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2003/journal1.4.pdf>. (In Russian.)

Kaliningrad Regional Duma. Official website (2012). Forum of gardeners and horticulturists, April, 27. Available at: <http://duma39.ru/deputies/nikulin/news/6393/>. (In Russian.)

Kamaev V.D. (2002). Economic theory. Available at: <http://uchebnik-besplatno.com/ekonomicheskaya-teoriya-uchebnik/instrumentyi-ekonomicheskoy-politiki.html>. (In Russian.)

Koroleva A. (2013). Protection from risk. *Expert Online*, September, 16. Available at: <http://expert.ru/2013/09/16/zaschita-ot-riska/>. (In Russian.)

Krivov V.D. (2012). Problems of consumer lending in regions (proceedings of the meeting of the Interregional Banking Council of The Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation). *Analiticheskiy vestnik*, no. 16 (459). Available at: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/16_459/VSF_NEW_16_459.pdf. (In Russian.)

Ministry of Agriculture and Food of the Russian Federation (2013). Collective gardening. Available at: <http://www.don-agro.ru/index.php?id=103>. (In Russian.)

Moiseev S. (2013). Credit threat: the outcome of the boom in consumer lending. *Forbes*, April, 23. Available at: <http://www.forbes.ru/finansy/rynki/238128-kreditnaya-ugroza-chem-zakonchitsya-bum-v-potrebitelskom-kreditovanii>. (In Russian.)

RBC (2013). The Central Bank: The growth of the consumer credit market must be «cooled» down to 20%. *RBC*, October, 2. Available at: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20131002132040.shtml>. (In Russian.)

RIA Novosti (2013). Financial corporation «URALSIB» has confirmed the course towards socially oriented business. *RIA Novosti*, October, 17. Available at: <http://ria.ru/economy/20131017/970731208.html>. (In Russian.)

Roshchina Ya.M. and Sukhova A.S. (2010). Factors of Household Agricultural Activity in Russia. *Economic Sociology*, vol. 11, no. 2, pp. 21–53. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2010/03/31/1234590642/ecsoc_t11_n2.pdf. (In Russian.)

Rudenko P. and Volkova O. (2013). Debt map of Russia: where do the most over credited Russians live. *Forbes*, September, 11. Available at: <http://www.forbes.ru/infographics/finansy/igroki/244502-dolgovaya-karta-rossii-gde-zhivut-samy-zakreditovannyye-rossiyane>. Accessed on: 10.10.2013. (In Russian.)

Russian Agricultural Bank (2013). Lending to individuals. Available at: <http://www.rshb.ru/natural/crediting/> (In Russian.)

Sangalova I. (2013). The Russians have recovered from crisis having taken a lot of debts. *RBC. Private finances*, February, 15. Available at: <http://lf.rbc.ru/recommendation/potreb/2013/02/15/222564.shtml>. (In Russian.)

Sazonova O. and Krivosheev K. (2013). Supplying the Rostov region with with gas: mission impossible. *Argumenty nedeli Yug*, March, 13. Available at: <http://argumentsweek.ru/donpanorama/111-gazifikaciya-oblasti-missiya-nevypolnima.html>. (In Russian.)

Shafirov L.A. (2013). Contemporary boom of Russia consumer lending: improving the efficiency of social lending as a measure of countercyclical regulation. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 1, part 2, pp. 34–42. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.1.2.pdf>. (In Russian.)

Shestopal O. and Khvostik E. (2013). Wonder Poverty. *Kommersant*, no. 191, October 18. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2322404?isSearch=True>. (In Russian.)

Siberian Information Agency (2013a). An analytical commentary. Vladimir Putin is dissatisfied with the pace of supplying the Russian Far East with gas. *Siberian Information Agency*, July, 19. Available at: http://sia.ru/?section=5798&action=show_news&id=264150. (In Russian.)

Siberian Information Agency (2013b). «The times when the Russians associated the collection agencies with the club, hammer or solderer, have gone». *Siberian Information Agency*, October, 28. Available at: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=269862. (In Russian.)

The Central Bank of the Russian Federation (2008). Available at: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_08.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627. (In Russian.)

The Central Bank of the Russian Federation (2012). Financial stability review. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/fin_stab/fin-stab-2012_2-3r.pdf?pid=fin_stab&sid=ITM_31265. (In Russian.)

The Central Bank of the Russian Federation (2013a). Information about the risks of lending to individuals in 2013. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_13.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627. (In Russian.)

The Central Bank of the Russian Federation (2013b). Information on the draft enactments of the Bank of Russia on regulation of credit institutions' activity. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/print.aspx?file=standart_acts/Projects/130913_41_info.htm&pid=project&sid=ITM_45688. (In Russian.)

The Central Bank of the Russian Federation (2013c). Financial stability review. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/fin_stab/fin-stab-2012-13_4-1r.pdf?pid=fin_stab&sid=ITM_31265. (In Russian.)

The Central Bank of the Russian Federation (2013d). Information on loans to individuals, as of September, 1, 2013. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=09&Year=2013&tblID=302-02M&pid=sors&sid=ITM_12916. Accessed on: October, 10, 2013. (In Russian.)

The Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation (2013). Valentina Matvienko has proposed to consider international experience of maintaining the refinancing rate below the inflation one. March, 12. Available at: <http://council.gov.ru/press-center/news/28229/> (In Russian.)

The initiative for the development and adoption of a regional program to assist the citizens in supplying houses with gas. (2012). Available at: <http://www.shafirov.ru/zakonodatelnie-initsiativi/-initsiativa-o-razrabotke-i-prinyatiyu-oblastnoy-programmi-sodeystviya-gragdanam-v-gazifikatsii-gilya>. (In Russian.)

Volchik V.V. and Oganesyan A.A. (2012). Institutional conditions for entrepreneurship in the globalization context. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 2, part 3, pp. 122–125. Available at: <http://sfedu.ru/evjur/data/2012/journal10.2.3.pdf>. (In Russian.)

Yefimov V.M. (2013). From pleasure machines to moral communities (Reflections on a new book by Jeffrey Hodgson). *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 7–47. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/08/10/1251247886/jis5.2-2.pdf>. (In Russian.)

Benedikter R. (2011). European Answers to the Financial Crisis: Social Banking and Social Finance. Available at: http://iis-db.stanford.edu/docs/526/social_banking.pdf.

Brodbeck H. (2013). Values in Internal Marketing – Living the Brand in Sustainable Banking. Baden-Baden: Nomos Verlag, 270 s.

Dementjeva S., Shestopal O. and Vlasova N. (2013). Kommersant: the Central Bank and the Finance Ministry have agreed on the ceiling. *Banki.ru: monitoring of the banking press*, September, 25. Available at: <http://>

all-rss.com/item-1036415-kommersant-the-central-bank-and-the-finance-ministry-have-agreed-on-the-ceiling/#.UnVQN_nIZeM

Federal Reserve Bank of St. Louis (2013). FRED Graph. Available at: http://research.stlouisfed.org/fred2/graph/?graph_id=136424&category_id=7519.

Guene C. and Mayo E. (eds.) (2001). *Banking and Social Cohesion: Alternative Responses to a Global Market*. Charlbury, Oxfordshire: Jon Carpenter Publishing.

Loonin D. and Plunkett T. (2003). *Credit Counseling In Crisis: The Impact on Consumers of Funding Cuts, Higher Fees and Aggressive New Market Entrants*. A Report by The National Consumer Law Center and Consumer Federation of America, April 9. Available at: [file:///C:/Program%20Files%20\(x86\)/Opera/profile/temporary_downloads/credit_counseling_report.pdf](file:///C:/Program%20Files%20(x86)/Opera/profile/temporary_downloads/credit_counseling_report.pdf).

Nordahl D. (2009). *Public Produce: The New Urban Agriculture*. Washington DC: Island Press.

Smit J., Ratta A. and Nasr J. (1996). *Urban Agriculture: Food, Jobs, and Sustainable Cities*. United Nations Development Programme (UNDP). New York.

The Federal Reserve Board (2013). *Household Debt Service and Financial Obligations Ratios*. Available at: <http://www.federalreserve.gov/releases/housedebt/default.htm>.

Vandemeulebroucke V., Beck K. and Käuefer K. (2010). *Networking Social Finance*. Brussels, 140 p. Available at: http://www.social-banking.org/fileadmin/isb/Artikel_und_Studien/Networking_Social_Finance_Beck_Kaeufer_Vandemeulebrouke.pdf.

Weber O. and Remer S. (eds.) (2011). *Social Banks and the Future of Sustainable Finance*. Routledge, 238 p.

СОВПАДЕНИЕ ИДЕЙ: ОТ АНТИЧНЫХ ПИРАТОВ К НАУЧНОМУ СООБЩЕСТВУ (ГИПОТЕЗА М.К. ПЕТРОВА НА ФОНЕ ИСТОРИОГРАФИИ И НАУКОВЕДЕНИЯ)

В.П. МАКАРЕНКО,

доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
академик Национальной академии педагогических наук Украины, Северо-Кавказский НИИ
экономических и социальных проблем,
директор Центра политической концептологии,
e-mail: vpmakar@aaanet.ru

В статье описан концепт «человек-государство», сформулированный философом М.К. Петровым. Автор показывает сущностную спорность концепта. Формулирует комплекс противоположных утверждений: религиозная эсхатология не связана с психологическим напряжением перед нападением; процесс обучения творчеству свободен от административной тоски по всезнанию; генезис науки не связан с деятельностью пиратов и их разрушительно-творческими операциями над аграрным государством; творчество есть продукт свободного выбора, а не давления обстоятельств; канонизация любого текста в священное писание не блокирует универсальную способность творчества; сумма технологий менялась с античности до XVII в.; всякая рационализация открывает дорогу новому; социальность не состоит из стабилизирующих и творческих элементов; никакой связи между земледельческой общиной и государственным аппаратом не существует; развитие общества связано с постановкой таланта индивидов на службу стабильности; гражданские доблести существуют независимо от взаимосвязи профессиональных и государственных навыков; государство нужно даже тогда, когда оно не обеспечивает безопасность индивидов; конкуренции между государством, пиратами и земледелием не существует; государство безразлично к проблеме собственного выживания; пираты и земледельцы являются творцами государственности; государственная машина не должна соответствовать способностям человека, а человек должен подгоняться под ее требования; город не состоит из множества индивидов-государств, а законодательная и исполнительная деятельность не имеет к ним отношения. Для разрешения спора автор помещает его в контекст историографической концепции Фернана Броделя и теории дара Льюиса Хайда.

Ключевые слова: социальная философия М.К. Петрова; историографическая концепция Ф. Броделя; теория дара Л. Хайда; политико-философская компаративистика.

CONVERGENCE OF IDEAS: FROM THE ANCIENT PIRATES TO THE SCIENTIFIC COMMUNITY (M.K. PETROV'S HYPOTHESIS AGAINST THE BACKGROUND OF HISTORIOGRAPHY AND SCIENCE OF SCIENCE)

V.P. MAKARENKO,

Doctor of Political Sciences and Philosophy (DSc), Professor,
Honored worker of science of the Russian Federation,
Member of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine,
Director of the Center of Political Conceptology,
North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems,
Southern Federal University,
e-mail: vpmakar@aaanet.ru

The paper describes the «human-state» concept formulated by the philosopher M.K. Petrov. The author shows the controversies of the concept. A complex of the opposite assertions is stated in the article: religious eschatology is not associated with psychological stress before the attack; the process of creativity training is free from administrative longing for omniscience; the genesis of science is not related to the activities of the pirates and their creative and destructive campaigns at the agrarian state; creativity is the product of free choice, not the result of the pressure of circumstances; making scripture of any text by canonization does not block the universal ability of creativity; the sum of technologies has changed from antiquity to the XVII century; any rationalization opens the way for the new; sociality does not consist of stabilizing and creative elements; there is no connection between the agricultural community and the state apparatus; the development of society is associated with the use of individuals' talents to ensure stability; the civil virtues exists independently of the relationship between professional and public skills: the state is needed even if it does not provide security for individuals; the competition between the state, the pirates and agriculture does not exist; the state is indifferent to the problem of its own survival; pirates and farmers are the creators of statehood; the state apparatus must not correspond to abilities of a person, but a person must be adjusted to its requirements; a city does not consists of many individuals-states, and the legislative and executive activity has nothing to do with them. In order to resolve the dispute the author places it in the context of Fernand Braudel's historiographical concept and Lewis Hyde's theory of the gift.

Keywords: M. Petrov's social philosophy; F. Braudel's historiographical concept; the theory of the gift by L. Hyde; political and philosophical comparative studies.

JEL classification: N01, A13, A14.

Одна из сквозных тем творчества Петрова – анализ идеи бога как высшего авторитета. Он считал, что эта идея производна от становления реальных авторитетных инстанций. Появление нового типа социальности в античности было связано «...не с вторжениями и постепенной эволюцией способа производства, а со скачкообразными изменениями социальной структуры в специфических условиях Эгейского моря, когда в нем появились большие корабли, а с ними пираты, и островное земледелие попало в такие условия, в которых стало невозможно жить по-старому, в профессионально-кастовых рамках традиционного общества ближневосточного или египетского типа» (Петров, 1995. С. 64).

В. Ильенкову такое утверждение не понравилось: «Это «не... а» действительно не европейский способ мышления, а эклектический. Чем же эти скачки обусловлены? Откуда же сами пираты? Не оттого ли, что островное земледелие не могло прокормить будущих пиратов? Пираты сами следствие того же кризиса, который ты изобразил как следствие пиратства. Выдал – в стиле лучшего религиозного мифа – следствие за причину своего собственного следствия... Сын породил отца. Ты еще фыркаешь на Гегеля...».

«Пираты, крайний продукт разложения известной формы «репродукции» материальной жизни, – превращены в принцип создания новой формы жизни и «репродукции», – т. е. воспроизводства жизни. В этом есть та доля истины, что именно от продукта разложения формы жизни исходит инициатива ее разрушения. Но не созидания новой. Принцип «круши их рай, Атилла», – а там видно будет – это принцип Бакунина, Ткачева и т. п. – т. е. как раз классиков казарменного «коммунизма». Того самого, против коего выступали и Щедрин и Маркс именно с позиций защиты культуры (т. е. форм воспроизводства – «репродукции» в формах культуры, в ее рамках, а не вне их)».

На вразумление Петров отвечал: «Почитай, потом нервничай!» «Откуда вся эта чушь? Прочитай сначала» (Петров, 1995. С. 64).

Э.В. Ильенков обвинял Михаила Константиновича в активизме пиратского толка, анархизме и революционаризме. Что же пропустил мимо ушей Эвальд Васильевич?

Рукопись «Искусство и наука» была завершена 2 декабря 1968 г. – более двух лет спустя после рукописи «Пираты Эгейского моря и личность», в конце которой стоит дата 7 сентября 1966 г. Именно в ней Петров сформулировал гипотезу о генезисе европейской личности. В этой работе Петров проанализировал ряд конкретных проблем: социальное и политическое значение письменности и грамотности; мера нормальности и ненормальности цивилизаций; сравнительный анализ цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности; отношения

между пиратами-мореходами, земледельцами и государством; разрыв между словом и делом как конституирующий элемент цивилизации, основанной на науке; творчество и административная мистика. По каждой из проблем он высказал нетривиальные выводы. Рассмотрю концепт «человек-государство», поместив его в контекст спора между Ильенковым и Петровым.

Чтение

Петров *выводил* религиозную эсхатологию из психологического напряжения, которое присуще мореплаванию вообще и пиратству в особенности. Эти профессии наладили жесткий отбор характеров. В живых и свободных оставались творческие люди, остальные угнетались или уничтожались. Отсутствие оригинальности и инициативы стало невозможно – они были прямой дорогой на тот свет. На море возникла начальная школа творчества, в которой любая плохая оценка становится катастрофой.

Мореплавание способствовало генезису палубной структуры, которая состоит из: железной дисциплины (примат слова над делом, подчинение всех воле одного человека); использование подчиненной слову силы для решения ситуаций; оперативного предвидения вместо долговременных прогнозов. Возникает творческий хаос и синтез нового порядка. В результате действия палубной структуры пират превратился в единого, всемогущего и всеведущего творца. По отношению к нему все стали рабами божьими – «организованной пиратом-богом в акте творчества и отчужденной для исполнения рабами его воли системой практических отношений к миру: «христианским миропорядком»» (Петров, 1995. С. 227).

Процесс обучения творчеству состоит из двух потоков: продуктов творчества; продуктов административной тоски. В первом потоке каждое событие уникально, поскольку пират обладает самостоятельностью, изворотливостью, изобретательностью, смелостью, решимостью. В состав второго потока входят всем известные убеждения и стереотипы поведения: «начальство лучше знает»; поиск коллективной ответственности за неудачи; тоска по всезнанию, поскольку приходится прогнозировать уникальные события. Структура административной тоски напоминает структуру научной гипотезы, в которой всегда существует причинный вывод из новых и неизвестных посылок: «Прогнозирование в науке приобретает тот же синтетический смысл, что и деятельность пиратов на побережье Эгейского моря; разрушая естественный ритуал непознанного, наука синтезирует его в новый ритуал познанного и поставленного на службу человеку, то есть продельывает с природой разрушительно-творческую операцию того же типа, что и пираты продельвали над олимпийской государственностью» (Петров, 1995. С. 232).

При анализе любого общества (цивилизации) следует исходить из конфликта между двумя видами письменности: как особой профессии государственных писарей; как социального института. Всеобщая грамотность способствует становлению законов теории: запрет на повтор; связь каждого нового текста с наличными. Эти законы подталкивали античных авторов к принудительному творчеству. Канонизация любого текста в священное писание блокирует универсальную способность творчества. Поиск нового всегда связан с отрицанием всех существующих социальных отношений как ложных и неполных. Каждый обязан создавать свое особое отношение к миру. Оно является признаком гражданина и постоянным источником теоретической и политической смуты. Каждый человек-гражданин знает социальный ритуал и способен исполнить любую государственную должность.

Все виды деятельности требуют призвания и таланта. Политика – дело всех и каждого. Чтобы стать политиком, не требуется ничего, кроме возраста. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Человек-государство сам себе законодатель и исполнитель. Из таких индивидов состоит городская цивилизация.

Аграрная цивилизация устроена иначе: в любой момент можно переписать наличную «сумму технологий» – практических отношений к миру; номенклатура списка – это технологическая матрица, все элементы которой одинаково необходимы для существования общества и не могут быть уничтожены без компенсации новыми технологиями; технологическая матрица не менялась до XVII в.; Олимп – это универсальная система социальной памяти, сохранения и воспроизводства наличной социальной структуры и ее технологического ритуала; в этой системе все технологии распределены по конечному списку имен; имена объединены в матрицу кровно-родственными отношениями; при отсутствии всеобщего образования, газет и телевизора этот институт воспитывает новые поколения в преемственной связи с уходящими; возникает живое, органическое и действен-

ное единство отношений к миру; нет идеи всеобщего – действия, вещи, технологии, человека, бога вообще.

В такой системе рост теоретических и практических отношений к миру может происходить только при сохранении целостности технологического ритуала. Процесс накопления нового фрагментарен и пассивен. Для объяснения этого процесса Петров вводит понятие рационализации. Рационализация закрывает дорогу новому. Накопление новых отношений к миру – постоянный спутник деятельности человека. Интегрирующим основанием могут быть различные условия: зависимость от ремесла, связанная с необходимостью замены выходящих из строя орудий новыми; опасность внешнего нападения; природные условия. Первая группа условий остается постоянной величиной для всех аграрных цивилизаций, вторая и третья могут варьироваться и давать различные социальные структуры: «В этих условиях понять состав «ключа», привязывающего земледельческий род или общину к государственному аппарату, значит во многом понять специфику данной социальности, ее стабилизирующие и возмущающие элементы» (Петров, 1995. С. 197–198).

Петров сравнивал Грецию с Китаем по принципу специфики политической деятельности и анализировал аргументы о «научности» государственного управления Китая. В античности наука стала переносом в горизонт естественных явлений норм мысли и психологических установок, которые первоначально были выработаны в области социальных отношений. В Китае науки не было. Средиземноморское государство складывается как оборонительно-военная структура для защиты земледелия от внешних нападений. Глава китайского государства – это космологический регулятор типа министра по солнечным затмениям: «Критский ключ – военный, он расположен в горизонте внешнеполитических отношений. Китайский ключ – «естественен», он расположен в горизонте стихийных сил природы» (Петров, 1995. С. 199).

Петров сравнивал два вида обеспечения: госаппарата продуктами земледелия; земледелия продуктами государственного регулирования стихий природы. Пока все идет гладко, государство и община равнодушны. Но талант и изобретательность уже ставятся на службу стабильности. Полоса отклонений от нормы не допускает обобщений по единому основанию, из-за чего теория невозможна. Эффект совместных усилий администрации и общин стремится к нулю: технологический ритуал и бюрократия обеспечивают взаимную стабильность. В итоге возникает тупик – прогрессирующий паралич самосознания, из-за чего невозможно появление человека-государства с его способностью занимать в любое время по жребию государственный пост.

Человек-государство – это множество гражданских доблестей, которые невозможны без переплетения профессиональных и государственных навыков: «...полоса наложения не может ни возникнуть, ни развиваться в рамках государства как социальный институт или его внутреннее свойство, то есть новая социальность личного типа в принципе не может зародиться в недрах старой социальности профессионально-частного типа» (Петров, 1995. С. 205).

Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Крит был первым в истории морским государством, созданным ради защиты земледелия от морских набегов. Но искоренение этой угрозы означает разрушение основы государственной надстройки. Тем самым государство впервые попало в «чертов контур» (метафора Петрова) положительной обратной связи со следующими свойствами: возникла потребность в децентрализации военных сил; любое нападение вызывает ответ по укреплению именно этого слабого места; выравнивание оборонительного потенциала рассчитывается на большую (а не среднюю) опасность. За счет этого в пределах рода-общины накапливаются гражданские свойства. Автономность земледелия повышается за счет поглощения военно-оборонительной функции. Одновременно расширяется воспроизводство опасности морских нападений. Пираты выступают промежуточным продуктом и опосредующей сущностью. Возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием.

Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но ни пираты, ни община не связаны с государством общностью судьбы. Они выступают могильщиками государственности. Государство оказывается третьим лишним. Горстка пришельцев с моря в состоянии определить судьбу огромного государства. В результате каждый человек обладает свойствами пирата, земледельца и гражданина. Такое переплетение становится естественной чертой социального развития. Возможность тройного синтеза (земледелие-государственность-пиратство) – наиболее устойчивый продукт эгейской социальной кухни.

Так возникает совершенно новая способность «...в любой момент раскалывать единство теоретического и практического отношения к миру и активно отчуждать через слово практическое от-

ношение к миру для исполнения другими людьми, оставляя за собой монополию на теоретическое и на продукт отчуждения практических отношений» (Петров, 1995. С. 218). При этом возникает перенос центра тяжести на слово, которое мыслится носителем добра и определителем дела, тогда как в деле появляется и проявляется зло своеволия и неисполнения слова. Параллельно с ростом авторитета слова происходит развенчание дела. Дело переводится в разновидность причины беспорядочной, на все согласной и обязанной подчиняться слову материю древних. Из перечисленных посылок и феноменов Петров выводил определение философии как осмысления разрыва между словом и делом. В ней изначально отражены: способность говорить одно, а делать другое; творчество по слову, в котором помехи возникают при исполнении.

Теперь суммирую основные идеи концепта «человек-государство». Корни религиозной эсхатологии восходят к психологическому напряжению, которое связано с вероятностью нападения. Универсальный процесс обучения творчеству включает потоки продуктов творчества и административной тоски по всезнанию. Наука проделывает с природой ту же разрушительно-творческую операцию, которую проделывали пираты над аграрным государством. Творчество не есть продукт свободного выбора, оно возникает под давлением обстоятельств. Канонизация любого текста в священное писание блокирует творчество как универсальную способность. Сумма технологий не менялась с античности до XVII в. Всякая рационализация закрывает дорогу новому. Специфика социальности (включая ее стабилизирующие и творческие элементы) определяется связью между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом. Если талант и изобретательность ставятся на службу стабильности, общество попадает в тупик. Гражданские доблести невозможны до тех пор, пока нет наложения совокупности профессиональных и государственных навыков. Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Государство впервые попадает в чертов контур тогда, когда возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием. Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но судьба пиратов и общины никак не связана с государством. Они выступают могильщиками государственности. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Город состоит из множества индивидов-государств, которые сами себе законодатели и исполнители.

Как относиться к данному концепту? Чтобы его оспорить, надо быть готовым защищать комплекс противоположных утверждений. Сформулирую их по принципу отрицания главных идей Петрова: религиозная эсхатология не связана с психологическим напряжением перед возможным нападением; процесс обучения творчеству свободен от продуктов творчества и административной тоски по всезнанию; генезис науки не связан с деятельностью пиратов и их разрушительно-творческими операциями над аграрным государством; творчество есть продукт свободного выбора, а не давления обстоятельств; канонизация любого текста в священное писание не блокирует универсальную способность творчества; сумма технологий менялась с античности до XVII в.; всякая рационализация открывает дорогу новому; социальность не состоит из стабилизирующих и творческих элементов; никакой связи между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом не существует; развитие общества связано с постановкой таланта и изобретательности индивидов на службу стабильности; гражданские доблести существуют независимо от взаимосвязи профессиональных и государственных навыков: государство нужно даже тогда, когда оно не обеспечивает безопасность индивидов; конкуренция между государством, пиратами и земледелием не существует; государство безразлично к проблеме собственного выживания; пираты и земледельцы являются творцами государственности; государственная машина не должна соответствовать способностям человека, а человек должен подгоняться под ее требования; город не состоит из множества индивидов-государств, а законодательная и исполнительная деятельность не имеет к ним отношения.

Теперь каждый читатель может размышлять над комплексами приведенных противоположных суждений, а также над каждым из них в отдельности. Может выбрать, какой из комплексов суждений ему ближе по аксиологическим, когнитивным и политическим основаниям. Такой выбор нужен для того, чтобы: занять определенное место в споре между Петровым и Ильенковым; определить меру правоты того и другого; установить, какой из комплексов суждений ближе к истине. Понятно, что на выполнение этих задач могут потребоваться годы размышления и десятилетия исследований. В любом случае для разрешения спора требуется поместить его в контекст определенных теорий, не ограничиваясь при этом умозрительной рефлексией.

Возьму для примера обвинение Ильенковым Петрова в «активизме пиратского толка». Непонятно, против каких идей Петрова конкретно направлена критика Ильенкова. Имел ли он в виду суждения Петрова на темы социального и политического значения письменности и грамотности или меры нормальности и ненормальности цивилизаций или сравнительного анализа цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности или отношения между пиратами-мореходами, земледельцами и государством или разрыва между словом и делом как конституирующем элементе цивилизации, основанной на науке или же творчества и административной тоски? Ильенков по поводу этих проблем ничего не сказал, оценивая высказывания Петрова в рамках общей схемы воспроизводства социальности и социальных кризисов. Значит, критика Ильенкова бьет мимо цели и косвенно навязывает Петрову комплекс противоположных суждений.

Можно утверждать вполне определенно, что концепция «человек-государство» встроена в анализ всех указанных проблем и не существует в отрыве от них. Более того, данная концепция может рассматриваться как онтологический аргумент идеи Петрова относительно партии, в которой смыкаются идеология и наука. Я предлагаю: поискать пункт соотнесения взглядов Петрова с общими историческими концепциями, элементом которых является обсуждение темы пиратства в контексте Эгейского моря как части Средиземного моря и европейской культуры в целом. Иначе говоря, прав ли был Петров, высказывая суждение: «Морским разбоем здесь занимаются все»? (Петров, 1995. С. 66).

Контекст гипотезы

Петров был философом и написал работу «Пираты Эгейского моря и личность» в 1966 г. Историк Фернан Бродель опубликовал свой знаменитый трехтомник о Средиземноморье в 1949 г. Проблемы методологии исторического исследования в целом, а также школа «Анналов» в особенности обсуждались среди московских историков и философов уже в 1950-е гг. Знал ли Петров концепцию Броделя? Этот вопрос относится к области историографии творчества Петрова. Без ответа на него нельзя установить меру оригинальности взглядов Петрова. Во всяком случае, пунктом соотнесения взглядов Петрова на культуротворческую роль пиратства может служить концепция Фернана Броделя, посвященная цивилизации Средиземного моря, частью которого является Эгейский архипелаг. Поэтому я предлагаю рассматривать пиратскую гипотезу Петрова в контексте наиболее важных результатов исследования Фернана Броделя.

Образ человека. В трудах Броделя содержится определенное представление о человеке. Активный человек есть творец окружающей действительности. Он создает движение в социальном пространстве. На основе деятельности эволюционируют человеческие возможности-невозможности, возникают цивилизации, государства, империи, города, дороги, войны и мирное существование. Человек вписан в социальное пространство на основе жизнедеятельности. После рождения человек обнаруживает большее или меньшее число уже существующих форм активности. Сфера свободы человека определяется социальным пространством. Процессы длительной временной протяженности – это структуры действительности. Они определяют сферу возможного и невозможного действия и мысли. Изменчивость структур наблюдать трудно. Поэтому они воспринимаются людьми и социальными группами как постоянно действующие факторы социального бытия. Человек вплетен в социальное пространство с помощью подвижных конъюнктур. Они заполняют социальное пространство «живым движением». Участник такого движения творит и преобразует то, что устойчиво, меняет структурный облик своей среды.

Коллективная судьба человека вписана в историю социальных, культурных и конфессиональных классов и групп, городов, государств, цивилизаций, империй. Общества преобразуются медленно. Поэтому в конечном счете ответственность за преобразование социальных групп падает на конъюнктуры. Ослабленный ритм экономической жизни и относительный регресс вызывают поляризацию на богатых и бедных. Хорошая конъюнктура благоприятствует социальной активности и мобильности групп и классов. Господствующее положение занимают те, кто обладает средствами производства, землей, флотом, кораблями, сырьем, готовыми товарами. Поэтому вплоть до XVIII в. экономическое развитие на любом временном отрезке шло за счет «социального уничтожения».

Человек находится в кандалах своего социального окружения. На протяжении всей истории люди заключены в казематы – климата, флоры и фауны, земледелия, медленно возникающего равновесия, нарушение которого может привести к краху всего социального здания. Однако го-

сударственные мужи (типа Филиппа II или дон Хуана Австрийского) тоже несвободны: «Свободу каждого из них можно уподобить свободе человека, оказавшегося на маленьком островке или в тюрьме... Отрицаем ли мы значение индивида в истории, констатируя узость рамок его свободы? Я так не думаю, – пишет Бродель. – Я прихожу к парадоксальному выводу о том, что великим является тот человек действия, который отдает себе точный отчет в ограниченности своих возможностей, не пытается выйти за их пределы и использует силу неотвратимого, соединяя ее со своей собственной силой. Всякое усилие, направленное против глубинного течения истории – которое на поверхности далеко не всегда заметно, – заранее обречено на неудачу» (Бродель, 2004. С. 429–430).

История и социальные процессы возникают вследствие переплетения социально обусловленных действий, которые ведут к ментальным, структурным и конъюнктурным преобразованиям социальной системы. Любые действия человека определяются историческими барьерами возможности. В противном случае их значение и следствия нивелируются железными социальными законами, навязанными структурными и конъюнктурными процессами. «Проблема не сводится к отрицанию индивидуального на основании того, что над ним господствует случай, но на преодолении его, отделении индивидуального от сил, от него отличных, на противодействии истории, произвольно сведенной к роли определяющих ее течение героев. Мы не верим в культ этих полубогов, или, проще говоря, выступаем против наглых и односторонних слов Трейчке: «Люди творят историю». Нет, история творит людей и формирует их судьбу – история анонимная, глубинная и часто молчаливая» (Braudel, 1971. S. 28).

Всеобщность разбоя. Бродель рассматривал пиратство в контексте идеи об анонимной, глубинной и молчаливой истории, как частный случай общего феномена войны. Пиратство – элемент социальной системы, возникшей в Средиземноморье. Эта система обладала свойствами самодвижения, иерархической и функциональной организации, открытости и отсутствия трансцендентных целей. Насилие существует в разных сферах деятельности человека и элементах социальной системы. Поэтому война – постоянный элемент существования общества. Война как форма насилия включает множество разновидностей: массовые формы индивидуального насилия (грабеж, разбой, бандитизм, мятежи, пиратство, корсарство, крестовые походы, джихад и пр.); военные конфронтации империй, цивилизаций, государств, городов, человеческих групп. Так называемый мирный период не свободен от насилия. «На всем средиземноморском пространстве шла охота на людей, которых захватывали, продавали, терзали; им доводилось испытать все ужасы, несчастья и мученичество, сопряженные с пребыванием в этих «мирах концентрационных лагерей»... «В той мере, в какой Средиземное море в целом было зоной непрерывных братоубийственных конфликтов между родственными цивилизациями, война стала постоянной чертой его бытия, и она оправдывает и извиняет морской разбой»... «Пиратство не было привилегией одного берега, одной группы, одного человека, ответственного или виновного в нем. Оно было повсеместно распространено» (Бродель, 2003. С. 745, 744).

На морских и сухопутных дорогах господствовал разбой. «Полицейская хроника городской жизни бледнеет на фоне кровопролитной истории средиземноморского разбойничества, как две капли воды похожего на морское пиратство. Эти два вида разбоя сопровождают жизнь Средиземноморья с давних времен, их происхождение теряется в глубине веков» (Бродель, 2003. С. 557–558).

Насилие – это привычка, превратившаяся в обычай: «Беспорядки продолжаются ежедневно, ежегодно, на них обращают не больше внимания, чем на дорожные происшествия, и их участники, и пострадавшие, и свидетели, и репортеры, и само государство» (Бродель, 2003. С. 547). На всем пространстве социального мира насилие выступало его постоянным свойством. Его проявления определяются Броделем как «первичные и вторичные войны», «войны нищих», «дешевые войны», «социальные войны», «ежедневные войны», «партизанские войны». Они претендуют на статус природных и освященных традицией явлений, ведутся по привычке в соответствии с определенными правилами.

«Однако эти привычные и бросающиеся в глаза образы, – пишет Бродель, – не исчерпывают проблему средиземноморской войны во всей ее целостности. Большой войны – пожалуй. Но как только она останавливает свой ход, на передний край выходят второстепенные формы – морской и сухопутный разбой, которые, разумеется, существовали и до этого, но теперь распространяются вширь и заполняют пустоты, как мелкая поросль в виде кустов и перелесков сменяет поваленный лес. Поэтому следует говорить о разных «уровнях» войны, сопоставляя которые историки и социологи могут продвинуться в их понимании. Для нас важна диалектика взаимоотношений этих

форм» (Бродель, 2003. С. 710). Сравнение первичных и вторичных войн базируется на квалификации обоих как форм насилия.

Война была формой принудительного обмена на всем средиземноморском пространстве (Бродель, 2003. С. 764). Эту оценку Бродель высказал в отношении пиратства (корсарства). Пиратство усиливается в «мирные» времена, компенсируя недостатки обмена. Пиратство как принудительный обмен происходит часто «внутри» воюющей стороны, а не только против прежнего противника. Поэтому различия между пиратством и традиционной войной несущественны. Товары и люди с помощью войны являются предметом потребления и направленного оборота, не соответствующего течению нормального (мирного) обмена. В последнем случае мы имеем дело с возвратом равновесия в мире обмена людей и товаров. Эта постоянная форма социальной активности была принципом существования социальных групп жителей портовых городов. Например, в Алжире «Все зависит ... от объема и результативности операций корсаров, в том числе и пропитание последнего погонщика мулов в городе, чистота улиц, за которой следят многочисленные рабы, а тем более количество новых построек, дорогостоящих мечетей, богатых вилл» (Бродель, 2003. С. 764).

Самый фундаментальный аргумент Броделя звучит так: «Главным ... остается та прямо пропорциональная зависимость между пиратством и активностью средиземноморской жизни, я настаиваю на этом: они испытывают общие подъемы и общие спады. Если пиратство не оказывает существенного влияния на ход мирной торговли, это может объясняться снижением прибыльности этого занятия, вызванным, в свою очередь, общим средиземноморским упадком» (Бродель, 2003. С. 769). «Не было бы торговых кораблей, не было бы и корсаров» (Бродель, 2003. С. 764).

Стало быть, формы и фазы войны компенсируют мирные и немирные фазы и формы обмена. Но они вынуждены использовать ее исторически допустимым способом, чтобы не ставить под угрозу свое существование.

Войны как элемент социальной системы. Приведенные суждения Броделя показывают, как формы войны вписываются в социальную систему, как война с нею связана, какие выполняет в ней функции, какое значение имеет для функционирования целого. Войны как «пыль повседневности» сосуществуют с другими формами активности человека. Экономика, финансы, деньги всегда ангажированы в проведение войны. Инфраструктура войны всегда базируется на громадных расходах. Постоянные войны требуют постоянных расходов. Небольшие военные бюджеты иницируют определенную тактику (строительство сторожевых башен и крепостей, заселение приграничных мест для защиты, содержание гонцов и целых сетей разведывательных служб и т. п.). Все это определяет отношение между военными издержками и доходами государей. Устанавливает различия между воюющими сторонами, роль тактики, значение техники и их связь с материальными конъюнктурами: «Источая эти доходы, война оказывает влияние на все сферы человеческой деятельности. При этом, постоянно совершенствуясь и изобретая все новые орудия, она не знает удержу и выходит из всяких границ, загоняя тем самым себя в тупик. Хронический недостаток средств, бесконечные задержки жалования солдатам, нехватка вооружений – все эти трудности, вечно угрожающие правителям и неотвратимые, как ненастная погода, рано или поздно приводят к миру» (Бродель, 2003. С. 714).

Короче говоря, Бродель разработал сеть категорий для вписывания концепции человека и феномена войны в социальную систему. Основными понятиями анализа являются насилие, диалог, конъюнктура, ментальность, цивилизация, обмен, равновесие. Эти категории обладают общим и открытым характером и специфическим историческим смыслом. Супер- и микроцивилизации сами ведут (и в их сфере идут) различные войны в виде: форм социальной активности, заполняющей социальное движение-пространство; способов возвращения внутрисистемного равновесия; форм принудительного обмена; форм автокорригирования внутрисистемных отношений.

Войны – это формы движения с разными периодами осуществления. Среди них находятся постоянные войны, которые разыгрываются в соответствии с ритмами структур и длительных временных протяженностей. Все такие явления могут рассматриваться как постоянные и регулярно повторяющиеся. Броделя наиболее интересуют те формы войны, которые подчиняются движениям конъюнктур, или процессам среднего уровня.

Акцент на конъюнктурный уровень действительности и каузальный подход к истории ведет к анализу войны вне сферы событийной политики. Война в узком понимании обусловлена глубинными структурами, которые не в состоянии постичь хроникер и историограф-фактограф. Постоянные и сложные системы исторической действительности задают исторические необходимости, которые

толкают цивилизации, империи, государства, группы к войнам. По мере постижения глубинных пластов истории мы сталкиваемся с цивилизационной идентичностью обществ, которые «вынуждают» военные контакты внутри и вне системы.

Понятие войны включает разные формы насилия, существующие в социальной системе. Бродель сопоставляет традиционные причины войн с истоками «вторичных войн» и «социальных войн». Это позволяет универсализировать исторические предпосылки войн до цивилизационного уровня в пространственном и временном измерении. Тем самым объясняется наличие насилия в жизни обществ. Война – это элемент идентичности социальной системы. Способ сосуществования войны с другими элементами социальных систем выражает ее историческую специфику. Способ ведения войны характеризует того, кто ее проводит, является формой выражения своего бытия в мире.

Такой обзор явлений войны и насилия дает возможность дистанцироваться от влияния мировоззрения (как внутрикультурной системы ценностей) на толкование роли, значения и природы войны. Война включена в понятийную сеть, которая позволяет нейтрализовать анализ от аксиологических постулатов. Но отсюда не следует, что описание мира как социальной системы достаточно для дистанцирования от оценки в конкретном исследовании. Здесь решающим оказывается факт: Бродель описывает действительность как процессуальную реальность. Актерами в ней выступают процессы, подсистемы и состояния системы. Индивиды не являются актерами истории. В конечном счете творцами истории являются люди, которые образуют культурные группы, общества, классы, профессии. Эти группы выступают как целостности, подчиненные закономерностям, вызывающим их существование. Вследствие этого война не есть следствие, намерение, индивидуальный акт. Война – это процесс в системе и его движение, равновесие, разные функциональные потребности. «Природа системы» порождает разные формы насилия.

Короче говоря, Бродель занимает свою позицию в вечной дискуссии о природе войны. Натуралисты (Гоббс, Юм, Гроций, Кант, Арон и др.) главной причиной войны считают «человеческую природу». Бродель усматривает главную причину войны в «природе» социальной действительности. На множестве примеров из прошлого он показывает вездесущность форм войны как проявление насилия в рамках социальной системы.

Генезис войн обусловлен в конечном счете постоянством социальной дифференциации. Богатые и бедные существовали всегда. Дифференциация образует движение в обществе. Поэтому оно является источником принудительного внутрицивилизационного обмена, включая обмен между обедневшим бандитизмом дворянства и людьми, которые являются объектом их нападения.

Броделевский образ истории направлен против событий. Такое видение войны порождает аксиологические проблемы. События – это действия людей, случаи – это следствия действий индивидов. Событийная историография так или иначе занимается толкованием индивидуальных действий. Для этого она использует категории цели, смысла, намерений, мотиваций, цены действия. Эти категории относятся к ценностям. Итог очевиден: война, разбитая на цепи событий и отдельные события, вызываемые индивидами (здесь обычно выступает причинно-следственная связь или ее приписывание), вплетена в выборы, а это уже цели-ценности. Отсюда уже один шаг к обоснованию отдельных действий в концепциях «человеческой природы». В соответствии с такой логикой событийная историография занята установлением индивидуальных исполнителей и виновников (вожди, властители, генералы и т. д.). А причины войны усматриваются в «естественных» склонностях людей к злу, вражде, случайности, врожденной агрессивности и т. д.

Бродель не делает человека ответственным за войну, поскольку человек не отвечает за наличие войны в социальной системе. Человек не вызывает войны как возможную форму действий, он «только» «использует» такую возможность. За существование войн можно возложить ответственность на историю. Она оставила в наследство такую форму человеческой активности, которую пока не удалось ничем заменить. Войной занимались по мере мнимой необходимости. Война рассматривалась как нормальная форма активности, подобно всем другим (даже на корсарство давалась лицензия). Пиратство было занятием многих поколений людей, из поколения в поколение находили в нем обоснование для его существования. Оно было исторической возможностью и необходимостью.

Таким образом, историографическая концепция Ф. Броделя связана с идеей вездесущности насилия. Пиратство – часть войны как элемента социальной системы, формы насилия, цивилизационной активности и обмена. Война – это имманентное свойство истории.

В свете сказанного упрек Ильенковым Петрова в активизме пиратского толка теряет смысл. Быть может, высказывая этот упрек, Ильенков руководствовался общим христианским представле-

нием о пиратах как «врагах рода человеческого» (Дефо, 2010) и не вдумывался в реальную сложность проблемы? Между тем взгляды Петрова на пиратство соответствуют научной историографии разработки проблемы, а не являются следствием его философских предпочтений.

То же самое можно сказать относительно обвинений Ильенковым Петрова в анархизме.

Что такое анархическая стабильность?

На обсуждении первого издания книги «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» А.М. Старостин задал мне вопрос: «В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А что мне строить – в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?»

На вопрос я отвечал так: «Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преобразует мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей... Михаил Константинович Петров отвергал «науку для должности». Вот это и есть позитивная программа».

Здесь я попытаюсь развить высказанные соображения. Мой тезис звучит так: эта часть творчества М.К. Петрова связывает его социологию науки с современными исследованиями проблемы анархизма. В частности, концепция Хайда базируется на изучении громадного исторического, этнографического, экономического, социологического и юридического материала. Я подчиню изложение данного материала задаче систематизации тех моментов концепции Хайда, которые относятся к науке и совпадают с идеями Петрова.

Добровольная и вынужденная солидарность. Л. Хайд обсуждает проблемы науки в главе под названием «Общество». Вначале Хайд приводит две истории. Одна из жизни бушменов, вторая – из быта современного гетто.

В 1950-е гг. этнографы Лорна Маршалл с мужем жили в племени бушменов. При отъезде они подарили каждой женщине племени по одной большой и по двадцать мелких раковин – чтобы каждая сделала ожерелье. На следующий год супруги вернулись. Все раковины по одной были розданы всем членам племени. Такой способ распространения даров позволяет заменить атомизированные отношения индивидов обществом с более сложной организацией. Дар устанавливает и поддерживает связи между людьми, основанные на дружбе и любви. Если расширить циркуляцию дара за пределы обмена между двумя людьми, возникают сообщества (семья, гильдия, братство, шайка, община). Их структура основана на доверии и благодарности. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами – это гарантия анархической стабильности. Если группа связана дарами, то превращение их в товар вызовет ее раскол или уничтожение.

Вторую историю Хайд почерпнул из книги Кэрл Стэк «Вся наша родня». Она описывает отношение к собственности в городском гетто близ Чикаго. В этом черном квартале «родней» именуют всех, «на кого можно положиться». Каждая сеть состоит примерно из 100 человек.

Однажды Кальвин и Магнолия Уотерс получили наследство. Умер дядя Магнолии. Оставил ей по завещанию 1500 долларов. Впервые в семье возник запас денег. Пара надеялась купить на них дом. Но слух о привалившем богатстве распространился по родне. Появилась племянница и попросила у Магнолии одолжить ей 25 долларов – заплатить за телефон. Узнав о наследстве, Общество социального страхования урезало медицинскую страховку и лишило детей Магнолии талонов на бесплатные обеды. Потом заболел другой дядя Магнолии. Она с сестрой Огастой поехала за ним ухаживать. Купила билеты на поезд себе, сестре, трем племянникам. Едва вернулись, дядя умер. Пришлось опять тратиться на поездку. Затем умер «первый старик» Огасты, не оставив и цента на похороны. Сестра попросила Магнолию расплатиться с гробокопателями. Другая сестра просрочила за два месяца плату за квартиру. Магнолия оплатила и этот счет. Настала зима, дети и внуки (15 душ) были вынуждены сидеть дома – не было зимней одежды и теплой обуви для посещения школы. Магнолия и Кальвин купили всем пальто, шапки, ботинки. Кальвин купил себе башмаки. Через 6 недель деньги закончились.

На основе приведенных примеров Хайд фиксирует и анализирует три способа решения проблемы. Пара могла превратить свое состояние в капитал путем отделения от группы. Для этого надо было прекратить участие в оказании помощи родне. Третьим способом является обмен.

Какая же сестра «лучше» – жестокосердная или мягкосердечная? На этот трудный моральный вопрос нет однозначного ответа. Первая сестра отделилась от группы. Вторая мечтала выбраться из нищеты, а на деле раздала свое богатство и осталась в группе. Значит, конфликт между обществом и индивидом пронизывает политические и этические аспекты нашей жизни. Но приведенные истории иллюстрируют основной тезис Хайда: группа организуется, соединяется в целое и остается устойчивой лишь тогда, когда собственность внутри нее циркулирует как дар. Если обмен дарами прерывается или они превращаются в товар, группа распадается. Магнолия могла превратить свои деньги в товар, одолжив их под проценты. Чтобы получить свои долги назад, ей потребовались бы вышибалы долгов, полицейские, судьи и прочие атрибуты государства. Но тогда конфликт с родней стал бы очевидным.

Приведенные истории описывают группы бедняков. Они трижды думают, прежде чем хвалить свое общество. Не романтизируют угнетение и нужду. Вынужденно прибегают к взаимопомощи. Она теряет блеск, если у людей нет выбора. Однако суть дела не сводится к пустыне и гетто. Такое видение «общества дарения» подтверждается анализом научного сообщества.

Анализ научного сообщества. Что происходит, когда научное знание циркулирует как дар или же превращается в товар для продажи и извлечения прибыли? Для ответа на вопрос Хайд опирается на работы американского социолога Уоррена Хагстрема, который изучил организацию науки в США с точки зрения обмена идеями в науке. Обычно направляемые в журналы рукописи называются вкладками в науку. А по сути это дары – ведь журналы почти не платят гонораров таким «вкладчикам». Наоборот, журналы обращаются в учреждение, где работает ученый, с просьбой оплатить стоимость публикации. «С другой стороны, – продолжает Хагстрем, – рукописи, за которые ученые получают плату, например учебники или популярные книги, если не подвергаются пренебрежительному отношению, то и не заслуживают такой высокой оценки, как статьи, содержащие данные об оригинальных исследованиях» (Хайд, 2007. С. 130).

Получают признание и высокий статус в науке только те ученые, кто дарит коллегам свои идеи. Признание за написанный ради денег учебник не бывает высоким. «Если кто-то не написал в своей жизни ничего, кроме компилятивных текстов, то его ценность для науки равна нулю или даже отрицательной величине. Поскольку эта работа не приносит награды в виде признания, она оплачивается наличными. В отличие от признания коллег, наличные деньги можно использовать за пределами чистой науки», – подчеркивает Хагстрем. В отличие от признания и статуса деньги являются универсальным средством обмена. Причиной отрицательной оценки компиляций является тот факт, что автор учебника присваивает собственность сообщества и использует ее для личного обогащения. Поэтому гонорар отчуждает собственность и подобен ростовщичеству.

Ученые получают кредиты под идеи, которые приносят на алтарь науки. Но эти кредиты не выражаются в деньгах. Наемные работники (техники, лаборанты, обслуживающий персонал) получают почасовую плату и не являются членами научного сообщества. Они получают деньги за услуги. Плата отчуждает их от вклада в науку. Если ученый консультирует промышленную корпорацию, ему тоже платят. Если пользователь его идей не применяет их как дар, то ученый тоже не будет рассматривать их как дар. Этот обычай отличается от «платы за услуги». Он превращает в дар то, что считают рыночной сделкой. «Покупатель и продавец» принадлежат к одному сообществу и не могут извлекать выгоду из знаний друг друга. Здесь воспроизводится двойная экономика, характерная для племенных групп от Ветхого Завета до удука. Любой обмен (идеями или козами) становится обменом дарами, если он предназначен для признания, установления и поддержания сообщества.

Если сообщества спаяны дарами, то место денег занимают «статус», «престиж», «оценка». Ученые безвозмездно направляют статьи в журналы ради признания и статуса. Но не руководствуются ли они амбицией и эгоизмом? Не лучше ли объяснять поток научных публикаций теорией соперничества? Хайд имеет в виду статус, который достигается путем пожертвования (дарения), а не приобретения. Это важное различие. Когда говорят, что кто-то сделал себе имя, то обычно думают о разбогатевших людях (типа Онассиса, Дж.П. Моргана, Г.Л. Ханта). Однако индейцы племени квакиутль делают дары, чтобы «сделать себе имя». Имя индейца «возвышается», если он отдает собственность, и «унижается», если получает. Наиболее возвысит свое имя тот, кто разорился на подарках. Имена квакиутлей – это не имена индивидов в подлинном смысле слова. Они обозначают

общественное положение: Тот, чье богатство съели на пирах; Насыщающий; Тот, кто всегда раздает одеяла, выходя из дома; Тот, через кого проходит богатство; Тот, кто выбрасывает богатство в танце. Есть и сомнительные имена: Создающий проблемы везде, где появляется.

Большинство имен связаны с дарением собственности. Человек создает себе имя тем, что позволяет богатству уходить сквозь пальцы. Он может владеть вещами и распоряжаться их раздачей. Добродетель индейцев базируется не на приобретении, а на публичном отказе от богатства. В этом смысле есть *сходство* между индейцами и учеными. В науке принятие научным журналом присланных рукописей устанавливает донорский статус ученого. Такой статус может быть достигнут только подобными дарениями. Именно такие дарения обеспечивают ученому престиж внутри научного сообщества. Ученый приносит свои идеи на алтарь науки ради обретения статуса. Поэтому его имя у индейцев могло бы звучать «Тот, чьи идеи съедают на конференциях». Но его поведение не является показным, а статус не есть статус эгоиста. В экономике дарения допускается своеобразная форма индивидуализма: сказать «Это дал я». Индивидуализм в экономике дара сводится к праву самому решать, кому, когда и как принести дар. Индивид контролирует поток собственности «от себя», а не к себе. То есть это – совершенно иной, не западный индивидуализм.

Многие ученые презрительно усмехнутся, если им сказать, что в научном сообществе с идеями обращаются как с дарами. Значит, это чувство им неизвестно, – резонирует Хайд. Взамен они расскажут историю об украденных идеях: один изобрел, другой быстро оформил патент; один обсуждал свои идеи с коллегой, а тот опубликовал их, не сославшись на автора. Ему нужны публикации, чтобы подтвердить степень и продлить срок пребывания в должности. Этого только и следует ожидать от раздробленной науки в капиталистических университетах, – констатирует Хайд. В них доминируют исследования по контрактам с крупными корпорациями и военным ведомством.

Хайд утверждает, что научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Все приведенные случаи подтверждают его точку зрения. Кража идей, извлечение доходов – это самовозвеличивание. Оно ломает и раскалывает группу. В реальной науке никто не будет обсуждать свои идеи с тем, кто имеет знакомства в патентном ведомстве. Человек, у которого сотрудник украл идею, перестанет с ним здороваться. Вор недолго протянет, если статус получают в зависимости от вклада оригинальных идей. Рано или поздно в нем почуют крысу. Дурная слава заменит престиж, плохая репутация займет место высокой оценки. В конце концов он станет изгоем научного сообщества.

Идеи могут рассматриваться в науке как дары потому, что это связано с функциями научного сообщества. Задача науки – описание и объяснение физического мира, создание единой совокупности теорий, которые подтверждаются фактами и могут их предсказывать. Отсюда вытекают причины, по которым идеи можно рассматривать как дары.

Задача собирания и обработки массы разрозненных фактов в единое целое не под силу одному человеку и поколению. Все интеллектуальные предприятия требуют участия сообщества ученых, чтобы каждый из них мог свободно купаться в идеях коллег. Черпать из их источника, чтобы в результате возник «коллективный разум», способный решать задачи, непосильные одному человеку. Обмен идеями – подаренными, принятыми (или отвергнутыми) – составляет суть коллективного разума. Ученый может проводить исследования в одиночестве, но не в изоляции. Для достижения цели в науке нужно сотрудничество и координация усилий. Работа каждого ученого должна «подходить» к целому, как подогнанная деталь. Синтетическая природа обмена дарами делает его хорошим средством для внедрения идеи. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи.

На этой основе Хайд иллюстрирует общее утверждение: обращение дара может создать (сохранить) общность, а превращение даров в товары может раздробить (уничтожить) такую общность. Превратить идею в товар – значит установить границы, препятствующие ее свободному и бесплатному переходу от человека к человеку. Ценность или полезность идеи должна быть рассчитана и оплачена, прежде чем пересечь границу. Однако промышленные секреты (т. е. превращенные в товар идеи) сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Каждая профессия может организовать свое сообщество, но оно не будет «научным сообществом»; в профессиональном сообществе могут возникать островки накопления опыта и знаний, но не будет механизма генерирования обобщенного разума. Не возникнет тело теории, которое можно было бы собрать воедино.

Современная промышленность посредством патентов устанавливает денежные барьеры на пути распространения идей. Патент отличается от цехового секрета. Исторически цех (гильдия) имели право хранить свой секрет бесконечно долго. Патент выдается на ограниченный срок

(в США на семнадцать лет). Возникает возможность одновременно оплатить труд изобретателя и допустить медленное распространение идеи в область нерыночных отношений. Патент, авторское право и узурфрукт – это группа прав собственности, которые предоставляют право ограниченной эксплуатации. Такие права собственности – мудрый компромисс между даром и товаром. Эти права удовлетворяют потребность в личном обогащении и одновременно служат признанию прав и потребностей общества.

Внутри исследовательского центра корпорации может существовать микрокосм, в котором происходит обмен дарами. За воротами компании дары превращаются в товары. Они приносят прибыль, которая управляет потоком идей. В таких центрах ученые часто не могут отдать статью в журнал. Вынуждены ждать годами, пока компания защитит свой патент. В этом случае открытие появляется не как добровольный дар, а как идея-собственность. За ее использование или применение каждый должен платить деньги, гонорар или процент. Но высокая репутация принадлежит ученым, которые рассматривают свои идеи как дары. Обычно они занимаются чистой наукой, хотя получают меньше. Ученые-прикладники получают больше, зато менее известны и являются второстепенными членами сообщества. Коммерческий потенциал, заложенный в методе рекомбинантных ДНК, недавно породил дискуссию внутри научного сообщества именно на тему даров, товаров и целей существования науки. Не только биохимики с академическими степенями ушли на рынок и перестали рассматривать свои идеи как дар. Их примеру последовало несколько академических институтов.

«Контрактная теория» организации науки. Затем Хайд анализирует связь между свободой и рынком. Идеология свободного рынка декларируется как свобода индивида. С точки зрения индивида часто действительно существует связь между свободой и товаром. Но все кардинально меняется, если смотреть на вещи с точки зрения группы. Сообщество дарения накладывает на членов определенные ограничения, но они гарантируют свободу дара. Строгий смысл «академической свободы» означает свободу идей, а не индивидов. Индивиды обладают свободой высказывать идеи, рассматриваемые как дар групповому разуму, и свободой принадлежать к этому разуму. Если любая идея имеет реальную рыночную цену, то все обсуждения и познавательная способность группового разума должны пропускаться через фильтр рыночного механизма. Но рынок – крайне неуклюжее орудие проведения дискуссий. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно¹. На свободном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком, – таков ключевой тезис Хайда.

Некоторые формы организации (военные ведомства и промышленные компании типа «Дженерал моторс») противодействуют обращению даров. На основе их деятельности была разработана так называемая «контрактная» теория организации науки. Ее основное положение гласит: ученых можно мотивировать стремлением к власти и деньгам; они занимаются исследованиями только для извлечения этих благ из кого угодно (компании, потребителя, правительства), кто готов дать рабочее место и деньги. Но такая система вознаграждений ведет к образованию групп особого сорта. Хагстрем, а вслед за ним Хайд подчеркивают: именно там, где люди работают только с целью получить выгодный заказ, высокую должность или звание, результаты исследований тривиальны, не являются истинными вкладами в сокровищницу знания. Если существует жесткая конкуренция за рабочие места и деньги, и эти вторичные цели становятся главными, то все больше ученых втягиваются в гонку. Они спешат напечатать «оригинальные» работы, невзирая на то, какими чуждыми для целей научного сообщества могут оказаться эти работы. Короче говоря, контрактная теория организации науки «ответственна не за организацию науки, а за ее дезорганизацию» (Хайд, 2007. С. 140). К сожалению, этот факт только начинает осознаваться.

Конечно, в науке есть обмен дарами и конкуренция. Наряду с коллективным трудом в ней присутствует махровый индивидуализм. Но научное сообщество в строгом смысле слова есть группа, внутри которой знания обращаются как дар. Лишь после появления сообщества можно говорить о расколе, несогласии, фрагментации, сегментации, дифференциации, диспутах и прочих нюансах и прелестях интеллектуальной жизни. Но науке трудно сменить направление, если начать с обмена идеями на основе частной собственности, индивидуализма и личной прибыли. А затем пытаться координировать усилия ради создания гармоничной всеобъемлющей теории. Контрактная теория

¹ Журнал «Сайенс» сообщает об одном случае в Калифорнии, когда группа, занимавшаяся исследованиями ДНК, решила запатентовать методику, которую другие тамошние ученые считали общим достоянием, идей, которую надо еще не раз обсудить и взвесить. Один академический ученый, чувствующий, что его вклад в науку бессовестно эксплуатируют, заметил по этому поводу: «Раньше существовал добротный здоровый обмен идеями и информацией между нашими исследовательскими группами... Но теперь мы начали запирать двери».

может послужить только основой организации бизнеса. Включая тот, который привлекает на службу ученых. Но обмен дарами будет составлять часть господствующих в науке отношений до тех пор, пока цели науки будут требовать интеллектуальной общности, способной к рассуждениям и созиданию цельной теории.

Согласно Хайду, наука – это аномальный пример сообщества, возникшего на основе обращения даров, хотя научные идеи являются «холодными» дарами. Дело не в том, что среди ученых нет страстных натур. Просто напечатанные в журнале идеи не несут в себе эмоциональной непосредственности, характерной для большинства даров. Под влиянием превращения идей в товар происходит фрагментация научного сообщества. Но по сравнению с распадом семьи (и общины) она не является вопиющей. В этой связи Хайд приводит пример свадебных даров на островах Полинезии. Осуществляют девять основных и множество дополнительных даров между родственниками жениха и невесты. После свадьбы все оказываются связанными со всеми. Еще более сложны дары по поводу инициаций и похорон. Возникают непрерывные и охватывающие всю группу одолжения, благодарность, надежды, память. Так формируются живые социальные чувства. Постоянный обмен дарами обычно не приносит «экономической» выгоды. Зато вместо скопища людей возникает сообщество. Если дары превращаются в товар, приобретаемый за деньги, то каждый обмен разделяет или освобождает его участников. В итоге сообщество исчезает.

Дар как всеобщий социальный феномен. Затем Хайд анализирует политическую форму экономики дара, определяя дар как анархистскую собственность. Обмен даров противостоит централизованной власти и бюрократической иерархии. Марсель Мосс в «Эссе о дарах» описал генезис современного контракта. Он поставил вопрос: не является ли обмен дарами примитивной формой укрепления тех союзов, которые сегодня скрепляются юридическими письменными соглашениями? На этот вопрос он дал два ответа: можно рассматривать обмен дарами как архаичную форму правовой организации группы и как тотальный социальный феномен. В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Лишь после их дифференциации правовой контракт стал отдельным учреждением.

С опорой на классическое исследование Мосса Хайд осуществляет тотальную критику сложившихся стереотипов в сфере экономики и права.

В процессе дифференциации возникло различие между «реальным» и «личным» законом – то есть между естественным законом вещей и человеческим законом для людей. В экономике дара такое различие смазано, ибо вещи рассматриваются как личности, и наоборот. Личность и вещь, живое и мертвое различаются духовно, но не рационально. Строгое различие вещи и человека – характерная черта позднего римского законодательства и современного мира. Мосс замечает: «Это фундаментальное различие: оно является неперменным условием существования части нашей экономической системы, основанной на собственности, отчуждении и обмене. Но эта система чужда обычаям, которые мы только что рассмотрели».

Юридический контракт рядится в тогу «контракта» дарения. Санкционированный законом контракт может формализовать единство обмена дарами путем отделения обмена от других элементов «тотального социального феномена». Такой обмен теряет эмоциональное и духовное содержание. Обязательства и чувство долга превращаются в простые экономические и юридические отношения. Контракт по закону – это рационализация даровых уз, так же как ростовщичество является рационализацией роста в обмене дарами. Контракт (договор) и ростовщичество имитируют структуру экономики дарения, но из нее улетучивается «неэкономическое» чувство.

Если говорить об обмене дарами с политической точки зрения, то политику надо выводить из природы контракта дарения. Мосс ввел термины для политических мифов на эту тему. Но они не годятся для анализа анархической собственности. Обычно историки анархизма начинают с рассказа о правлении анархистов в Мюнстере в начале XVI в. Различные религиозные движения Реформации были направлены не только против папства, но и против новой (а на деле старой римской) концепции собственности. Эта концепция позволяла местным князьям, пользуясь установленными законами, превратить «общинное достояние» – поля, леса и реки – в частные заповедники.

Против таких «римских» идей было направлено множество движений. Но предтечами современных революционеров были только анабаптисты. Они требовали уничтожить гражданскую власть, власть судейских и чиновников. Крещение – это прямой и непосредственный контакт с Господом Богом. Поэтому любой посредник (государство или церковь) не только излишен, но и порождает безверие. Ничто не должно стоять между человеком и его внутренним светом, который придает смысл и форму всем действиям и поступкам.

Мюнстер сильно пострадал от чумы, экономического упадка, больших налогов. Добрая часть горожан обратилась в веру анабаптистов и захватила власть в городе. Из города был изгнан его номинальный правитель – вестфальский епископ, католики и лютеране. Епископ осадил город с армией наемников. Горожане стойко держались, пользуясь общественными запасами продовольствия и одежды. Истинно верующие считали, что Мюнстер вскоре станет вторым Иерусалимом. Первым церемониальным действием, ознаменовавшим взятие власти в городе и наступление новой эры, стало сожжение всех письменных договорных и долговых документов.

В 1842 г. Вильгельм Вейтлинг написал: «Наступит время, когда... мы разожжем огромный костер из банкнот, векселей, завещаний, налоговых списков, рентных контрактов и долговых расписок и каждый бросит в костер свой кошелек...». К старому списку отмены контрактных и долговых отношений Вейтлинг добавляет отмену денег. Эта идея вошла в программы европейских анархистов, которые призывали заменить обмен денег бартером.

Тридцать лет спустя Энрико Малатеста начал действовать в духе идей Вейтлинга. В 1877 г. он с группой соотечественников создал базу в лесах близ Неаполя, а затем начал двигаться от города к городу, уничтожая государство. Историк Джеймс Джолл пишет: «Колонна анархистов вступила в деревню Лентино утром в воскресенье. Они объявили короля Виктора-Эммануила низложенным и совершили анархистский ритуал сожжения архивов – то есть записей о держании собственности, долговые обязательства и налоговые списки».

Неизвестно, были ли брошены в костер кошельки, – иронизирует Хайд. По сути, все приведенные факты являются фактами общей истории борьбы между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Вслед за анабаптистами анархисты объявляли недействительными и уничтожали те объединения, которые отрицали основанную на чувстве анархическую спаянность и были склонны к насилию. Правда, редко встречаются общества, существующие только на основе душевных привязанностей. Большинство обществ имеют объединения, санкционированные отчужденным от чувств законом. Однако уже в Древнем Риме семья поделилась на вещи и людей. В современном мире закон все глубже вторгается в царство сердечных привязанностей. Закон пытается усилить узы, которые в прежние времена скреплялись смутными чувствами доверия и благодарности. Но закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена, Сам процесс осуществления законодательства требует определенного общества. Такое общество должно базироваться только на антагонизме и расчете, которые исключаются из общественных отношений духом обмена дарами. Дух дара лишен точности и не обязательно требует ответного дара. Дар не порождает антагонистических отношений должника и кредитора, поскольку суды не в состоянии распутать дела о неблагодарности. Сердечный контракт выходит за пределы действия закона. Если сердечный договор заменяют правовыми отношениями, круг обращения даров сужается.

Истории от анабаптистов до анархистов отражают твердое убеждение: жизнь подавляется кодификацией контракта и долга. Поэтому отвергаются не только кодифицированные долги, укрепляющие позиции господствующего класса. Отрицается любая кодификация, которая поощряет разделение вещей и духа, отбрасывает феномен общественной цельности и возвращает социум в первобытное прошлое, ослабляя основанный на чувствах договор. Сожжение долговых расписок – это попытка воспроизвести двойственность и расплывчатость, которые придают общественный характер обмену дарами. Поэтому уничтожение долговых расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей. Георг Зиммель определял благодарность как нравственную память человечества. Анархизм освежает эту память. Она тускнеет, если моральные обязательства превращаются в законодательно утвержденный долг и угодность. В сердечные союзы вступают по желанию, остаются в них из чувства благодарности и покидают по собственной воле. А теперь они заменяются невидимым господством чисто законодательных связей.

Нередко утверждают, что обмен дарами может лежать в основе экономики только малого сообщества людей. Если общность удерживается как единое целое с помощью эмоций, то ее численность имеет верхний предел – от 100 до 1000 человек. Если численность группы становится больше, чувства гаснут. Идущие по улицам больших городов незнакомцы не смотрят в глаза друг другу потому, что не желают лишних контактов. Эмоциональные отношения на основе обмена дарами могут существовать только в обществах ограниченной численности. Однако научное сообщество

организуется на основе специфических задач и является исключением из этого правила. Оно не претендует на то, чтобы кормить, лечить, женить, выдавать замуж своих членов. Научное сообщество может существовать за счет обмена дарами и одновременно быть многочисленным, – делает вывод Хайд.

Проблема современного мира. Но остается нерешенным вопрос о современном мире, к которому упорно апеллируют анархисты. Как сохранить истинную общность в массовом обществе, доминирующей ценностью которого стал обмен стоимостями, а нравственность превратилась в закон и право?

На этот вопрос Хайд дает определенный и решительный ответ. Анархизм оформился в политическую философию на рубеже XIX–XX вв. К тому времени идея договора имела уже длительную историю. В XVII–XVIII вв. теоретики «общественного договора» исходили из посылки: атомарные единичные связи соединяют отдельных людей в первобытном договоре. На этой основе они постулировали механизм объединения людей в государство. Наиболее показательный пример – теория Гоббса. Она противостоит теориям анархистов.

По мнению Гоббса, до общества существовало «естественное состояние», в котором люди занимались обоюдным убийством. Поэтому человек руководствовался только эгоцентрическими желаниями, амбициями, жадностью, гордыней. Любой альтруизм сводился к эгоистическому интересу. По счастью, индивиды нашли страх смерти как объединяющую их ценность. Разум увел их из естественного состояния и привел к безопасной общественной жизни. К несчастью, разум слабее человеческих страстей, которые антиобщественны по своей природе. Поэтому в общественную жизнь пришлось включить абсолютную власть. Она обладает силой держать человека в «благоговейном страхе». Гоббс снабдил свое государство четырьмя опорами: эгоизмом, страхом смерти, разумом, благоговением перед властью.

Постоянная черта теории «общественного договора» – представление о пропасти между первобытным и цивилизованным человеком. В трактовке Гоббса первобытному человеку присуща агрессивность, «вечная и неутолимая жажда власти после получения власти». Он живет в условиях бесконечной войны. Не знает ни упорядоченной общественной жизни, ни общественной и частной собственности. Живет воровством или грабежом. Первобытный и цивилизованный человек – это два различных вида людей. Из такого различия исходит Гоббс в понимании политики – ради объединения людей она требует договора и диктует форму договора.

Гоббс начинает изложение своего учения о политике с исторической фантазии, согласно которой хаотичное первобытное туземное прошлое замещается цивилизацией. Этот сдвиг происходит тогда, когда люди согласны отказаться от своего права на применение личной силы в пользу установления публичной власти. Таким образом, общественный договор выводит человека из его естественного состояния и создает цивилизацию. Но договор потребовался именно по той причине, что без него нельзя доверяться человеческому поведению. То есть у Гоббса всегда существует смесь недоверия и закона, каковая приводит к парадоксальной политике, в которой законы природы не могут успешно соблюдаться вне рамок искусственно придуманной организации. Получается, что естественный закон устанавливается лишь искусственной силой, и только власть предоставляет свободу разуму.

Анархисты основывают свою политику на другой идее и предлагают другое решение. Они исходят из факта: современное государство стало политической реальностью только в конце XIX в. До тех пор анархизм не мог стать строгой политической философией. Но даже в начале XX в. анархизм не стал политикой в чистом виде. Он остался приложением этики к политическому мышлению. Хайд уподобляет анархическую идею царской водке, которую надо регулярно лить на государство и его машину. И смотреть, сколько можно выесть до тех пор, пока народ не начнет страдать больше, чем он страдает под игом закона и государственной власти. Анархист исходит из допущения о доброй природе человека, утверждая, что закон сам по себе есть причина преступления. Анархист чувствует родство (а не пропасть) между первобытным естественным человеком и современным цивилизованным человеком.

Для обоснования этого тезиса Хайд приводит факты и соображения. Русский князь и анархист Петр Кропоткин реально наблюдал жизнь первобытных племен. Он родился в аристократическом семействе, получил высшее военное образование, был рационалистом и ученым-географом, признанным в научных кругах. В молодости участвовал в экспедиции в Центральную Азию. Хайд приводит оценку этой экспедиции Джеймсом Джоллом: «Представляется, что первобытные племена, которые мы наблюдали, руководствуются в своей общественной жизни регулирующими ее обы-

чаями и инстинктами, не испытывая никакой нужды в правительстве и законах. Для Кропоткина примитивное общество, столь далекое от того, чтобы быть похожим на изображаемый Гоббсом конфликт и войну всех против всех, напротив, стало образцом, показывающим, что сотрудничество и «взаимопомощь» являются, скорее, естественным состоянием человека, не испорченного правительством и законами, каковые возникают из «желания правящего класса придать устойчивость обычаям, наложенным им в своих интересах и к своей выгоде», в то время как единственное, что требуется для гармоничной жизни, – это «те обычаи, полезные обществу... обычаи, которые не нуждаются в законе для того, чтобы внушить к себе уважение».

Кто же прав – Гоббс или Кропоткин? Гоббс не выезжал из Англии дальше Франции. Кропоткин изучал реальных первобытных людей. Поэтому Кропоткин ближе к истине. Однако истинная жизнь первобытных племен начала изучаться только по мере появления этнографии как эмпирической науки. Эссе Марселя Мосса – первая синтезирующая работа по этнографии. Мосс в архаике искал корни современности. Его выводы можно считать гибридом взглядов Гоббса и Кропоткина. С одной стороны, разъяснения Мосса позволяют понять, что дух дара не воспроизводится законом и не может быть выведен из разума. С другой стороны, вслед за Гоббсом Мосс не считал эмоции движущей социальной силой, подчиняя их разуму. Он писал: «Противопоставив разум эмоциям... люди успешно ухитрились заменить союзы, дар и обмен войной, изоляцией и застоєм». В другом месте он толкует о «тоталитарном дарении». Под этим термином он понимает постоянный, всеобъемлющий обмен дарами, говоря при этом, что «несмотря на то, что эти обмены имеют место под маской полной добровольности, они на самом деле являются строго обязательными, и их нарушение равносильно скрытой или явной войне» (Хайд, 2007. С. 152–153).

По мнению Хайда, приведенные ранние представления о первобытной жизни лучше определить как выражения характера, а не как политическую науку или этнологию. Один характер (П. Кропоткин) чувствует большее родство с аборигенами, полагает страсти общественными, а в основе жизни полагает добрую волю. Другой (Т. Гоббс) – чувствует дистанцию, щедрость воспринимает как жажду власти, полагает страсти эгоистичными, на место доброй воли ставит эгоизм. И поэтому вынужден привлекать разум и власть, чтобы вывести из них возникновение общества.

Эти два характера различаются отношением к роли страстей и разума в образовании общества. Гоббс не знает общественных страстей. Он вещает на основе собственной декларации: жизнь в природе «одинока, отвратительна, жестока и коротка», в противовес которой «разум предлагает удобные понятия о мире... называемые законами природы». Разум формулирует законы для обуздания страсти. Общественная жизнь возникает лишь тогда, когда каждый отдельно взятый человек непонятным образом приходит к убеждению, что он должен подавить какую-то часть своей натуры. Согласно Гоббсу, основания общественной жизни предполагают ограничения, отделение правящих от управляемых и опору на закон (со всеми его функционерами – полицией, судом и тюрьмами). Только при таких условиях можно обеспечить порядок.

Вердикт Хайда однозначен: Гоббс совершает двойной обман – во-первых, что страсть уничтожает общественную жизнь, во-вторых, что насилие ее сохраняет. Этот двойной обман как раз и оспаривает анархическая теория. Общественная жизнь мотивируется чувством, но имеет жесткую структуру, устойчивость и прочность. Существует множество точек соприкосновения между анархистской теорией и обменом дарами как основой экономики. Обе теории полагают, что человек щедр и готов к сотрудничеству «по своей природе»; не приемлют централизованную власть; подходят для малых групп и рыхлых федераций; опираются на сердечный договор и его примат над договором кодифицированным. Но представление о даре как об анархической собственности справедливо потому, что анархизм и обмен дарами базируются на допущении: общность и общество людей появляются не тогда, когда подавляется часть самосознающей личности, но когда эта часть отдается ради общего блага.

То же самое можно сказать о фразе Мосса: «обязанность ответного дара». Здесь акцент делается на слове «обязанность», и движущей силой ответного дара является страх, а не добровольность. Здесь Мосс повторил Гоббса. На практике многие обмены дарами являются смесью страха (или вины) и чистосердечного желания. Но мы должны отметить, что так же логично можно перевернуть предпосылки и допущения Мосса и сказать: «противопоставив эрос разуму... люди умудрились заменить дар войной» или что «войны ведутся под маской добровольности... но в действительности из страха перед скрытой или явной дружбой». В противном случае основными эмоциями становятся страх и эгоистический интерес, дух *hai* теряется, и мы снова возвращаемся к разуму, навязывающему закон и власть.

Доноры, паразиты или ростовщики?

Подведем итоги. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами – это гарантия анархической стабильности. Различные способы решения проблемы добровольной и вынужденной солидарности фиксируют универсальность конфликта между обществом и индивидом.

Рыночный механизм не годится для нормального функционирования научного сообщества. В науке получают признание и высокий статус только те, кто дарит коллегам свои идеи. Все остальные формальные члены научного сообщества являются паразитами и ростовщиками. Ценности научного сообщества связывают архаику и современность. Ученый – это когнитивный донор. Институты современной науки (университеты, военные ведомства и промышленные организации) не соответствуют этой функции. Научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Обмен идеями образует суть коллективного разума. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи. Превращенные в товар идеи сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Строгий смысл термина «академическая свобода» означает свободу идей, а не индивидов. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно. На свободном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком. В большинстве современных научно-академических учреждений результаты исследований тривиальны, не являются научными вкладами. Контрактная теория организации науки дезорганизует науку. Наука – это аномальное сообщество, возникшее на основе обращения даров.

Дар – это анархистская собственность или «тотальный социальный феномен». В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Римская концепция собственности позволяет социальным и политическим группам с помощью установленных законов превратить общее достояние в частные заповедники. Поэтому гражданская власть, власть суда и чиновников была и остается сомнительной. До сих пор продолжается борьба между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена. Сам процесс осуществления законодательства требует общества, которое базируется только на антагонизме и расчете. Уничтожение долговых расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благоданность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей.

Таким образом, Хайд развивает идеи Петрова относительно научного сообщества и бесплодности государственной организации науки, высказанные на полсотни лет раньше. Размышления Петрова о судьбах рукописей в естественных и общественных науках получают неожиданную поддержку со стороны современных антропологических исследований и теории анархизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродель Ф. (2003). Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры.
- Бродель Ф. (2004). Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II. Часть 3. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры.
- Дефо Д. (2010). Всеобщая история пиратства. СПб.: «Азбука-классика».
- Петров М.К. (1995). Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН.
- Хайд Л. (2007). Дар. Как творческий дух преображает мир. М.: Поколение.
- Braudel F. (1971). Historia I trwanie. Warszawa.

REFERENCES

- Braudel F. (2003). The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Part 2. Collective destiny and purpose shifts. M.: Yazyki slavyanskoi kultury Publ. (In Russian.)
- Braudel F. (2004). The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Part 3. Events. Policy. People. M.: Yazyki slavyanskoi kultury Publ. (In Russian.)
- Defoe D. (2010). General history of piracy. Saint-Petersburg: «Azбуka-klassika». (In Russian.)
- Hyde L. (2007). The Gift: How the Creative Spirit Transforms the World. Moscow: Pokoleniye Publ. (In Russian.)
- Petrov M.K. (1995). Art and science. Pirates of the Aegean Sea and Personality. M.: ROSSPEN Publ. (In Russian.)
- Braudel F. (1971). Historia I trwanie. Warszawa.

ЗАПАДНЫЙ МИР НА ПУТИ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ¹

Р.М. НУРЕЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
e-mail: nureev50@gmail.com

В главе анализируются основные теории постиндустриального общества и особенности его становления в странах Западной Европы. Показывается роль человеческого и социального капитала в развитии современного общества. Анализируются единство и различия скандинавской, континентальной, англосаксонской, средиземноморской и догоняющей моделей развития европейской экономики.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, человеческий капитал; социальный капитал; европейские модели смешанной экономики.

WESTERN WORLD ON THE WAY TOWARD POSTINDUSTRIAL SOCIETY

R.M. NUREEV,

Doctor of economic sciences (DSc), Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
e-mail: nureev@hse.ru

The chapter analyzes the basic theory of postindustrial society and especially its development in Western Europe. Shows the role of human and social capital in the development of modern society. Analyzes the differences and unity of Scandinavian, Continental, Anglo-Saxon, Mediterranean and catching models of the European economy.

Keywords: postindustrial society; human capital; social capital; the European model of a mixed economy.

JEL classification: B52, N14, O43, P51.

Глава 17.

Западный мир на пути к постиндустриальному обществу

17.1. Теории постиндустриального общества²

Начиная с последней трети XX в. все более широкую популярность сначала среди ученых, а потом и среди обычных граждан развитых стран приобретают теории перехода к обществу принципиально нового типа. Усиление регулирования рыночного хозяйства стало сильным фактором

¹ Продолжение. Начало см.: TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 1–4; 2011. Т. 9. № 1–4; 2012. Т. 10. № 1–4; 2013. Т. 11. № 1–3.

² При написании данного раздела использованы материалы главы 6 книги: Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов-н/Д, 2010.

дальнейшей разработки этих теорий, поскольку менеджеры разных уровней все сильнее нуждаются в понимании не только тактических, но и стратегических ориентиров развития.

Современная концепция постиндустриального общества уходит корнями в работы Торстейна Веблена (1857–1929) начала XX в. Институты, по Веблену, хронически консервативны. Развитие связывается с изменениями техники.

**Дэниел Белл
(1919–2011)**

В работах, написанных Т. Вебленом в годы Первой мировой войны и после нее, рассматриваются важные проблемы научно-технического прогресса и показывается роль инженеров-менеджеров в создании рациональной промышленной системы. Именно с ними он связывает будущее капитализма. Под влиянием Т. Веблена появились технократические концепции и труды, посвященные «революции управляющих».

Идеи о будущем постиндустриальном обществе получили дальнейшее развитие в работах К. Кларка «Экономика в 1960 году» (1948), Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» (1949). Однако подлинный бум работ об обществе будущего начался после публикаций книг и статей Д. Белла, Дж.К. Гэлбрейта, П. Друкера и других классиков постиндустриального общества.

Дэниел Белл (Daniel Bell, 1919–2011) родился в 1919 г. в Нью-Йорке. Преподавал социологию в Колумбийском (1959–1969) и Гарвардском (с 1969) университете.

В 1964 г. Д. Белл был назначен членом президентской комиссии по технике автоматизации и экономическому прогрессу. Тогда же он возглавил «Комиссию по 2000 году». Ярким свидетельством признания его заслуг явилось приглашение в Гарвард, где он принял кафедру, которой ранее заведовал знаменитый Толкотт Парсонс.

Гарвардский период жизни Белла ознаменовался такими выдающимися трудами как «Встреча 2000 год» (1968), «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1976), «Извилистый путь» (1980).

Дэниел Белл ввел особую социологическую категорию «осевой принцип», с помощью которой стремился доказать, что общественные институты, отношения и духовные процессы не обусловлены каким-то одним фактором. Какие-то из них располагаются по одной оси, другие по иной. Все зависит от того, какой осевой принцип избрать. Таким образом, всем трем общественным сферам (экономике, политике, культуре) присущи автономия и свои собственные «осевые принципы» (см. рис. 17-1).

В своей концепции Д. Белл сформулировал основные **признаки постиндустриального общества**:

- создание экономики услуг,
- доминирование слоя научно-технических специалистов,
- центральная роль теоретического научного знания как источника нововведений и политических решений в обществе,
- возможность самоподдерживающегося технологического роста,
- создание новой «интеллектуальной» техники.

Рис. 17-1. Осевые принципы, присущие общественным сферам, по Д. Беллу

Общий принцип социальной структуры постиндустриального общества – **меритократия**. Под этим термином подразумеваются все те, «кто имеет заслуженный статус или достиг авторитетного положения благодаря компетентности». Иными словами, «меритократия состоит из людей, которые заслужили свой авторитет».

Принципу меритократии не следует противиться. «Общество, не выдвигающее лучших людей во главу своих основных институций, в социологическом и моральном отношении абсурдно», – утверждает Белл. Таланты и достижения – доминирующие принципы культурно развивающегося общества. Но оно, делает существенную оговорку Белл, должно быть максимально открытым для всех. «Хорошо организованная меритократия может быть обществом хотя и неравенства, но справедливости».

В своей работе «Социальные рамки информационного общества» (1980) Д.Белл выделяет три этапа изменений в территориальном размещении производительных сил. В доиндустриальную эпоху города располагались на пересечении торговых путей, в индустриальную – вблизи источников сырья, в постиндустриальную – вокруг научных центров.

Зачинателями индустриального общества были изобретатели-самоучки: часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт – прядильную машину, а ювелир Фултон – пароход. Именно «талантливые жестянщики», а не «высоколобые интеллектуалы», писал Д. Белл, были создателями «промышленности XIX в.». К этой промышленности он относит не только сталелитейную, электротехническую и моторостроение, но и авиастроение, возникшее в начале XX в.

Д. Белл связывает научно-техническую революцию прежде всего с революцией в сфере телекоммуникаций. Если в XIX – первой половине XX вв. двумя основными формами коммуникаций были газеты, журналы и книги, с одной стороны, и телеграф, телефон, радио и телевидение, с другой, то во второй половине XX в. главным становится развитие средств компьютерной связи. Соответственно, Белл еще в 1980 г. формулирует 5 проблем, которые должно решить человечество в ближайшие десятилетия:

1. Слияние телефонной и компьютерной систем, телекоммуникаций и обработки информации в одну модель.
2. Замена бумаги электронными средствами.
3. Расширение телевизионной службы через кабельные системы.
4. Реорганизация хранения информации и систем её запроса на базе компьютеров в интерактивную информационную сеть, доступную всем.
5. Расширение системы образования на базе компьютерного обучения.

Сформулированные Д. Беллом проблемы оказались в центре внимания его современников. В опубликованной в 1983 г. статье «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики» **Т. Стоуньер** писал о трёх лимитирующих факторах, соответствующих трем историческим эпохам развития человечества: земле (доиндустриальная эпоха), капитале (индустриальная эпоха) и информации (постиндустриальная эпоха). При этом под информацией он имеет в виду не любые знания, а «наличные знания, данные в удобной для использования форме».

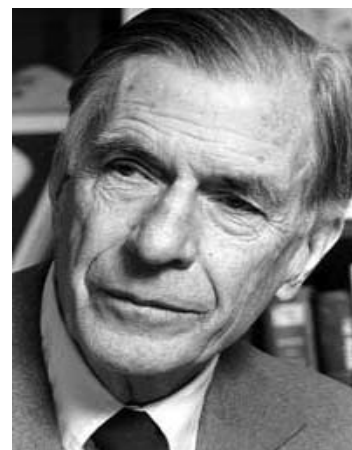
Он пишет о том, что общество ожидают в ближайшем будущем три кремневые революции:

- Производство из песка интегральных схем.
- Производство фотоэлектрических батарей.
- Развитие парникового хозяйства в пустынях – ядра новой технологической системы.

Именно они, по мнению Стоуньера, должны заложить основы будущей постиндустриальной цивилизации даже в тех районах, которые до недавнего времени отставали от развитых стран.

Другой известный теоретик постиндустриального общества – **Джон Кеннет Гэлбрейт (John Kenneth Galbraith, 1908–2006)** – родился в 1908 г. в Канаде. Он окончил университет в Торонто и получил степень доктора в Калифорнийском университете. В течение жизни Дж. К. Гэлбрейт преподавал в ряде университетов США (Гарвардском, Калифорнийском и Принстонском).

В вышедшей в 1952 г. книге «Американский капитализм. Теория уравнивающей силы» он пишет о профсоюзах как уравнивающей силе, существующей наряду с большим бизнесом и правительством. Уже в этой работе обосновывается его идея о менеджерах как носителях прогресса. Эта идея получает дальнейшее развитие в книге «Новое индустриальное общество» (1967). Именно там Гэлбрейт выдвигает новое понятие, «техноструктура», суть которой заключается в

**Джон Кеннет Гэлбрейт
(1908–2006)**

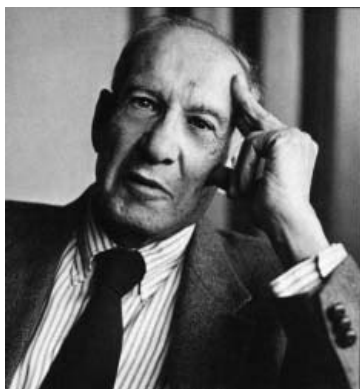
монополизации знаний и принятии основных решений помимо владельцев капитала. Изменения функций менеджеров связаны с дальнейшим обобществлением производства, когда ведущую роль в экономике начинают играть крупные фирмы, осуществляющие свою деятельность в планетарном масштабе.

Крупная фирма, по мысли Гэлбрейта, может, за редкими исключениями, лучше, чем небольшая фирма, контролировать свои цены и издержки, убеждать своих потребителей и управлять ими. Она способна ограждать себя от снижения прибылей в результате конкуренции и тем самым оберегать свои доходы, и имеет больше возможностей избавиться от тех затрат на рабочую силу, которые не в состоянии регулировать. Таким образом, крупная фирма способна более надежно оградить себя от нежелательных для нее изменений в уровне доходов, что могло бы вызвать вмешательство в ее дела акционеров или кредиторов. А также, в связи с неблагоприятной реакцией со стороны общественности, повлечь за собой вмешательство профсоюзов, потребителей или правительства.

Новое индустриальное общество соответствует, по мысли Гэлбрейта, следующим факторам: высокая степень обобществления хозяйства, укрупнение промышленного производства, высокий уровень производства и доходов на основе достижений научно-технического прогресса, усиление роли государства во всех сферах экономики и планирование хозяйственного развития.

В своей работе он рассматривает две системы: планирующую и рыночную, обращая внимание на то, что с развитием капитализма в рыночной экономике все больше усиливаются элементы планирования, а в плановой – рыночные элементы. В России – это был период косыгинских реформ, когда было ограничено число плановых показателей и усилились элементы воздействия рынка на деятельность государственных предприятий. Происходящее в капиталистических и социалистических странах взаимное переплетение плана и рынка приводит Гэлбрейта к идее конвергенции.

Не всем из идей, сформулированных Дж. К. Гэлбрейтом, была уготована долгая жизнь. Крупному бизнесу легче найти общий язык с правительственными органами, причем влиять на исполнительную власть проще, чем на законодательную. Противодействующей этому тандему силой, по Гэлбрейту, служат профсоюзы. Но падение роли профсоюзов – объективная тенденция сегодняшнего дня, а союз государства и бизнеса – не гарантия общественно полезной деятельности.

**Питер Фердинанд Друкер
(1909–2005)**

Теория конвергенции (во всяком случае, в интерпретации Гэлбрейта) также оказалась временной тенденцией. С падением социализма в СССР и Восточной Европе, развитие продолжилось только в одну сторону – в сторону рыночной экономики. Впрочем нельзя не отметить, что современная рыночная экономика совсем не похожа на ту, которая была в XIX в.

Питер Фердинанд Друкер (Peter Ferdinand Drucker, 1909–2005) родился в Вене в 1909 г. В 1920-х переехал в Германию, учился в Гамбурге и во Франкфурте. В 1937 г. эмигрировал в США. В 1950–1971 гг. работал в Университете Нью-Йорка. С 1971 по 2005 гг. был профессором социальных наук и менеджмента в Университете Клермонта.

Наибольший успех ему принесли работы по теории и практике менеджмента. Однако в плане теории постиндустриального общества он интересен нам прежде всего как автор концепции «информационного работника». Эта концепция получила развитие в его работах «Будущее индустриального человека» (1942), «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества» (1968), «Посткапиталистическое общество» (1993), «Задачи менеджмента в XXI веке» (1999).

Ориентирами для нашего меняющегося общества, считает Друкер, являются новые технологии и отрасли промышленности, переход от международной экономики к мировой, утверждение общества организаций, усиление важности знаний, как движущей силы социально-экономического развития.

«Чтобы общество организаций стало по-настоящему свободным обществом, – писал П. Друкер, – нужно, чтобы личность взяла на себя ответственность, и прежде всего ответственность за вклад — как свой собственный, так и организации»³.

В конце XX в. целью существования организаций становится повышение их эффективности. А она, в свою очередь, зависит от деятельности образованной и всесторонне развитой личности,

³ Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. С. 165.

которая, по мысли П. Друкера, только и может проявиться в организации. Общество организаций, таким образом, рассматривается Друкером как пространство для проявления личностью собственной индивидуальности через осознание своей непосредственной ответственности. Это связано с развитием информационного общества, в котором необходимость применения знания проявляется в ежедневной трудовой деятельности. Это создает предпосылки для экономического и социального равенства. Еще раз подчеркнем, что достижение социального равенства происходит через создание информационного сообщества.

Обращает на себя внимание тот факт, что будущее общество разные авторы видят по-разному: как постиндустриальное, посткапиталистическое, когнитивное и т. д. (см. рис. 17-2). Это свидетельствует о том, что сама теория общества будущего находится в стадии становления и непонятно, какие из его уже появившихся черт будут основными и доминирующими. Ученым пока не вполне ясно, какие из появившихся черт станут главными и преобладающими. Интересно отметить большое сходство между многими характеристиками рождающегося «чуждого нового мира» и образом коммунизма по К. Марксу, как общества «по ту сторону материального производства».

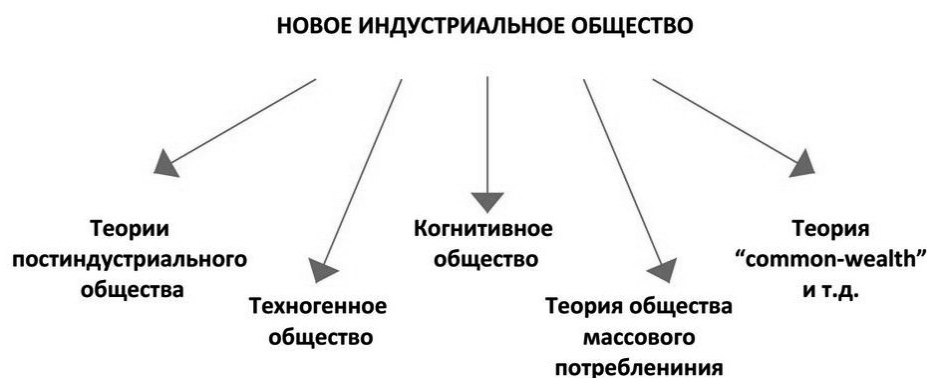

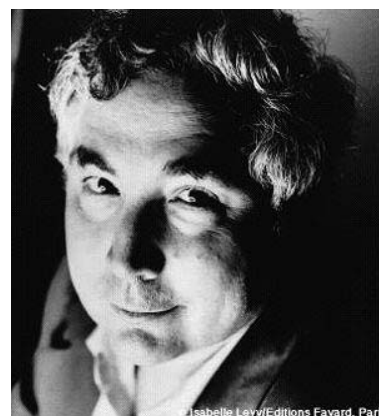
Рис. 17-2. Концепции постиндустриального общества

В частности, **Мануэль Кастельс (Manuel Castells, р. 1942)** развивает концепцию сетевого общества. После окончания Барселонского университета (1958–1962) он в 1967–1979 гг. преподавал в Нантере, а в 1979 г. переезжает в США, где начинает преподавать в Беркли.

Именно в этот период выходят его основные работы, посвященные постиндустриальному обществу: «Экономический кризис и американское общество» (1980), «Город и городские массы» (1983), «Город в информационный век» (1989), «Информационный век: экономика, общество, культура» (1996–1998), «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» (2001), «Информационное общество и государство всеобщего благоденствия: финская модель» (2002, соавтор Пекка Химейнн), «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива» (2004, редактор и соавтор), «Сетевое общество: от знания до политики. Центр трансатлантических отношений» (2006, соредактор), «Мобильная коммуникация и общество: глобальная перспектива» (2006, соавтор).

Важной идеей, развиваемой Кастельсом, является концепция сетевого общества и разделения всего земного шара на интернет-имущих и интернет-неимущих. Дело не в обладании интернетом как таковым, а в том, насколько интернет стал органической составной частью современного общества, средством коммуникации, производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Совсем по-другому представляется современное общество **Элвину Тоффлеру (Alvin Toffler, р. 1928)**. В 1949 г. он заканчивает Нью-Йоркский университет в Олбани и с 1965 г. работает в Корнельском университете и Новой школе социальных исследований. Основными работами по теории постиндустриального общества являются «Шок будущего» (1970), «Столкновение с будущим» (1972),

**Мануэль Кастельс
(р. 1942)**

Элвин Тоффлер
(р. 1928)

«Потребители культуры» (1973), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980), «Адаптивная корпорация» (1985), «Сдвиг власти» (1990), «Война и Антивоина. Опыт выживания на пороге XXI века» (1993), «Революционное богатство» (2006).

Наибольший резонанс имела работа «Третья волна». Идеи прогресса, типичные для Третьей волны, автор дополнил позднее характеристикой прогресса и в сфере вооружений, в своей работе «Война и Антивоина». Десять главных черт экономики Третьей волны, которые называет Э. Тоффлер, следующие:

1. Для факторов производства – это знание (информация, данные, изображения, символы, культура, идеология, система ценностей). Оно становится заменой других материалов, при этом подчеркивается, что знание неисчерпаемо. Оно является и решающим ресурсом и в военной сфере.

2. В области нематериальных ценностей наиболее существенным становится способность создавать, распределять, применять знания. Это характерно и для военной сферы, где решающим фактором стано-

вится лучшая разведка и связь, лучше обученные солдаты, а не просто их численность.

3. Для Третьей волны типичен уход от массовости. Происходит сдвиг от однородности к разнообразию. То же самое мы наблюдаем и в сфере вооружений, где решение индивидуальных задач достигает большего эффекта в разрушении системы обороны противника.

4. Глубокие изменения охватывают и сферу труда. Здесь происходит резкое повышение квалификации и падение взаимозаменяемости. То же типично и для армии, где главным фактором становятся квалифицированные солдаты.

5. Для поддержания конкурентоспособности и поощрения инициативы необходимы новые идеи – нововведения. Они типичны и для гражданской, и для военной промышленности.

6. Изменяется и масштаб – малое вытесняет большое, малые фирмы приходят на смену большим, гигантам. То же касается и военной сферы, которая требует меньше людей, однако, таких, которые вооружены более интеллектуальной технологией.

7. Существенные изменения затрагивают и организацию. Для нее становится типичным поиск новых форм, гибких и маневренных. Вооруженные силы также постепенно утрачивают жесткое управление сверху-вниз.

8. Э. Тоффлер выделяет изменения и в системной интеграции. Возрастающая сложность экономики требует более развитых интеграции и управления. Системная интеграция становится характерной и для управления в военной сфере.

9. Развивается мощная инфраструктура, которая все более и более основывается на новейших достижениях в электронике.

10. Для современной экономики делается типичным ускорение всех процессов. Темпы операций и темпы работ увеличиваются, конкуренция во времени обостряется. Деньги перемещаются со скоростью света, а информация перемещается еще быстрее. В военной сфере от быстроты выполнения маневров зависит успех всей операции.

Ален Турен (Alain Touraine, р. 1925) в отличие от своих коллег акцентирует внимание на проблеме формирования и развития социального капитала в будущем постиндустриальном обществе. В 1950–1958 гг. он работает в Национальном центре научных исследований в Париже. С 1960 г. руководит исследовательскими программами Высшей школы социальных наук, с 1966 г. – профессор Нантера. Именно в эти годы начинаются публикации многочисленных работ А. Турина, посвященных постиндустриальному обществу: «Социология действия» (1965), «Постиндустриальное общество» (1969), «Производство общности» (1973), «В защиту социологии» (1974), «Жажда истории» (1977), «Критика модернити» (1992), «Что такое демократия» (1994), «Способны ли мы жить вместе? Равные и различные» (1997).

Ален Турен
(р. 1925)

Остановимся на последней работе подробнее. С точки зрения характера соподчинения индивида и власти профессор Турен выделяет три стадии модернизации:

- I. Период, прошедший под знаком эпохи Просвещения и приведший к формированию первых буржуазных государств.
- II. «Срединная» стадия. Господство идеи рациональности, допускающее культурную самобытность в пределах национального государства.
- III. «Программируемое» общество. Отличается прежде всего возросшей ролью политической власти. Социум, «являющийся итогом решений, политики и программ, а не естественного равновесия».

В результате возникают проблемы общества потребления, усиливающие кризис формирования личности:

- Опыт каждого отдельного индивидуума не составляет целого; его части противоречат друг другу, «будто в каждом индивидууме сосуществует несколько личностей».
- Ослабление идеи постепенного подчинения нормам общественной жизни – как профессиональным, так и семейным.
- Личность, находящаяся в обществе потребления, не стремится к вращению в это общество.

«Распад социума и личности, – пишет А. Турен, – превратил наше общество в большей степени в супермаркет или в аэропорт, нежели в завод или в свод юридических норм. Если в прошлом Субъект находился в полном подчинении закону, Божескому или общественному, то в современном мире ему грозит стать жертвой общества потребления, которое, с одной стороны, манипулирует им, а с другой – постоянно подталкивает его к гонке за все новыми и новыми благами»⁴.

Рис. 17-3. Пути и факторы, ведущие к разрыву демодернизирующего мира

Угроза демодернизации показана на рис. 17-3. Тот, кто не идентифицирует себя ни с одной из частей распадающегося мира, переживает этот разрыв. Личное страдание является «главной силой сопротивления разрыву демодернизирующегося мира». Сущность Субъекта заключена в стремлении быть действующим лицом. А. Турен выделяет две основы Субъекта:

I. Борьба против логики рынка и сообщества, навязывающая постоянный и твердый принцип поведения.

II. Стремление к индивидуализации (субъективация), происходящее при достаточном контакте двух миров – конструктивная составляющая сущности Субъекта.

«Центральное место, которое мы предоставляем идее Субъекта, – пишет А. Турен, – должно воплотиться скорее не в подчеркивании уникальности современной ситуации, а в поиске различающихся, но вытекающих друг из друга социальных явлений, пронизывающих все общества, обладающие определенным уровнем историчности, способные к самопроизводству и трансформации».

Воплощение Субъекта происходит в двух противоположных образах: в индустриальном и постмодернистском обществах. Если для первого характерны призывы к справедливости и освобождению трудящихся, что находит свое воплощение в проектах идеального социалистического общества, то для постмодернистского общества на передний план выступают права человека, стремящегося ограничить общественную власть (см. табл. 17-1).

⁴ Touraine A. Pourrions-nous vivre ensemble ? Égaux et différent. 1997.

Таблица 17-1

Воплощение Субъекта в двух противоположных образах

	Постмодернистское общество		Индустриальное общество	
Воплощение Субъекта	Национальное государство, собственноручно сакрализованное	Права человека, ограничивающие общественную власть	Обожествление нового общественного порядка, создание проекта идеального социального общества	Рабочее движение – призывы к справедливости и освобождению трудящихся

«На каждом этапе, в любом типе общества Субъект отталкивается от мифа о сакральном порядке и в то же время исходит из принципа подрыва устройства, установленного властью.»

Самобытность Субъекта обуславливается сочетанием трех сил:

- Личное желание сохранить индивидуальную самостоятельность.
- Коллективная и частная борьба против властей, трансформирующих культуру в сообщество, а труд – в товар.
- Признание – как межличностное, так и институциональное – Другого в качестве Субъекта.

«Субъект не формирует себя в непосредственном контакте с самим собой, на базе своего личного опыта, в контексте персонального удовольствия и общественного успеха.

Он существует только в борьбе с силами рынка и сообщества; он не создает идеального города и индивидуума высшего типа, он осваивает и защищает лужайку, которую постоянно пытаются захватить.

Он скорее обороняется, чем участвует в борьбе, он скорее защищается, чем пророчествует.

Правда, он не олицетворяет собой лишь протест и борьбу; он также знает удачу, успех и счастье.

Но он – не архитектор идеального порядка; он — сила освобождения».

Подводя итоги, можно сказать, что для А. Турена самым главным является развитие субъекта – человеческой Личности с большой буквы. Проблема заключается в том, в какой мере удастся достичь гармоничного сочетания человека и общества. Люди предъявляют все более и более высокие требования к социальным стандартам своего бытия, и проблема заключается в том, что общество далеко не всегда соответствует этим высоким требованиям. Только там, где оно находит адекватный ответ на вызовы эпохи, оно движется вперед. Эти идеи получили своеобразие в интерпретации и в работах Фрэнсиса Фукуямы.

Фрэнсис Фукуяма (Yoshihiro Francis Fukuyama, р. 1952) после окончания в 1974 г. Корнельского университета, защитил в 1977 г. Ph. D. в Гарварде. В 1979–1980, 1983–1989 и 1995–1996 гг. работал в корпорации РЭНД. С 1996 г. он – профессор Университета Дж. Мэйсона. В 1992 г. выходит книга Фукуямы «Конец истории и последний человек», далее. «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» (1995), «Великий разрыв» (1998), «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» (2002), «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» (2004), «Америка на распутье: демократия, власть, и неоконсервативное наследие» (2006) и «Отставание: объясняя разрыв в развитии Латинской Америки и США» (2008).

Социальное состояние современных государств характеризуют, по мысли Ф. Фукуямы, рост преступности и социальной дезинтеграции, упадок родственных связей как социального института, падение рождаемости, сокращение браков, увеличение числа разводов и внебрачных детей, падение доверия к общественно-политическим институтам, изменение характера участия людей в жизни друг друга: мимолетность социальных связей, сокращение межличностных обязательств. Это и есть основные черты «великого разрыва».

Основа этих процессов «социальный капитал» – набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и делают возможным сотрудничество внутри этой группы. Каждое общество обладает «социальным капиталом», но все они различаются «радиусом доверия» – параме-

**Фрэнсис Фукуяма
(р. 1952)**

тром, указывающим на то, что определенные нормы сотрудничества распространяются на группы различного объема, а не на общество в целом.

Главная составляющая этих процессов – переход от индустриального к информационному обществу в экономической сфере, имеющий как положительные, так и отрицательные по своим социальным последствиям черты: «великий разрыв», который начал проявляться примерно с середины 60-х гг. XX в.

Количественный анализ изменений социального капитала измеряется параметрами:

- данные о преступности;
- данные о семейном положении граждан (показатели рождаемости, число браков, разводов, незаконнорожденных детей);
- данные опросов по доверию, ценностям и гражданскому обществу (речь идет об ассоциациях, занимающих место между семьей и государственными учреждениями).

Причинами великого разрыва, по мысли Ф. Фукуямы, являются рост бедности и/или неравенства в доходах, общее увеличение богатства в обществе, особенности современной системы государственного социального обеспечения, общие культурные сдвиги: упадок религии и господство индивидуалистических интересов, распространение морального релятивизма (как ложной доктрины).

Поскольку человек социален по своей природе, ему приходится совмещать ценности и правила, принятые в группе; со своими индивидуальными ценностями.

Общество связано со всем универсумом социальных норм. Иерархия неизбежна.

Ограничения на спонтанность возникают из-за размеров группы (спонтанный порядок возможен лишь для малых групп), различий в понимании справедливости, необходимости достижения организацией определенных целей, принятия быстрых решений и естественной склонности людей создавать иерархии (см. рис. 17-4).

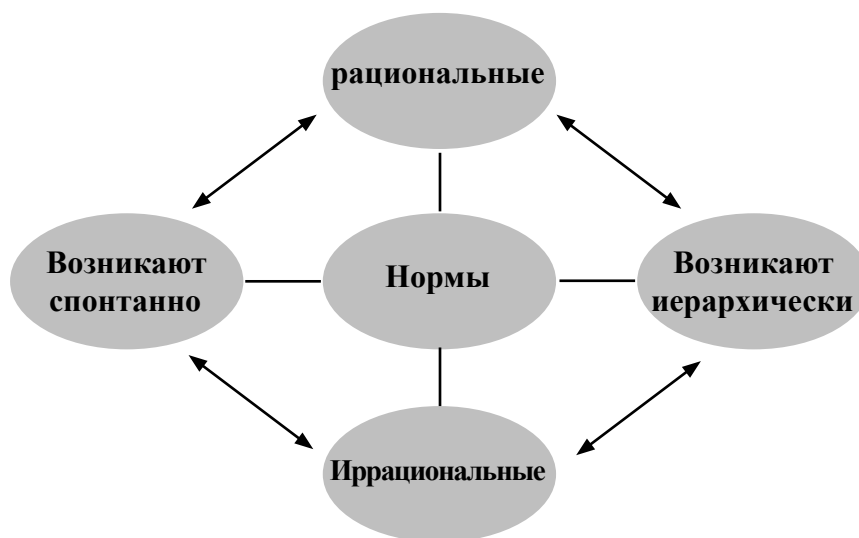

Рис. 17-4. Социальные нормы

В капиталистическом обществе высокая динамика может привести к распаду сообществ. Однако оно создает порядок и выстраивает новые нормы для замены тех, которые уничтожаются. В отличие от капиталистического, постиндустриальное (информационное) общество характеризуется устойчивым спросом на социальный капитал: он – «общественное достояние», за которое должно отвечать общество в целом (в лице государства). Главной задачей государственной политики является сохранение и стимулирование роста социального капитала. Поэтому необходимо осторожное отношение к государственным социальным программам, так как некоторые из них способны привести к снижению уровня ответственности и солидарности. Основой государственной политики, согласно Ф. Фукуяме, является способность государства обеспечивать общественную безопасность и стабильность прав собственности.

Фукуяма создает типологию стран по уровню доверия. К странам с высоким уровнем доверия он относит Японию, Германию, США, к странам с низким уровнем доверия – Китай, Мексику, Францию, Италию и Россию.

Конечно, можно соглашаться с Фукуямой или нет, но его исследование посвящено важному вопросу, который достаточно остро стоит сейчас перед российским обществом. Сегодня, когда страна проходит сложный этап политических, экономических, культурных преобразований, не утихают споры, что же именно лежит в основе хозяйственного успеха, какие составляющие наиболее важны для появления в России развитого, процветающего общества. В этом смысле книга Фрэнсиса Фукуямы «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» даёт пищу для размышлений российским политикам, экономистам и философам. Хотя автор и не рассматривает ситуацию с уровнем доверия в России, мы, на основе полученной информации, можем сделать вывод, что нам предстоит долгий путь, от которого не избавят ни разумные законы, ни рыночная база, ни активное развитие частного предпринимательства. В России должна сложиться новая система ценностей – только тогда возможно будет говорить о создании здесь современного общества и успешной экономике.

В начале XXI в. примерно 15–20% человечества начинают жить в постиндустриальном обществе, 60–70% остаются в обществе индустриальном, а еще 15–20% не могут даже пройти первичную индустриализацию. Характеристикой этой поляризации становится «глобальный цифровой разрыв» (см. табл. 17-2). Существовавшая раньше социальная противоположность владельцев средств производства и наемных рабочих сменяется (по М. Кастельсу, делением на интернет-имущих и интернет-неимущих. И Россия в этом новом мире даже после реформ 1990-х гг. не сокращает, а увеличивает отставание от развитых стран.

Таблица 17-2

Глобальный цифровой разрыв, 2000 г. (по М. Кастельсу)

РЕГИОНЫ МИРА	Доля общего числа пользователей Интернет, %
Северная Америка	42,6
Западная Европа	23,8
Азия	20,6
Восточная Европа	4,7
Африка	0,6

Таким образом, теории постиндустриального общества претендуют на роль новой общественной философии, которая указывает как развитым странам, так и человечеству в целом стратегические ориентиры развития. Правда, пока эти теории еще не достигли той степени, чтобы формулировать прямые рекомендации тактического уровня для социально-экономического регулирования. Формирование институтов регулирования происходило во второй половине XX в. либо с опорой на кейнсианские теории, либо даже в спонтанном режиме.

17.2. Европейские национальные модели создания постиндустриальной экономики: единство и различия⁵

В первые послевоенные десятилетия казалось, что «старушка Европа» навсегда передала лидерство в мировом развитии Соединенным Штатам. Однако впоследствии страны Европы продемонстрировали, что они продолжают оставаться «сильными игроками» в современном мировом хозяйстве.

Европейской модели присущи следующие основные черты: социальная направленность, высокий уровень ответственности, развитая система регулирования трудовых отношений и сформированная система социальной поддержки.

Социальная направленность включает в себя общественную собственность и регулирование инфраструктуры, общественную поддержку инновационной деятельности фирмы на уровне компаний, страхование жизни, высокие и структурированные схемы оплаты труда.

⁵ Данный параграф написан в основном по материалам статей: *Aiginger K.* The Ability to Adapt: Why It Differs between the Scandinavian and Continental Models // *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. Vol. 41. No. 1. January/February 2006. P. 14–23; *Aiginger K., Guger A.* The European Socio-Economic Model, Differences to the USA and Changes Over Time // *Global Europe; Social Europe*; *Aiginger K., Guger A.* The European Social Model: from an alleged barrier to a competitive advantage // *Journal of Progressive Politics*. Vol. 4.3. Autumn 2005. P. 40–47; *Aiginger K., Guger A.* The European Socio-Economic Model, Differences to the USA and Changes Over Time // *WIFO Working Paper* 266, 200; *Aiginger K., Tichy G., Walterskirchen E.* WIFO White Paper: Towards Higher Employment via Economic Growth Based on Innovation and Qualification. October 2006.

Ответственность включает в себя целую систему мер, которые обеспечивают благосостояние в широком смысле слова (включая защиту от болезней, инвалидности, безработицы, старости, борьбу против бедности и больших различий в доходах). В ответственность также входит обеспечение и стимулирование образования, развитая система здравоохранения и страхования, содействие в жилищном строительстве.

Регулирование трудовых отношений основывается на диалоге, законе и системе коллективных переговоров. Предприниматели активно привлекают работников к управлению на уровне компаний. Экономическое законодательство также формируется посредством экспертизы и с учетом мнения населения.

Социальная поддержка осуществляется преимущественно посредством распределения трансфертов в денежной и натуральной форме, поддержки низкооплачиваемых категорий населения. Важно подчеркнуть, что система поддержки и услуг открыта для всех групп.

Основными типами европейских моделей являются (рис. 17-5):

- скандинавская,
- континентальная,
- англосаксонская,
- средиземноморская,
- догоняющая.

Все **европейские модели** в большей или меньшей степени содержат в себе перечисленные выше четыре основные черты, однако каждая из них имеет свои особенности.

Для **скандинавской (северной) модели** (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания) характерны высокие налоги, высокий всеобъемлющий уровень перераспределения. Здесь развито сотрудничество между партнерами (включая профсоюзы) и правительством. Профсоюз занимается обучением и страхованием на случай безработицы. Налоги идут на выплату пособий по безработице и страхование на случай болезни. Минимальная заработная плата регулируется государством и повышается в соответствии с уровнем стоимости жизни. Это же касается и пенсий. Фактически, государственное регулирование охватывает все стороны жизни. Для этого общества характерна высокая социальная интеграция, универсальность. Государство обеспечивает высокий уровень занятости. Особый акцент делается на межвозрастном равенстве. Если раньше для этой модели были характерны очень высокие налоги, то в настоящее время наблюдается тенденция к их значительному снижению, особенно для бизнеса.

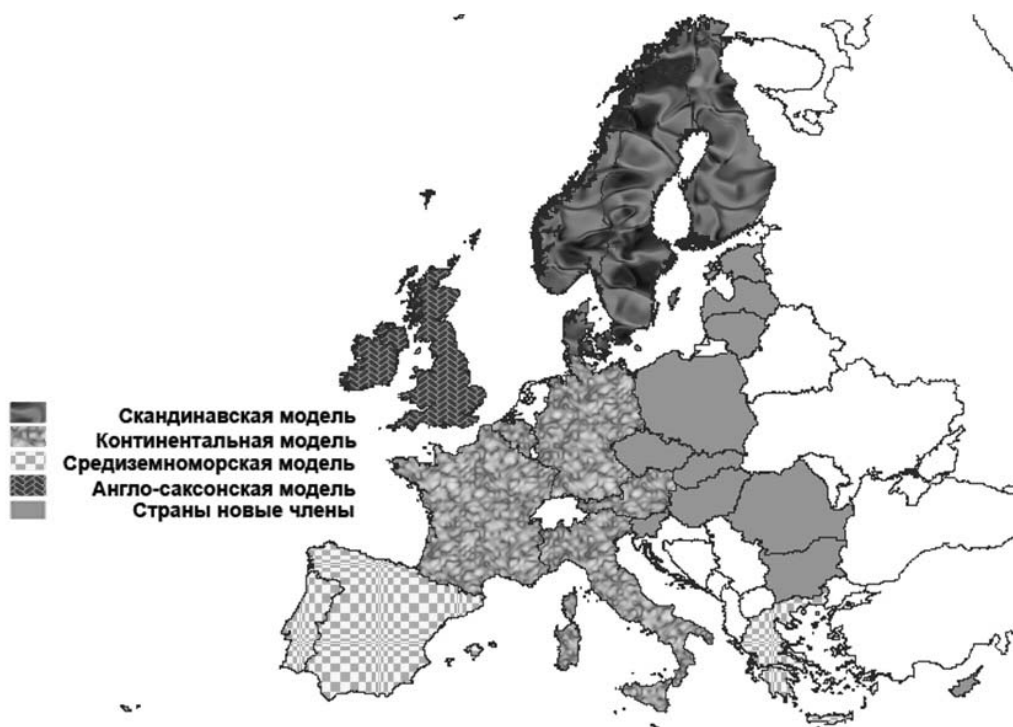

Рис. 17-5. Европейские модели социально-экономического развития
 Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // *The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Для **континентальной (рейнской) модели** (Германия, Франция, Бельгия, Австрия, Италия) перераспределение не столь характерно. Трудовой вклад оценивается по заслугам. Модель характеризуется промышленными связями и централизованными переговорами и трансфертами преимущественно в денежной форме. Низкие перераспределительные усилия компенсируются высоким уровнем трансфертов в денежной форме. Зато для этих стран характерно меньше трансфертов в натуральной форме.

Англосаксонская (либеральная) модель (включает не только страны Европы – Великобританию и Ирландию, но и бывшие английские колонии – США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию) характеризуется самым низким уровнем регулирования. Механизмы перераспределения используются главным образом для обеспечения основных потребностей социально незащищенных категорий населения. Зато в данной модели более развита поддержка конкуренции и существует усовершенствованная система регулирования инфраструктуры. Основной стратегией социально-экономического развития является повышение благосостояния, на это направлена общественная система здравоохранения и отчасти общественная система образования (особенно в Великобритании, но не в США).

Что же касается **средиземноморской модели** (Греция, Испания, Португалия), то в ней большую роль играют семейные связи и отношенческий капитал, сохраняются элементы патернализма. Они компенсируют сохраняющееся в этих странах значительное межвозрастное неравенство. Система трансфертов не развита в той же степени, как в вышеперечисленных моделях. В условиях аграрного патерналистского сообщества сохраняется низкий уровень вовлечения населения в процессы распределения.

Таблица 17-3

Экономический рост в различных моделях смешанной экономики, 1960–1990 гг.

Экономические модели	Ежегодные темпы экономического роста
Англосаксонская модель (Европа)	2.6%
Скандинавская модель	3.4%
Континентальная модель	3.5%
Средиземноморская модель	4.6%
Западная Европа в целом (15 стран)	3.4%
Англосаксонская модель (за пределами Европы)	3.6%
США	3.5%

Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Для **догоняющей модели** (Чехия, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Румыния) характерны низкие налоги и ориентация на прямые иностранные инвестиции. Фактически страны, относящиеся к данной модели, находятся в поисках своей идентичности в условиях Европейского союза, долгосрочные цели остаются еще за горизонтом планирования. Относительно новые институты еще не обеспечивают того высокого уровня жизни, который характерен для традиционных европейских моделей. Частые смены режимов приводят к тому, что неэффективное централизованное планирование сменяется дерегулированием, и наоборот.

Средний темп роста экономики за 1960–1990 гг. 15-ти стран Западной Европы составил 3,4% в год (см. табл. 17-3). В начале XXI в. произошло некоторое повышение темпов роста по сравнению с первой половиной 1990-х гг. (при незначительном ухудшении соответствующих показателей стран англосаксонской модели).

Несмотря на существенные различия в послевоенные годы европейские модели развивались примерно одинаковыми темпами (см. табл. 17-4). Наиболее высокие темпы роста были характерны для стран средиземноморской модели (4,6 % в период с 1960 по 1990 гг.). Если рассматривать темпы роста по группам стран с определённой экономической моделью, то выделяются страны средиземноморской модели, которые демонстрировали с 1960 по 1990 гг. темпы роста 4,5–4,8%. Англосаксонская модель в Европе демонстрировала относительно невысокие темпы роста (в частности, показатель темпов роста для Великобритании составляет 2,4%).

Таблица 17-4

Экономический рост в различных моделях смешанной экономики, 1990–2000-е гг.

Экономические модели	1990/1995	1995/2005	2005/2008
Англосаксонская модель (Европа)	2.7%	3.1%	3.0%
Скандинавская модель	2.5% ¹	2.8%	2.8%
Континентальная модель	1.7% ²	1.6%	1.7%
Средиземноморская модель	2.9%	3.5%	3.5%
Западная Европа (15 стран)	2.0%	2.2%	2.3%
Англосаксонская модель (за пределами Европы)	3.0%	3.3%	3.1%
США	3.0%	3.3%	3.1%

1. Все между 2,0% и 2,2%, несмотря на кризис 1991/92; Норвегия 3,2%

2. Германия 1,7%, Франция 1,9%, Италия 1,3%; малые страны 2%.

Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model*.

Некоторые макроэкономические показатели представлены в табл. 17-5. Традиционно уровень безработицы ниже в странах скандинавской модели и выше в странах континентальной и средиземноморской модели. Уровень занятости самый высокий в странах скандинавской модели и самый низкий в странах средиземноморской модели.

Таблица 17-5

Макроэкономические различия стран Западной Европы (2008 г.)

Экономическая модель	Безработица	Уровень занятости	Дефицит бюджета
Скандинавская модель	4.0%	77.2%	+2.5%
Континентальная модель	7.1%	67.7%	-1.6%
Англосаксонская модель (Европа)	5.4%	71.8%	-3.3%
Англосаксонская модель (в других странах)	5.4%	72.4%	-5.1%
Средиземноморская модель	9.0%	67.1%	-0.2%
США	5.4%	72.2%	-5.1%
Западная Европа (15 стран)	6.8%	68.9%	-1.2%

Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model*.

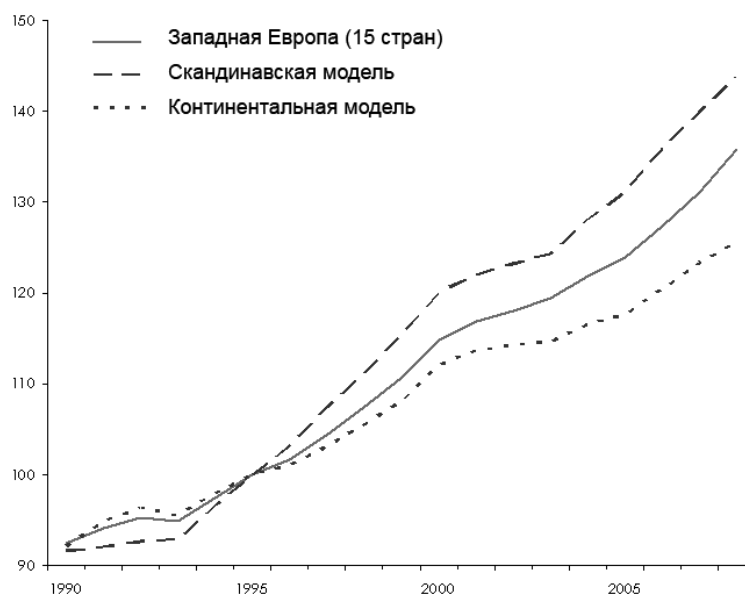

Рис. 17-6. Экономический рост скандинавской и континентальной моделей с 1990 по 2008 гг.
Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.

Примечание: 1995 г. принят за 100%.

Различия экономик стран, придерживающихся скандинавской и континентальной моделей, увеличиваются. При этом в странах с англосаксонской моделью социально-экономического развития наблюдается значительный дефицит бюджета, что заставляет решать текущие экономические проблемы за счёт доходов будущих поколений.

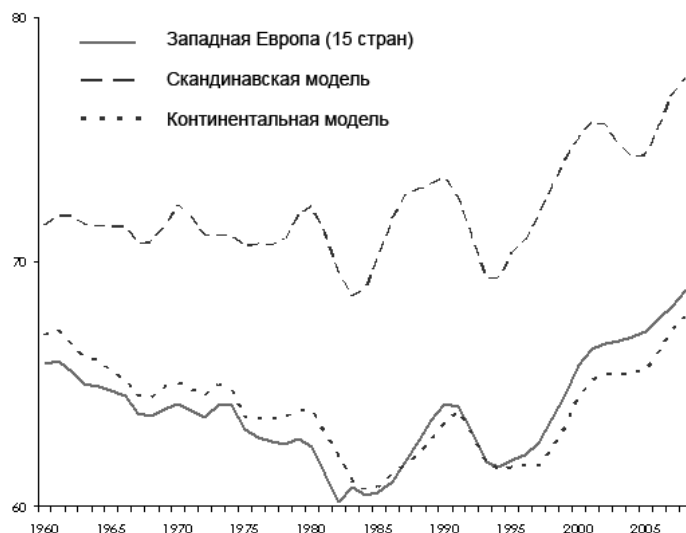

Рис. 17-7. Уровень занятости в скандинавской и континентальной моделях с 1960 по 2008 гг.
Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.

Если рассмотреть тенденции роста в период, предшествующий экономическому кризису 2008–2010 гг., то мы увидим, что скандинавская модель наглядно свидетельствует о высоком потенциале развития, особенно по сравнению с континентальной Европой (рис. 17-6). Отчасти это может быть объяснено за счет более высокого уровня занятости, который типичен для этих стран (рис. 17-7), отчасти за счет более низкого уровня безработицы (рис. 17-8).

В краткосрочной перспективе наибольшую эффективность показывают страны скандинавской и англосаксонской моделей. США и Великобритания демонстрируют высокие темпы экономического роста, но при этом вынуждены иметь дело со значительным дефицитом бюджета. Великобритания бурно растет после периода низких темпов роста. Высокие темпы роста демонстрирует и скандинавская модель, что стало самой большой неожиданностью для ее критиков.

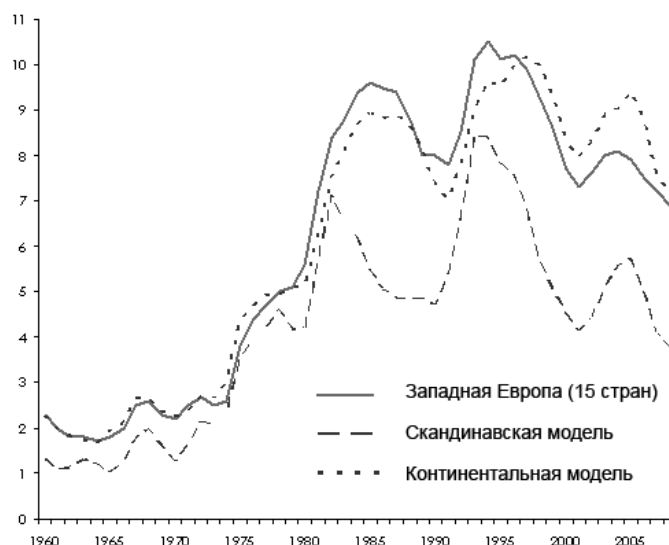

Рис. 17-8. Уровень безработицы в скандинавской и континентальной моделях с 1960 по 2008 гг.
Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.

Высокие темпы экономического роста, которые демонстрируют европейские страны, требуют объяснения. Обычно выделяют пять составляющих успешных стратегий развития стран Европы:

1. сформированная и поддерживаемая гибкость («Flexicurity»);
2. оплата труда и соответствующая работа или обучение как обязательство;
3. качество государственного управления;
4. экономический рост и лучшие технологии – предпосылки благосостояния;
5. последовательное стратегическое планирование.

Остановимся на этих факторах подробнее.

1. «Flexicurity», или сформированная и поддерживаемая гибкость, включает в себя:

- гибкость форм (практика легкого увольнения, дерегулирование неполной занятости (см. рис. 17-9);
- высокий коэффициент замещения, минимальный размер оплаты труда и пенсии, долгосрочная социальная поддержка (со стороны государства);
- отсутствие дискриминации по гендерному признаку, равные возможности полов;
- неполная занятость как право индивида и следствие его индивидуального выбора.

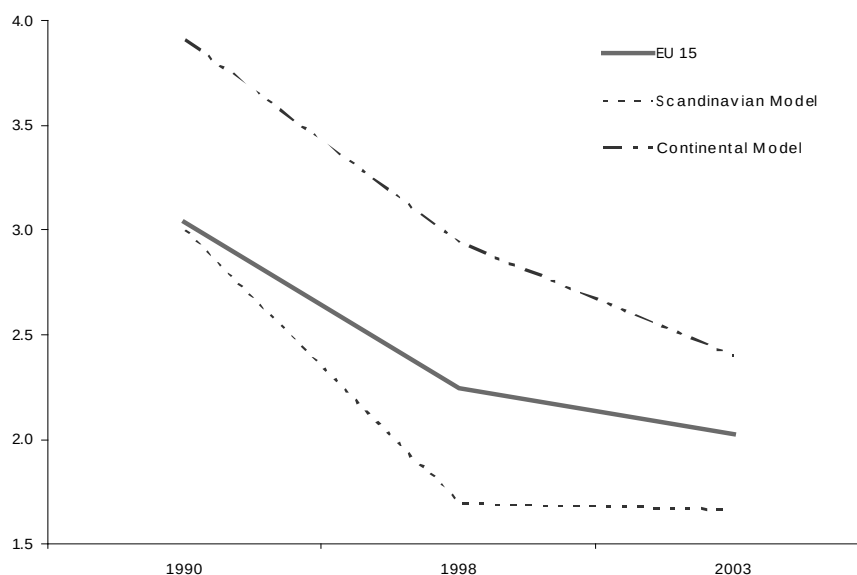

Рис. 17-9. Регулирование рынка труда: временный трудовой контракт
 Источник: Aiginger K. *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model* // *The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.*

Гибкость оказалась важнейшим преимуществом европейской модели, повышающим экономический рост и занятость. Однако очевидно, что подобная гибкость может возникнуть лишь на очень высоком уровне развития. К тому же несомненно, что она должна быть сбалансирована.

2. Оплата труда и соответствующая работа или обучение как обязательство.

Сформированная и поддерживаемая гибкость возникла потому, что она опирается на эффективную систему стимулирования труда. Стимулирование труда обеспечивается в краткосрочном периоде посредством налоговых кредитов, субсидий, неполного рабочего дня, а в долгосрочном периоде – предоставлением возможности повышения квалификации. Важным поддерживающим систему фактором является гибкая политика, проводимая для различных групп населения. Она достигается путем снижения налогов (результатом которого является уменьшение эффекта налогового «клина»); повышения мобильности – как региональной, так и профессиональной; повышения стимулов как для трудящихся, так и для представителей бизнеса (низкие налоги для бизнеса).

Таким образом, активная политики, направленная на регулирование рынка труда с обязательствами и гарантиями, оказалась значимым фактором повышения темпов экономического роста.

3. Качество государственного управления.

В последние годы в европейских странах резко повысились требования к качеству государственного управления. Даже сторонники усиления вмешательства государства в экономику понимают, что качество управления более важно, чем доля государства в ВВП. Поэтому они проявляют фискальную осто-

рожность в принятии стратегических решений. При этом главным критерием выступают не размеры налогов, а восстановление и расширение возможности налогового манипулирования. Государственный менеджмент постепенно становится профессиональной деятельностью, которая давно отказалась от прямых и грубых воздействий на экономику страны. Она видит свои функции в формулировке целей, контроле за их исполнением, понимая, что пути к этим целям будут эффективнее, если созданы условия для конкуренции между различными структурами, стремящимися к достижению намеченного. Это приводит к тому, что новые цели заменяют старые. Повышается роль образования, которое трансформируется в непрерывную систему. Управление развитием преследует не отдельные частные цели, а комплексное развитие отраслей и регионов. Возникает кластерное мышление, что позволяет формулировать амбициозные, но вполне реалистичные планы. Подчеркнем, для изменений на микроэкономическом уровне все больше и больше требуется макроэкономическая стабильность. Все это приводит к тому, что масштабы прямого и непосредственного вмешательства в экономику уменьшаются.

4. Экономический рост и лучшие технологии – предпосылки благосостояния.

На рубеже веков на передний план выходит политика повышения темпов экономического роста. Борьба за технологическое превосходство становится все более острой и злободневной. Основой формирования конкурентных стратегических преимуществ становятся инвестиции в НИОКР и образование, в информационные и коммуникационные технологии, а также в биотехнологии.

Таким образом, разворачивается проактивная инновационная политика. И здесь преимущество стран скандинавской модели тоже достаточно. Если для Парижского консенсуса была характерна ставка на либерализацию и дерегулирование («ждать, ничего не предпринимать»), то сейчас, с открытием границ, более актуальной сделалась наступательная политика – интервенции на открытых рынках. Инвестиции в будущее стали необходимым условием роста.

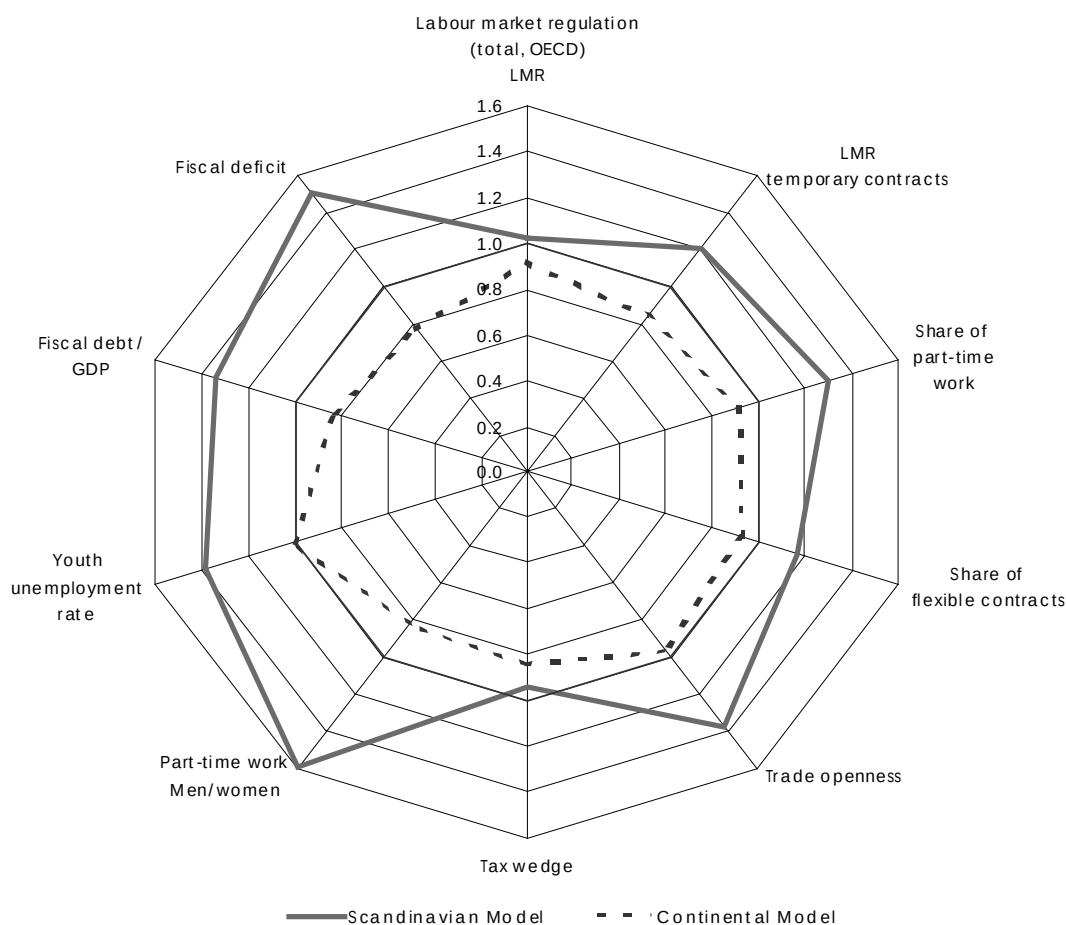

Рис. 17-10. Характеристики адаптивности: Скандинавия vs континентальная Европа
 Источник: Karl Aiginger, *The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model*, The 10th bi-annual EACES Conference, Moscow, 2008

5. Последовательное стратегическое планирование.

Активная инвестиционная политика невозможна без стратегического планирования. А это предполагает, как минимум, согласование интересов четырех независимых субъектов, формирующих эту политику: работодателей, работников, правительства и экспертов. Это не значит, что стратегические планы не составлялись раньше. Разница в другом: в том, что стратегии не только обсуждаются, но и выполняются. Следует подчеркнуть, они не так зависят от политического фактора, как раньше. Конечно, базовые черты стратегий имеют различные противоречия, однако стратегия не меняется при смене правительства. Необходимо отметить еще одно существенное обстоятельство – страны Единой Европы пытаются все чаще и чаще подключить к решению национальных задач иностранные организации. Важнейшей составляющей успешных стратегий является понимание, что реформы призваны нести позитивный настрой и что потери и выгоды должны быть справедливо распределены в обществе.

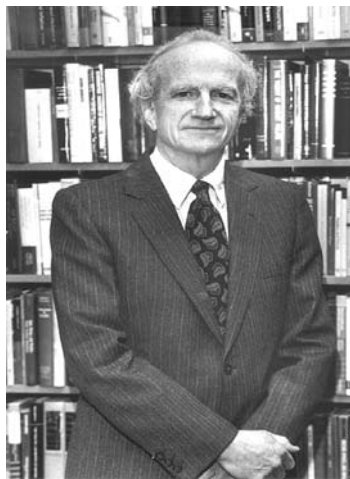
В заключение остановимся на различиях в европейских моделях (см. рис. 17-10). Скандинавские страны продемонстрировали лучшую подготовленность к переменам, чем континентальная Европа. Страны континентальной Европы оказались менее открыты, менее консолидированы во мнениях и в решении возникших проблем. Традиционный недостаток скандинавских стран, связанный с повышенной ролью государства в принятии решений, явился определенным достоинством в контексте глобализации экономики и постоянной необходимости инвестирования в будущее. В условиях постоянных изменений континентальная модель оказалась менее приспособленной и менее эффективной.

17.3. Возрастание роли человеческого капитала как результата и предпосылки экономического развития

В современной экономике возникают новые критерии для понимания как результатов, так и ресурсов социально-экономического развития. Речь идет о концепции человеческого капитала.

Теория человеческого капитала

Современная теория человеческого капитала была сформулирована в трудах американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике (1992) **Гэри Беккера (р. 1930)**, автора знаменитого исследования «Человеческий капитал» (1-е изд. 1964; 2-е изд. 1975). Г. Беккер выделял в человеческом капитале индивидуума знания, производственные навыки и мотивацию. Увеличение вложений в подготовку будущих специалистов и обучение квалифицированных работников, считает он, могут приносить в будущем не меньше прибыли, чем расходы на машинную технику.

**Гэри Беккер
(р. 1930)**

В понятии человеческого капитала надо выделить два аспекта:

1. Человеческий капитал как запас.

Человеческий капитал в широком смысле слова – это специфическая форма капитала, воплощенного в самом человеке; это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты. В структуре понятия обычно выделяют:

- Природные способности.
- Общую культуру.
- Знания общие и специальные.
- Приобретенные способности, навыки, опыт.
- Умение применить их в нужный момент и в нужном месте.

2. Человеческий капитал как поток доходов.

Вложения в человеческий капитал становятся важным активом, обеспечивающим более высокий поток доходов на протяжении всей жизни индивидуума.

В то же время нельзя не отметить, что это своеобразная форма капитала. Дело в том, что в условиях рыночной экономики многие явления и процессы приобретают товарную и денежную формы и могут рассматриваться как актив, приносящий регулярный доход. Не стал исключением и сам человек, многие характеристики которого (знания, способности, навыки и опыт), не будучи товаром, деньгами или капиталом как таковыми, приобретают эти исторически преходящие формы,

начинают (и не без успеха) примерять к себе эти одежды, эти новые для них социальные формы. В последнее время даже генетическую природу, физические и психические качества человека, его силу, красоту и ловкость стали выделять в особую форму физического капитала⁶. Если учесть также выделяемый П. Бурдьё в отдельную форму и культурный капитал⁷, то с учетом этого выделения *человеческий капитал* в узком смысле слова включает только общие и специальные знания; приобретенные способности, навыки и опыт, а также умение их применить в нужный момент и в нужном месте.

В развитых странах существует устойчивая зависимость между уровнем образования и доходом, получаемым в течение всей жизни (см. рис. 17-11). Каждая ступень в системе американского образования дает существенную прибавку в доходах. В результате годовой доход магистра более чем в 2 раза превышает доход выпускника американской школы, а последний, в свою очередь, вдвое превышает доход тех, кто обучался в ней менее 9 лет.

Если лица с начальным образованием получали в 1990 г. в США в течение всей своей жизни доход 756 тыс. долл., то лица с высшим образованием – 1720 тыс. долл. Абсолютный разрыв составил почти 1 млн долл.⁸. Следует заметить, что за последние 30 лет относительный разрыв в доходах между крайними группами фактически не изменился. Это говорит о существовании тенденции, которую стараются учитывать все рационально ведущие свое хозяйство семьи.

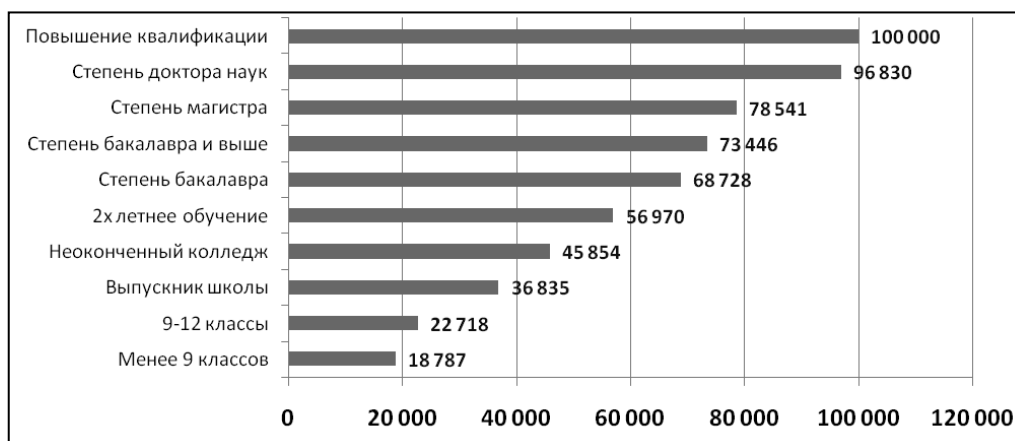

Рис. 17-11. Годовой доход в зависимости от уровня образования (США, 2003 г.)

Источник: U.S. Census Bureau. Population Survey. Income Statistics Branch/HSES Division.

Человеческий капитал это одновременно и достижение общества, и потенциал новых достижений. Поэтому неудивительно, что в настоящее время проблема инвестиций в производственные фонды уступает проблеме инвестиций в человеческий капитал. При сравнении различных стран все чаще начинают сопоставлять показатели не среднедушевого ВВП, а человеческого развития. Эти показатели позволяют выяснить, в какой степени различные меры регулирования действительно способствуют развитию постиндустриального общества.

Индекс развития человеческого потенциала как измерение человеческого капитала

Под влиянием институциональных теорий человеческого капитала был разработан *Индекс развития человеческого потенциала* ООН (Human Development Index – HDI). Он основан на трех показателях (см. рис. 17-12):

- ожидаемая продолжительность жизни, измеряемая средней продолжительностью жизни для населения в возрасте от 20 лет;
- интегральный показатель уровня образования, включающий:
 - долю неграмотного населения (берется в рамках интегрального показателя уровня образования с удельным весом в 2/3);

⁶ См.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2.

⁷ Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.

⁸ Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. М.: Аспект пресс. 1995. С. 191.

- объединенный показатель доступности начального, среднего и высшего образования – доля учащихся в соответствующей возрастной группе (этот индекс берется с удельным весом в 1/3);
- уровень жизни, измеряемый реальным ВВП на душу населения (от 100 до 40 000 долл. по ППС).

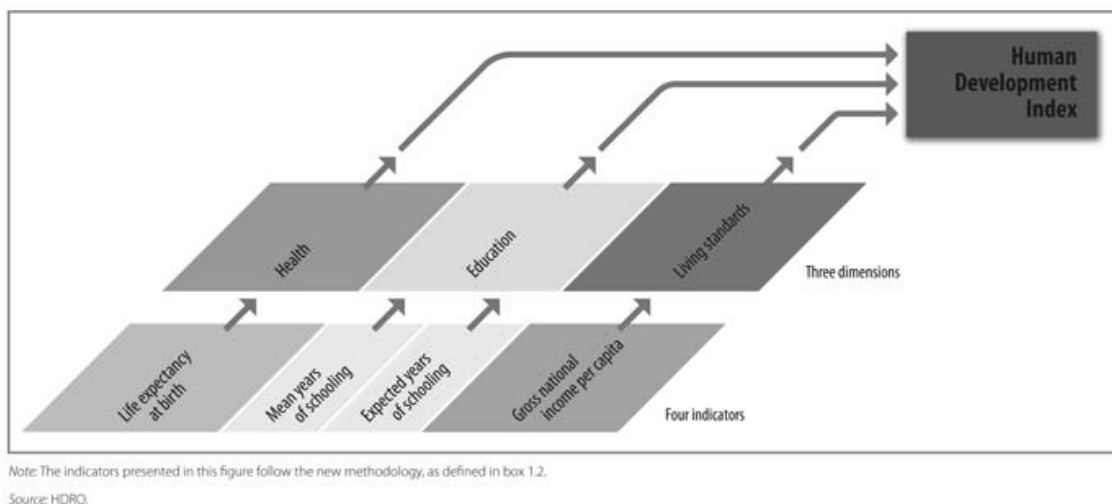

Рис. 17-12. Составляющие Индекса развития человеческого потенциала

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) является средним геометрическим индексов: ожидаемой продолжительности жизни, индекса уровня образования и скорректированного индекса реального ВВП на душу населения:

$$I_{\text{Жизнь}}^{1/3} * I_{\text{Образование}}^{1/3} * I_{\text{Доход}}^{1/3}$$

С 1990 г. ООН ежегодно публикует расчеты по этому Индексу. С 2010 г. расчет индекса был немного изменен. Если раньше при расчете максимального значения брались абстрактные величины, то теперь стали использоваться реальные максимальные показатели, достигнутые наиболее развитыми по данному показателю странами (см. табл. 17-6).

Таблица 17-6

**Максимальные и минимальные значения компонентов
Индекса развития человеческого потенциала**

Измерение	Наблюдаемое максимальное значение	Минимальное значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	83,2 (Япония, 2010 г.)	20,0
Средняя продолжительность обучения	13,2 (США, 2000 г.)	0
Ожидаемая продолжительность обучения	20,6 (Австралия, 2002 г.)	0
Сводный индекс образования	0,951 (Новая Зеландия, 2010 г.)	0
Доход на душу населения (По ППС в долл. США)	108 211 (ОАЭ, 1980 г.)	163 (Зимбабве, 2008 г.)

Источник: Доклад о развитии человека 2010, М.: Весь мир, 2010, С. 216

В табл. 17-6 представлены страны-лидеры по развитию человеческого капитала. Индекс развития человеческого потенциала этих стран приближается к 1. К сожалению, России в этом списке нет.

Для понимания механизма расчета показателя произведем реальные расчеты всех компонентов ИРЧП для Китая 2010 г. (см. табл. 17-7).

Таблица 17-7

Компоненты ИРЧП Китая в 2010 г.

Индикатор	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	73,5
Средняя продолжительность обучения	7,5
Ожидаемая продолжительность обучения	11,4
ВНД на душу населения (По ППС в долл. США)	7 263

Источник: Доклад о развитии человека 2010, М.: Весь Мир, 2010, С. 216

Правда, в последние годы ситуация меняется. Если с 1990 по 2000 гг. в России наблюдалось заметное снижение ИРЧП, то в последние 10 лет наметился позитивный рост. Однако не следует обольщаться: мы лишь вернулись к уровню конца 1980-х гг., когда существовал заметный разрыв между СССР и развивающимися странами. За эти годы он заметно сократился, и мы сейчас вышли на уровень, который был достигнут Латинской Америкой и странами Карибского бассейна (см. рис. 17-13).

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности жизни} = \frac{73,5 - 20}{83,2 - 20} = 0,847$$

$$\text{Индекс средней продолжительности обучения} = \frac{7,5 - 0}{13,2 - 0} = 0,568$$

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности обучения} = \frac{11,4 - 0}{20,6 - 0} = 0,553$$

$$\text{Индекс образования} = \frac{\sqrt{0,568 \times 0,533} - 0}{0,951 - 0} = 0,589$$

$$\text{Индекс дохода} = \frac{\ln(7263) - \ln(163)}{\ln(108211) - \ln(163)} = 0,584$$

$$\text{Индекс развития человеческого потенциала} = \sqrt[3]{0,847 \times 0,589 \times 0,584} = 0,663$$

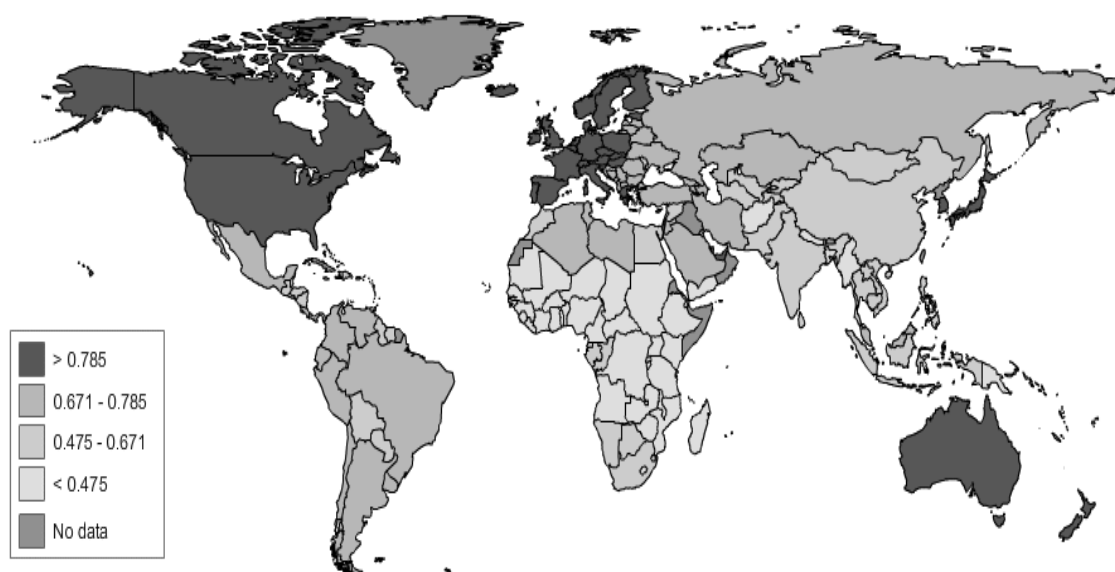

Рис. 17-13. Положение России в 2010 г. с точки зрения Индекса развития человеческого потенциала

Учебно-методические материалы

Занятие 17. Постиндустриальное общество

Концепции постиндустриального общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, П. Друкер, М. Кастельс, Э. Тоффлер, А. Турен, Ф. Фукуяма). Научно-техническая революция. Возрастание роли сферы услуг. Информация и телекоммуникации. Знание как лимитирующий фактор. Будущее труда. Человеческий капитал и его развитие. Индекс развития человеческого потенциала. Всеобщие производительные силы. Социальный капитал.

Транснациональная экономика. Возникновение глобальных проблем. Прогресс экономический и прогресс социальный.

Европейские национальные модели создания постиндустриальной экономики: единство и различия. Скандинавская (северная) модель. Континентальная (рейнская) модель. Англосаксонская (либеральная) модель. Средиземноморская модель. Европейская модель догоняющего развития.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870–наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. Гл. 12, 13, 15.
2. **Ван дер Вее Г.** История мировой экономики. 1945–1990. М., 1994.

Дополнительная

3. **Беккер Г.** Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. **Гэлбрейт Дж.К.** Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969
5. **Кларк Г.** Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
6. **Ляско А.К.** Проблема доверия в социально-экономической теории. Гл. 1–2. М.: Институт экономики РАН, 2004
7. **Мэддисон Э.** Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории/ Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. О. Филаточевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
8. **Нуреев Р.М.** Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Инфра-М, 2013. Гл. 3, 5.
9. **Kenwood A.L.** The growth of the International Economy, 1820–2000. 4th ed. London: Routledge, 1999.
10. Western Europe: Economic and Social Change Since 1945. Ed. by Schulze M.-S. L., Longman, 1997.

Web-ресурсы

11. **Гэлбрейт Дж.К.** Экономические теории и цели общества: http://magistr-yuga.narod.ru/index_lit_arhiv_ekonom_ek_3.htm.
12. **Клейн Л.** Глобализация: вызов национальным экономикам // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 6. С. 44 – 49: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/7_6_98.htm.
13. **Тоффлер Э.** Третья волна: http://socioline.ru/_seminar/library/misc/toffler.php.
14. **Baines D.E.** Economic history in 20th Century. L.: University of London, 2012 (<http://www.londoninternational.ac.uk/community-support-resources/current-students/emfss-rogramme-resources/subject-guides>).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем единство и в чем различия между теориями постиндустриального общества?
2. О будущем общества мечтали многие мыслители прошлого. Какие догадки подтвердились в ходе научно-технической революции, а какие не выдержали испытания временем? Как вы думаете, почему?
3. Между многими характеристиками рождающегося «чудного нового мира» и образом коммунизма по К. Марксу, как общества «по ту сторону материального производства», есть черты сходства. Назовите их.
4. По каким критериям можно проследить различия региональных моделей смешанной экономики в Европе?

5. Европейские национальные модели создания постиндустриальной экономики: их единство и различия?
6. Что такое человеческий капитал и как адекватно оценить его развитие?
7. В чем достоинства и в чем недостатки Индекса развития человеческого потенциала? Какие направления его развития Вы бы предложили?

ТЕСТЫ

1. Верны ли следующие утверждения?

1. К. Маркс характеризовал грядущий коммунистический строй как общество «по ту сторону материального производства». Эта характеристика совпадает с современными представлениями о постиндустриальном обществе

Да *Нет*

2. Характерной особенностью шведской модели смешанной экономики является использование правительством экономического планирования как основного инструмента макроэкономического регулирования

Да *Нет*

3. Основные черты японской модели смешанной экономики сформировались в период послевоенной американской оккупации

Да *Нет*

4. Особенностью французской модели смешанной экономики является «рабочий капитализм» – распространение акций среди наемных рабочих на льготных условиях

Да *Нет*

2. Выберите правильный ответ

5. В какой стране из нижеперечисленных современная национальная модель экономики сформировалась раньше, чем в других странах?

а) Швеция; б) Германия; в) Франция; г) Япония.

6. Германская модель экономики сформировалась под определяющим влиянием

- а) кейнсианцев;
б) ордо-либералов;
в) монетаристов;
г) социал-демократических идей.

7. «Когда были внесены изменения в законодательство об охране окружающей среды, которые сильно ограничивали выбросы в атмосферу, то автомобилестроители страны А на следующий же день провели внеочередную встречу своих инженеров. В тот же день производители автомобилей в стране Б созвали внеочередную встречу своих юристов»⁹. Какие страны обозначены в этом экономическом анекдоте буквами А и Б?

- а) А – Германия, Б – Швеция;
б) А – Япония, Б – США;
в) А – США, Б – Франция;
г) А – Франция, Б – Германия.

8. Голландская модель развития партнерства между наемными рабочими и предпринимателями получила название

- а) «общий дом»; в) «функциональный социализм»;
б) «социальное рыночное хозяйство»; г) «социальная гармония».

9. Что не типично для европейско-континентальной региональной модели смешанной экономики?

- а) высокий уровень налогов на доходы;
б) сильная социальная политика;

⁹ Цитата приведена как эпиграф к статье: Baumol W.J., Ordover J.A. Use of antitrust to subvert competition // Journal of Law and Economics. 1985. Vol. XXVIII. P. 247.

- в) многочисленные профсоюзы;
г) господство норм общего права (common law).

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕННОЙ СЛОЖНОСТИ И ЗАДАЧИ

10. Современный российский экономист В.Л. Иноземцев защищает концепцию, согласно которой современный мир переходит к «постэкономическому» обществу: чисто экономические факторы перестают быть ведущими в развитии современного общества¹⁰. Определите, какие изменения в хозяйственной жизни позволили ему прийти к такому выводу, и происходят ли эти изменения в современной российской экономике.

11. В таблице приведен рейтинг судебных систем по способности обеспечивать защиту и осуществлять принудительное исполнение (1 – наилучший показатель, 4 – наихудший).

Страны	Защита прав кредиторов	Защита прав акционеров	Принудительное исполнение
Великобритания	1	1	3
Германия	2	3	2
Скандинавские страны	3	2	1
Франция	4	4	4

Источник: Знания на службе развития. Отчет о мировом развитии. 1998/99. М., 1999. С. 120.

а) Определите, какая из этих систем может считаться наилучшей по совокупности признаков? Почему не осуществляется унификация судебных систем? Можно ли говорить о конкуренции правовых норм?

б) Как эти особенности судебных систем влияют на развитие акционерных обществ в различных национальных моделях экономики?

¹⁰ См., например: Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурис, Век, 1995.

ИЗМЕРЕНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В.В. СОРОКОЖЕРДЬЕВ,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории,
Кубанский государственный технологический университет,
президент КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани», г. Краснодар,
e-mail: sorich@mail.ru;

З.М. ХАШЕВА,

доктор экономических наук, профессор,
проректор Южного института менеджмента, г. Краснодар,
e-mail: kabardinochka@narod.ru;

Х.А. КОНСТАНТИНИДИ,

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг»,
Краснодарский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, г. Краснодар,
e-mail: kx81@mail.ru

RUSSIA'S MODERNIZATION STRATEGY MEASUREMENT

V.V. SOROKOZHERDEV,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor
of the Department of Economic Theory,
Kuban State Technological University,
President of the Krasnodar Regional Public Charitable Fund
«Science Education initiative of Kuban», Krasnodar,
e-mail: sorich@mail.ru;

Z.M. KHASHEVA,

Doctor of Economics (DsC), Professor,
Pro-Rector of the Southern Institute of Management, Krasnodar,
e-mail: kabardinochka@narod.ru;

Kh.A. CONSTANTINIDI,

Candidate of Economics (PhD), Head of the Department of Management and Marketing,
Krasnodar branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Krasnodar,
e-mail: kx81@mail.ru

Проблемы преодоления посткризисного состояния экономики, становления инновационного общества, проведения сбалансированной экономической политики находились в центре рассмотрения XXVIII Международной научно-практической конференции «**Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: глобальное, страновое, региональное измерения**», прошедшей 25–29 сентября 2013 года в г. Сочи.

Основными организаторами конференции выступили Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Южный институт менеджмента (Краснодар), Кубанский институт международного предпринимательства и менеджмента при поддержке Южного научного центра РАН, Центрального экономико-математического института РАН,

Южной секции содействия развитию экономической науки Отделения общественных наук РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, ряд других авторитетных научно-образовательных учреждений.

В ходе работы конференции состоялись пленарное заседание, дискуссии по обсуждению пленарных докладов, заседание круглых столов **«Проблемы совершенствования методологии и инструментария исследований в сфере экономики, права и политики»** и **«Проблемы развития гуманитарного образования в современной России»**, в котором приняли участие и представители XXIV сессии Адлерских чтений – Всероссийской научно-просветительской конференции **«Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия»**.

Для молодых ученых, принимавших участие в конференции, были проведены мастер-классы ведущих ученых Юга России (проф. В.Н. Овчинников, проф. О.Ю. Мамедов).

Открыл пленарное заседание конференции докладом **«Новый этап развития политической системы»** директор института политических исследований, проректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор С.А. Марков. По мнению докладчика, главной задачей совершенствования политической системы страны, прошедшей в своем развитии с конца 80-х гг. четыре основных этапа, становится достижение реального прогресса в построении управляемой и устойчивой к кризисам модели общественного развития. В качестве важнейшего ресурса достижения качественного прогресса общества на ближайшую и среднесрочную перспективу предложено рассматривать совершенствование деятельности государственного аппарата, других социальных институтов на основе анализа достижений и ошибок прошлого. Главное – это выявление и поддержка неравнодушных граждан, ориентированных на активную работу по оздоровлению общества и повышению конкурентоспособности национальной экономики.

В докладе **«Какая экономика нужна России и для чего?»** член-корреспондент РАН, зам. директора ЦЭМИ РАН, проф. Г.Б. Клейнер подчеркнул, что основная идея его доклада состоит в том, чтобы рассмотреть кризис как экономическую систему, а процессы ее развития (или, соответственно, подавления) с системной точки зрения. Для этого использован аппарат и результаты теории экономических систем, развиваемой в ЦЭМИ РАН. Докладчик обосновал необходимость развития нового методического направления в управлении – системного менеджмента. В докладе также рассматривались задачи: по преодолению кризиса и его последствий; по использованию кризиса как поворотного момента в экономической истории и теории; по созданию условий бескризисного (или низкокризисного) развития.

Рассматривая вопрос о том, какая экономика нужна России, докладчик доказывал, что изложенный им методологический подход к анализу состава и структуры национальных макроподсистем позволяет обосновать следующие качества, которыми должна обладать экономика:

- глубокая, многомерная и многоаспектная диверсификация; речь идет, в первую очередь, о трех её основных составляющих: диверсификации рабочих мест; диверсификации продукции; диверсификации «проектных ниш»;
- социальная лояльность; подразумевается партнерство с социумом, можно говорить о «гражданской ответственности» бизнеса перед государством и экономической ответственности бизнеса перед народным хозяйством;
- толерантность по отношению к бизнесу; экономика должна поддерживать стратегическое партнерство с бизнесом, при этом «сращивание» государства с бизнесом допустимо, если государство действительно проявляет лояльность к социуму;
- экстенсивность экономики; здесь предполагается развитие территориальных взаимосвязей, в рамках которых экономика представляет собой своеобразную структуру, обеспечивающую единство страны.

В докладе д. э. н., профессора, зав. кафедрой политической экономии и экономической политики экономического факультета Южного федерального университета, главного редактора журнала «TERRA ECONOMICUS» О.Ю. Мамедова **«Три круга российской модернизации»** отмечалось, что отношение к ней прошло обычные для всякого затяжного процесса стадии надежды, разочарования и насмешек. Тем не менее, по мнению докладчика, экономисты обоснованно продолжают обсуждать концептуальные аспекты экономической модернизации, поскольку с каждым упущенным днем осуществление модернизации становится актуальнее.

Рассмотрев ряд особенностей современной трансформации российской экономики, автор сделал вывод, что «центральный нерв» всей концепции модернизации – это вопрос о том, сумеем ли мы перейти от общества, обслуживающего государство, к государству, обслуживающему общество.

Долгий период существовало «молчаливое» согласие общества на монопольный статус государства в экономике – в обмен на рост доходов. Этот период по разным причинам завершается – государство вынуждено уходить из экономики, а с этим – из политики. Такой уход ускоряется экономическим кризисом, когда государство уже не в состоянии выполнять свои разбухшие патерналистские (включая дотационные) функции.

Значительное место в своем докладе О.Ю. Мамедов уделил проблематике современного развития Южного макрорегиона. По его мнению, реальный ход событий объективно подводит российскую (а с ней и северокавказскую) экономику к почти неизвестной ей «малогосударственной» модели. Это действительно плохо известная нам модель, но именно она представляет будущее российской, а, значит, и северокавказской, экономики. В ней по-иному будет организовано и производство, и распределение, и дотации. Интрига в том, что к новой экономике движутся практически все российские регионы. Для Северного Кавказа неподготовленность к этой новой экономике и неизбежное в период экономического кризиса сокращение федеральной бюджетной поддержки может вообще обернуться катастрофой. Вот почему Северный Кавказ должен быть в лидерах упреждающей модернизации в виде подготовки и перехода к «малогосударственной» экономической модели.

Профессор Московского государственного университета, д. э. н., проф. А.В. Бузгалин выступил с докладом **«Государство: национальные экономики и глобальный контекст»**, в котором акцентировал внимание на том, что в настоящее время существуют противоречия государственного регулирования, включая взаимодействие национального, хозяйственного и социального регулирования глобального рынка, а также представил возможные пути их разрешения, включая дерегулирование и десоциализацию национальной экономики. В докладе рассмотрены выигрыши за счет нового качества национальной экономики, достигаемые при помощи регулирования и социализации, а также реализации альтерглобалистской программы. Именно альтерглобалистские программы, в различных их формах, могут на взгляд А.В. Бузгалина, стать действительно позитивным средством разрешения накопившихся проблем.

Д.ю.н., профессор кафедры Гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета А.Я. Рыженков посвятил свой доклад на тему **«Основные начала гражданского законодательства и реалии правоприменения»** наиболее актуальным аспектам становления современного гражданского законодательства в России. По мнению докладчика, сложность применения принципов гражданского законодательства в судебной практике связана главным образом с тем, что единого механизма их действия не существует, а это, в свою очередь, обусловлено тем, что некоторые из этих принципов заимствованы из Конституции Российской Федерации, а некоторые – дублируются в конкретных нормах Гражданского кодекса РФ.

В докладе д. полит. н., профессора, заведующего кафедрой политических наук Университета Сент-Томас (Канада) М.А. Молчанова **«Россия в мире: социальное развитие как предпосылка модернизации»** был рассмотрен современный опыт хозяйственного развития России, связанный с последним финансовым и экономическим кризисом. Экономическое развитие и демократизация общества взаимно зависимы: дело не только в том, что демократия зависит от уровня экономического развития страны, но и в том, что рост экономики, в свою очередь, зависит от степени экономических и политических свобод населения. Пока российские элиты продолжают пренебрегать интересами народа, ключевые задачи экономической модернизации останутся невыполнимыми.

Тенденции модернизации российского образования, их концептуальный анализ и разработка актуальных мер по достижению реального прогресса в данной сфере были рассмотрены в докладе депутата Государственной Думы РФ, зам. председателя Комитета по образованию, д. ф. н., **член-корреспондента РАО О.Н. Смолина**. Им был проведен анализ, отмечаемых Министерством образования РФ, наиболее значимых угроз для российской системы образования, к которым, прежде всего относятся – тяжелейшая демографическая ситуация, связанная с сокращением числа потенциальных абитуриентов уже в ближайшие годы, а также цифровая революция, приводящая к сокращению спроса на образовательные услуги со стороны классических образовательных учреждений. В качестве наиболее значимых угроз для судеб российского образования докладчиком был выделен ряд проблем, главной из которых является политика самого Министерства образования РФ, которая приводит не только к кардинальному сокращению преподавательского состава, но и к фактической потере научными и образовательными учреждениями своей самостоятельности и значимого статуса в обществе. Альтернативный курс на проведение модернизации в образовательной сфере, предложенный О. Смолиным, включает следующие концептуальные идеи:

- понимание финансирования сферы образования не как издержек, а как наиболее значимых социально-экономических инвестиций;
- сохранение фундаментального образования в стране как альтернативы фрагментарной образованности, на формирование которой фактически направлена в сложившихся условиях деятельность Министерства образования РФ;
- считать необходимым при формировании Правительством мер регулирования образовательной сферы обеспечить адекватное отражение интересов работников сферы образования и науки, представляющих наиболее образованную часть населения, как в наибольшей степени соответствующих интересам страны.

По итогам конференции предполагается опубликовать сборник статей, две коллективные монографии. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

ЯЗЫКИ, ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРУ – НА СЛУЖБУ МИРА!

З.О. ЗАВРУМОВ,

кандидат филологических наук, доцент,
Пятигорский государственный лингвистический университет,
e-mail: nauka@pglu.ru;

А.П. КОЛЯДИН,

доктор экономических наук, профессор,
Пятигорский государственный лингвистический университет,
e-mail: kolyadin@pglu.ru

LANGUAGE, EDUCATION AND CULTURE – FOR THE PEACE!

Z.O. ZAVRUMOV,

Candidate of Philology (PhD), Associate Professor,
Pyatigorsk State Linguistic University,
e-mail: nauka@pglu.ru;

A.P. KOLYADIN,

Doctor of Economics (DsC), Professor,
Pyatigorsk State Linguistic University,
e-mail: kolyadin@pglu.ru

TERRA ECONOMICUS 2013 Том 11 № 4

С 1996 года Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ) реализует Программу «**Мир через языки, образование, культуру**» – широкую миротворческую научно-исследовательскую, образовательную и культурно-просветительскую программу, выступив ее инициатором.

Все эти годы главной целью Программы являлось укрепление мира, добрососедства и сотрудничества в Северо-Кавказском регионе гуманитарными средствами, что и было отражено в ее названии. Цель состояла в том, чтобы на основе изучения гуманитарных ценностей всех народов, проживающих на Северном Кавказе, которые воплощены в их языке, культуре, традициях и обычаях, литературе и искусстве, а также на основе изучения истории и современного состояния этнополитических, экономических, духовных связей реализовать интеллектуальный и морально-нравственный потенциал народов Северо-Кавказского региона и использовать его на благо процветания всей России, создав тем самым действительно прочные предпосылки для укрепления мира, дружбы и сотрудничества на Северном Кавказе на многие годы.

В рамках реализации Программы на базе Пятигорского государственного лингвистического университета в 1996–2010 годах было проведено шесть международных конгрессов. Участие в конгрессах государственных деятелей и широкой общественности, выработанные конгрессами решения и меры, разнообразные межконгрессиальные мероприятия способствовали стабилизации обстановки на Северном Кавказе, объединению миролюбивых и антитеррористических сил, привлечению международного внимания к Северокавказскому региону и донесению верных акцентов до международной академической среды и более широкой публики, а также формированию имиджа города Пятигорска как столицы миротворчества.

Исходя из изменившихся реалий в политической обстановке на Северном Кавказе и на большом Кавказе, с учетом открывающихся новых возможностей по расширению формата Программы в связи с получением городом Пятигорском статуса столицы СКФО, ее руководители и оргкомитет

Конгресса по согласованию с представителями Администрации Президента Российской Федерации и Аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе внесли изменения в наименование Программы – **«Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – мировое сообщество»**.

14–18 октября 2013 года при поддержке Государственной Думы, Федерального Собрания Российской Федерации и Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе состоялся очередной, VII Конгресс, основная цель которого содействовать установлению прочного мира и стабильности, развитию отношений подлинного доверия, искренней дружбы и плодотворного сотрудничества на Кавказе, в России и в мире гуманитарными средствами.

В рамках Конгресса состоялось 24 научных симпозиума. В работе Конгресса приняли участие ученые, руководители государственных и муниципальных органов власти, работники образования и культуры, политические, общественные и религиозные деятели, аспиранты, студенты из 50 регионов России и государств дальнего и ближнего зарубежья. Участники Конгресса представили к публикации более 700 материалов.

На пленарном заседании Конгресса с приветствиями и докладами выступили председатель организационного комитета Конгресса, ректор ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», председатель Совета ректоров вузов СКФО, академик АПСН А.П. Горбунов, Епископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт, президент Национальной Коммуникативной Ассоциации США, заведующий кафедрой коммуникации Техасского государственного университета (г. Сан Маркос) Стивен Биби, председатель Координационного совета РОО «Форум женщин Евразии», профессор кафедры национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ Р.М. Канапьянова, профессор, доктор философии Института политической науки Венского университета, (г. Вена, Австрия) Дитер Зегерт, доктор теологии, директор Института по правовым вопросам религиозной свободы юридического факультета, Университет Трнава (Словакия) Моравчикова Микаэла, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политэкономии и экономической политики ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» О.Ю. Мамедов, президент ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», заместитель председателя программного комитета Конгресса, академик РАО, президент АПСН Ю.С. Давыдов, доктор политических наук, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики Института международных отношений ПГЛУ М.А. Аствацатурова.

Как на пленарном заседании, так и на симпозиумах Конгресса состоялось обсуждение комплекса гуманитарных проблем развития Северо-Кавказского федерального округа, были выработаны практические рекомендации по обеспечению социально-экономической динамики, упрочению гражданского единства и российской идентичности северокавказского сообщества, оптимизации международного контекста развития Северо-Кавказского региона.

В заключительной резолюции участники Конгресса предложили при подготовке соответствующих целевых региональных и муниципальных программ по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года рассматривать образование, культуру и экономику как базовые, фундаментальные средства, которыми достигается укрепление мира и межнационального согласия в Северо-Кавказском федеральном округе и большом Кавказе в целом. В связи с этим рекомендовано расширять введение в учебные планы образовательных учреждений базовых курсов, спецкурсов и дисциплин специализации, посвященных стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа; проводить широкую воспитательную, информационную, просветительскую работу по формированию социальных компетенций межэтнического взаимодействия и упрочению российского патриотизма и гражданственности в молодежной среде; совершенствовать историко-культурный, образовательно-научный, санаторно-курортный и гостиничный секторы, транспортную и производственную инфраструктуру, обеспечить переход к новой (в плане технологий и методов хозяйствования) экономике Северо-Кавказского макрорегиона.

VII Международный Конгресс стал масштабной площадкой демонстрации ресурсов ПГЛУ как инновационного вуза, развивающегося в соответствии с устоявшимися традициями и современными тенденциями системы российского высшего образования. Участники Конгресса отметили, что главной стратегической задачей, которая в перспективе видится актуальной для всех субъ-

ектов геополитического процесса на Большом Кавказе, является упрочение здесь пространства цивилизационного диалога в целях недопущения превращения Кавказа в зону столкновения цивилизаций, культур, религий. В этой связи необходимо на основе освоения духовных ценностей всех народов и этнических групп, проживающих на Северном Кавказе, продемонстрировать мировому сообществу тот позитивный потенциал, который сосредоточен на этой уникальной российской территории.

Дж. Мэйнстринг (1864–1976)

«INSTITUTIONAL ECACAS»

Пер. с англ. Анфима Кандопожского

Предтеча американского институционализма Дж. Мэйнстринг известен и как автор теории «economically active additives» – «ecacas» (экономически активной добавки – «экаки»), разработанной им задолго до появления назойливой ватаги продавцов «биологически активных добавок» (БАДов).

В своё время концепция «ecacas» наделала немало шума, но у нас её перспективы актуализировались по мере развития рыночных реформ и снижения эффективности применения «политически активных добавок» (ПАДов – в виде реанимации идеологических мифов).

Публикуемый ниже заключительный фрагмент работы Дж. Мэйнстринга «THESE ODOROUS ECACAS» пользовался большой популярностью среди американских экономистов в годы Великой Депрессии.

К сожалению, рукопись обрывается на самом важном месте. Позже расследование ФБР подтвердило подозрения в том, что «эпоха Мэйнстринга» была искусственно прервана конкурентами из соперничающего колледжа.

J. Meinstring (1864–1976)

«INSTITUTIONAL ECACAS»

Translated by Anfim Kandopozhskiy

Forerunner of American institutionalism J. Meinstring is known as the author of the theory of «economically active additives» (ecacas), which he had developed long before the noisy gang sellers of the «biologically active additives».

At one time the theory of «ecacas» has caused a sensation, but in our country its prospects have become of current importance as market reforms developed and the effectiveness of «politically active additives» (in the form of resuscitation of all annoying ideological myths) reduced.

The following final fragment of J. Meinstring's «THESE ODOROUS ECACAS» enjoyed wide popularity among American economists during the Great Depression.

Unfortunately, the manuscript breaks off at the most important place. Later FBI investigation has confirmed the suspicions that «the era of Meinstring» was artificially interrupted by the competitors from a rival college.

Дизель заводится от искры, экономика – от *ecaca* (экаки).

Но если эффект искры был придуман г-ном Рудольфом Дизелем, то экаку создаёт сама экономика¹.

¹ Концепция «экаков» роднит экономическую теорию с химической, в которой «химкаками» выступают катализаторы химических процессов, – не случайно в одной старинной алхимической рукописи они именовались «какализаторами» (примеч. переводч.).

Впрочем, так продолжалось только до Великой Депрессии, – после неё экономика стала, подобно наркоману, постоянно нуждаться в искусственных экаках².

Именно такой экакой и является вбрасываемая, по рецепту Кейнса, в период кризиса в рыночный оборот дополнительная денежная масса³.

Но это эффективно лишь для развитой рыночной экономики; что же касается развивающейся экономики с её только ещё возникающими рыночными отношениями, то здесь кейнсианский рецепт не работает, так как излишняя денежная масса сразу сваливает юный рынок в «инфляционный штопор». Поэтому в «догоняющей» экономике целесообразнее применять адресные и косвенные экаки: налоговое стимулирование, субвенции, связанные кредиты, маневрирование учётной ставкой и банковскими резервами⁴.

Многолетние исследования позволяют мне предложить научную классификацию системы экак, в основе которой находится временной критерий.

1. «Экаки-универсальные»⁵ – системные экономически-активные добавки, приводящие в бодрое состояние спрос и предложение во всех сферах, отраслях и регионах национальной экономики.

2. «Экаки-локальные» – экономически-активные добавки, учитывающие специфику данного локализованного фрагмента национальной экономики (например, в южных штатах маневрирование аграрным налогом важнее, чем его применение в индустриальных штатах Севера США).

3. «Экаки-стратегические» – целевые программы конгресса, радующие местных чиновников надеждой на получение бюджетных денег.

4. «Экаки-одноразовые» – в виде «золотых парашютов», долженствующие внушить рядовым акционерам чувство уверенности в своей корпорации.

5. «Экаки-инновационные» – инвестиции под масштабные инновационные проекты.

Кроме этого, моими аспирантами разработаны характеристики и других экак (например, «экаки-вертикальные» и «экаки-горизонтальные»; «экаки-дружественные» и «экаки-недружественные»; «импо-экаки» – импортируемые, обычно подрывными элементами, экономически-активные добавки, изготовленные по зарубежным рецептам).

В научной сфере функции экаков выполняют глубоко продуманные административные требования: например, такого рода – обязать в течение месяца всех профессоров Арлианского университета получить Нобелевскую премию в своей профессиональной области (или – за две недели написать по 3-томной монографии и опубликовать в издательстве «Вельзевул»).

Мои эконометрические исследования по маркетингу интеллектуальной продукции привели меня к открытию принципиально нового вида экаки, который способен вывести из кризиса всю североамериканскую экономику, уже три года пребывающую в кризисе⁶.

Эффективность этой экаки невероятна!

Такой экакой являются вовсе не дополнительное финансирование, не массовое инновационное обновление технологии производства и даже не последние достижения менеджмента, а то, что лежит буквально на поверхности.

Я имею в виду такую экаку, которая всем экакам – экака!

Суть суперэффективной экаки состоит в том, что...

(На этом месте трагически обрывается знаменитая рукопись Дж. Мэйнстринга, оставив последующим поколениям экономистов задачу отыскания этой загадочной «есаса»⁷).

² «Экакистость» экономики накладывает экакный отпечаток на всю надстройку – политику и идеологию.

³ В романе Гюго «Девяносто третий год» великий писатель повествует о том, как корабль попадает в ужасную бурю между двумя скалами, и капитан приказывает вылить в волны перевозимый груз – оливковое масло: на мгновение море стихает, и кораблю за это мгновение надо выскочить из ловушки, потому что после в море начинается нечто невообразимое. Таков и эффект «экаков»: вброс денег в буйство кризиса способен на некоторое время утихомирить его. Это и есть знаменитая «антикризисная» политика по Кейнсу.

⁴ Хотя уважаемый профессор Розенблюм и возражал мне в «Old sheet of the new university», указывая на то, что на каждую «добавку» всегда найдётся альтернативная «убавка», весомых аргументов он не привёл.

⁵ В просторечии чаще используется укороченная форма – «исасас».

⁶ Свою работу Дж. Мэйнстринг написал в 1939 году – к третьей годовщине Великой Депрессии; Впрочем, замолчать вклад Дж. Мэйнстринга не удалось – в настоящее время издаются десятки «экакных» журналов, в которых раскрываются тонкости главной экакной сферы – экономической политики, образуя новую отрасль социального знания – «экакологию» (примеч. переводч.).

⁷ Сегодня в тамошней профессорской среде принято уважительно обращаться к мэтру – «старая экака», а раз в три года проводится конкурс «Новая экака», премия в котором присуждается придумавшему оригинальный стимул активизации национальной экономики.

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

**Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

2013

Том 11

Номер 4

Сдано в набор 01.11.2013. Подписано в печать 07.11.2013.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18,60. Уч.-изд. л. 12,74.
Тираж 558 экз. Заказ № 16. С. 152.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8 (863) 269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.